Сенсационный

ПРОЕКТ ИГОРЯ ОБОЛЕНСКОГО

Четыре подруги эпохи

Мемуары на фоне столетия

Гурченко, Раневская, Орлова, Фрейндлих и другие...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Они всегда на виду. О них всегда говорят. Пришло время, чтобы заговорили они сами: о времени, судьбе, карьере и плате за успех. О том, о чем их хотел бы спросить каждый. Среди действующих лиц — загадочные легенды прошлого и настоящего: вечно молодая Любовь Орлова, сломавшая свою жизнь Валентина Серова, непонятая Фаина Раневская, одинокая Рина Зеленая, своевольная и противоречивая Екатерина Фурцева и многие другие — Татьяна Доронина, Виктория Токарева, Алиса Фрейндлих, Элина Быстрицкая, Галина Вишневская, Людмила Гурченко.

Они рассказывают о себе самое главное и сокровенное — семье и предательстве, успехе и расплате за него, триумфах и трагедиях. Со страниц этой книги открываются неизвестные грани невероятных судеб подруг эпохи, чьи непридуманные истории — фотография века.

- Игорь Оболенский
  - Вместо предисловия
  - Часть первая
    - Простые истины
    - Москва — Тбилиси
    - Без вины виноватая
    - Эшелон
    - Ее формула
  - Часть вторая
    - Царица по жизни
    - Пять вечеров
    - Одинокие сны
    - Богиня на обочине
    - Упасть вверх
  - Часть третья
    - Аксинья
    - Родная кровь
    - Портрет на фоне
    - Одиночество в розовом цвете
    - Просто Екатерина Фурцева
  - Часть четвертая
    - Та самая
    - Золотая маркиза
    - Грустное веселье
    - Эпизоды

- Муза и кухарка
- Часть пятая
  - Киномама
  - Диалоги о любви
  - Та, которая ждала
  - Любовь с препятствиями
  - Красавица и чудовища
- Часть шестая
  - Гамлет в юбке
  - Последний день рождения
  - Стальная орхидея
  - Скандинавский сфинкс
  - Шоколадная любовь

Игорь Оболенский
Четыре подруги эпохи. Мемуары на фоне столетия

Вместо предисловия
Дивы, музы, легенды…

Первой героиней этой книги стала легендарная Софи Лорен.

Мы познакомились летом 1997 года, когда знаменитая итальянка приехала на Московский кинофестиваль. Конечно, тогда я не думал, что рассказ о встрече с Лорен станет одной из глав будущей рукописи.

Потом было много других встреч с удивительными женщинами, изменившими наше кино, театр, литературу. Добиться их согласия на беседу было не так-то легко. Но тем, наверное, дороже результат.

Все собеседницы произвели на меня большое впечатление, общение было незабываемым.

Да и немудрено, одни имена чего стоят: Татьяна Доронина — восклицательный знак, Галина Волчек — восклицательный знак, Алиса Фрейндлих — восклицательный знак.

А еще были Галина Вишневская, Вия Артмане, Людмила Гурченко…

Продолжать можно долго, но не стану — оглавление есть в конце, а сами истории начнутся уже со следующей страницы.

Скажу лишь, что для меня составление настоящей книги стало возможностью еще раз совершить своего рода прогулку по прошлому — годам, когда я, волнуясь, набирал телефонные номера своих великих современниц и просил их о встречах. Случалось, слышал отказы. Не всегда разговор складывался. Но бывали, надеюсь, и удачи.

Некоторых героинь этого сборника я не мог знать в силу возраста. Имею в виду личное знакомство.

Любовь Орлова, Валентина Серова, Клавдия Шульженко, Вера Мухина…

Зато с неожиданных сторон мне открывались перипетии их судеб и карьеры, за которыми скрывалась реальная личность персонажей, чья история — фотография века.

Потому, наверное, мне и было столь интересно заниматься всем этим. «Учить жизнь не по учебникам», — как пел герой моей книги, посвященной легендарным мужчинам XX столетия.

Теперь появилась и книга о женщинах. Четырех подругах эпохи…

Часть первая
Эпоха живых легенд

Простые истины
Актриса Алиса Фрейндлих

Она всегда была одной из моих самых любимых актрис. О непростом характере Алисы Бруновны ходят легенды, а потому у меня даже не возникало идеи повстречаться с Фрейндлих и записать интервью. Желание, конечно, было. Даже домашний номер ее питерской квартиры имелся. Но от телефонного разговора до встречи расстояние еще больше, чем от Москвы до Санкт-Петербурга.

Сама актриса в столицу приезжает не часто, но увидеть ее на московских подмостках, во время гастролей, возможно. Вот и в тот раз вместе с Олегом Басилашвили они привезли в Москву спектакль «Калифорнийская сюита».

Уже не помню, при каких обстоятельствах я оказался на служебном входе Театра эстрады, на сцене которого проходили гастроли. Оставалось минут двадцать до начала и я собирался выйти на улицу, чтобы успеть добежать до зрительского входа.

В этот момент к зданию театра и подъехала машина, из которой вышел пожилой человек с загипсованной ногой. Само собой, я помог ему добраться до помещения и проводил до лифта. Улыбнулся в ответ на его благодарность и приготовился ретироваться, когда услышал вопрос, не хочу ли я посмотреть спектакль.

— Спасибо, у меня уже есть билет. Я как раз собирался в зрительный зал.

— Как же мне вас отблагодарить за помощь? Что значит, не за что! Вам ничего не стоило мне помочь, а мне ничего не стоит… Ну, хотите я вас с Алисой Фрейндлих познакомлю?

— Очень! А это возможно?

Вместо ответа мой новый знакомый, который, как я потом узнал, был одним из продюсеров спектакля, громко крикнул: «Алиса!» и откуда-то сверху раздалось: «Я здесь. Ты уже приехал?» Голос Алисы Бруновны я бы не спутал ни с одним другим.

Переходя к развязке, скажу, что уже через несколько минут я был представлен Фрейндлих и получил приглашение в гостиничный номер, в котором она остановилась.

Мы увиделись на другой день после спектакля. Стоит ли говорить, что публика принимала Фрейндлих и Басилашвили на ура. Алиса Бруновна и Олег Валерианович играли супружескую пару, но в антракте едва ли не половина зала припоминала

другую ипостась актеров — директора Калугиной и ее заместителя из комедии Эльдара Рязанова.

Удивительно, но, сыграв десятки ролей (и зачастую каких!) в театре и кино, для большинства зрителей Алиса Бруновна действительно прежде всего Мымра из «Служебного романа». Кстати, несмотря на сумасшедший успех картины, удостоенной Государственной премии, Фрейндлих была единственной, кто эту самую премию не получил.

— Было обидно, что лауреатами стали все, кроме вас?

— Нет, я настолько привыкла к каким-то ограничениям, которые были приняты в Совдепии. Мне было даже смешно.

— А не обижает, что в первую очередь вспоминается Мымра из «Служебного романа»?

— Немножечко. Но ведь это действительно так. Хотя успех этого фильма у молодого зрителя для меня — загадка. Кстати, Эльдар Александрович приглашал меня на роль Шурочки Азаровой в «Гусарскую балладу» (ее потом сыграла Лариса Голубкина). Но не сложилось. А вот в «Служебном романе» действительно получилась неплохая работа.

«Ключевой в фильме была, конечно, роль Калугиной, — вспоминает Эльдар Рязанов. — Недаром в качестве одного из вариантов названия картины долго обсуждалось такое — «Сказка о руководящей Золушке». И если прекрасным принцем в конце фильма окажется неказистый поначалу статистик, то несимпатичная Мымра должна быть преображена талантом исполнительницы в очаровательную принцессу. Во время съемок мы подружились. Не попасть под очарование Алисы Бруновны — женское, человеческое, актерское — было невозможно».

Прав Эльдар Александрович, прав на все сто. Невозможно не только не попасть под обаяние Актрисы, невозможно не влюбиться в нее. Наша беседа с Алисой Бруновной состоялась в одной из гостиничных комнат, где из всей обстановки были письменный стол, стул и непонятно каким образом и с какой целью туда попавший большой резиновый шар.

«Значит, так, Игорь, — попыталась распорядиться Фрейндлих. — Вы садитесь на стул. А я… А я вот на шар сяду. Ничего, мне удобно будет».

Разумеется, никто не позволил актрисе изображать из себя спортсменку, отдыхающую на своем спортивном снаряде. Мы отправились в кафе и там поговорили. Но отсутствие звездного пафоса, искренность и простота Фрейндлих меня покорили.

— Получается, в своей шкале ценностей вы у себя не на первом месте? Вы для себя не самый близкий человек?

— (Смеется.) Не-ет. Во всяком случае, в моей жизни достаточно компромиссов.

— Откуда взялся миф о вашем несносном характере?

— Вы это серьезно? Неужели такое обо мне говорят? Интересно, с чего бы?

— Но вы можете, если нужно, поставить зарвавшегося человека на место?

— Иногда нахожу в себе какие-то силы и аргументы, чтобы это сделать. Но иногда теряюсь. И только задним числом, когда становлюсь такой умной, думаю, почему же я это не сказала.

— Многие журналисты боятся даже звонить вам.

— Я очень часто отказываюсь от интервью. Мне каждый день звонят по пять человек. Со всеми разговариваю лично. Потому что, поставь я автоответчик, буду вынуждена выслушивать разных дур, которые звонят и молчат. Или их монологи.

— Обидно, когда о вас говорят неправду?

— Ну а как же? Как у всех Стрельцов, у меня обостренное чувство справедливости.

Родители Фрейндлих — Бруно Артурович и Ксения Федоровна — познакомились в театральной студии. Правда, через несколько лет после рождения дочери их пути разошлись. Бруно Фрейндлих, отправившись с театром во время войны в эвакуацию, вернулся в Ленинград с новой семьей. А Ксения Федоровна во время войны работала на военном заводе, а затем — старшим контролером в Центральной сберегательной кассе Ленинграда.

— Алиса Бруновна, почему родители вас назвали Алисой? Тогда это ведь было достаточно редкое имя?

— Да. Тогда даже книжка Кэрролла «Алиса в стране чудес» не была переведена. Это папа придумал. Не знаю, что пришло ему в голову. У мамы были совсем другие намерения — она хотела назвать меня Наташей. На что бабушка и папа сказали: «Что же ты создаешь девочке такую странную кашу — Наталья Бруновна Фрейндлих». В результате меня и назвали Алисой.

— Детство часто вспоминаете? Какие у вас самые яркие воспоминания?

— Они, конечно, фрагментарные. Помню, болела скарлатиной и была вынуждена сидеть дома. Бабушка обычно брала меня с собой в булочную и покупала мне пирожное. А тут я проснулась утром — бабушка уже ушла. Я поставила табуретку к двери, открыла задвижку и прямо в ночной рубашке побежала за бабушкой. А надо было перейти 3–4 дороги. Когда я бабушку

нашла, мне сильно попало. Тогда были такие времена — пока меня не было дома, дверь была нараспашку и никто не зашел.

А еще помню, когда папа приходил с репетиции, обязательно ложился днем поспать. Для него дневной сон был как «Отче наш», для того чтобы создать себе после утренней репетиции перед вечерним спектаклем иллюзию нового дня. Папа и мне эту необходимость передал. И вот однажды он прилег и оставил меня совершенно одну — бабушка чем-то занималась, мама ушла на работу. Я долго ходила вокруг него кругами, не давая заснуть. И когда он наконец задремал, карандашом ткнула ему в глаз. Хотела таким садистским образом разбудить его. Была за это выпорота и поставлена за печку в угол. Помню, будто это было вчера.

— Есть ностальгия по тому времени?

— Я не помню настолько то время, чтобы судить о нем с тех позиций, с которых я сужу сегодня. Это же было до войны.

— Когда вы росли, кто был велик для вас?

— В самой юности я была в упоении от Марии Бабановой. Причем в первую очередь от элегичности ее голоса. В нем для меня была какая-то музыка, предмет для подражания. Я меньше видела ее на сцене, чем слышала по радио. Рисовала себе ее облик и представляла, что она в это время делает на сцене. Когда появилась картина «Дорога» в 60-х годах, я влюбилась в Джульетту Мазину.

В том, что она станет актрисой, сама Фрейндлих не сомневалась никогда. Вот только поначалу не могла определиться, какой актрисой становиться — музыкальной или драматической.

«У меня был хороший голос, — говорит Алиса Бруновна. — Высокое меццо-сопрано, довольно редкое, и меня прочили в консерваторию».

Решающим оказалось мнение отца, с которым, несмотря на категорические возражения его второй жены, Алиса встречалась. Бруно Артурович прямо сказал дочери, что на оперной сцене она потеряется («Ты же кроха, а там фактура нужна»), а вот на драматической сцене она сможет и голос использовать, и внешность ее не будет помехой.

Разумеется, избежать разговоров о том, что вот, мол, известный артист пытается пристроить свою дочь, не удалось. Однако Алису кривотолки нисколько не раздражали.

— Видимо, у меня оказалось крепкое темечко — я просто не впустила их в себя. К тому же любое шушуканье вызывало во мне приливы здоровой злости: доказать, что я и сама по себе кое-что значу. Увы, Варя, моя дочка, в этом смысле не в меня и ушла из

профессии именно из-за бесконечных пересудов за спиной: похожа или не похожа, отдыхает природа или не отдыхает.

— Алиса Бруновна, а вообще вам тяжело жить?

— Бывает и так и так. В общем, непросто. Я сегодня все чаще и чаще — может, это связано с возрастом, когда оценки не такие легкомысленные, — вспоминаю, что Раневская попросила написать на своем надгробном камне: «Умерла от омерзения». Люди теряют нравственность с такой бешеной скоростью, что мне страшно становится за внуков. Они же попадают в эту атмосферу и возрастать будут в ней. Что из них получится, когда они вырастут и станут выбирать себе ценности, когда им выбирать-то почти не из чего.

— Вам, может быть, свойственно себя «накручивать»? Все на самом деле не так уж плохо, а вы себе внушаете, что все ужасно.

— К сожалению, я склонна преувеличивать всякие негативные мысли. Потом пытаюсь это подавить в себе. Понимаю, что мысль энергетична. Но первый импульс — страх. Это плохое качество. Но оно есть. Я очень многого боюсь.

— Чего?

— Того, что что-то случится с моими близкими. Что повернется не так, как мне хотелось. До сих пор боюсь сцены, особенно если долго не было спектакля или какая-то новая непривычная обстановка — город, страна, зал. Это постоянные страхи. Другое дело, что я пытаюсь их чем-то гасить. Знаю, что страх не приводит к хорошим результатам. Это и есть предмет какой-то внутренней борьбы.

— Внуки быстро выросли?

— Вот тут как раз нет. Они ведь на моих глазах растут. Иногда даже думаю: что же они так медленно взрослеют, я же не успею увидеть их большими. А мне этого очень хочется.

Личная жизнь актрисы… Впрочем, на то она и личная, чтобы о ней знала лишь сама Фрейндлих. А мы знаем лишь имена ее двух мужей — журналиста Владимира Карасева и знаменитого театрального режиссера Игоря Владимирова, в браке с которым у нее родилась дочь Варя.

— Чем занимается Варя?

— Она самокритичный человек. К счастью. Занялась тем, что нарожала детей. Они потребовали от нее времени. В театре она вообще ничего не успела. Отец ее звал в театр, пока еще был жив, я звала в театр, но она сказала: «Нет, нет, не хочу. Если только в кино». Потому что кино — это как бы не моя область. Она не попадала со мной в одно русло. В киношке у нее есть два или три

опыта…

Кстати, сама Варя на сцену не очень-то и стремилась. «Мои родители страстно мечтали, чтобы я пошла по их стопам, — рассказывает она. — Помню, мама наигрывала на рояле и пела какую-то детскую песенку, провоцировала меня, чтобы я за ней повторяла, хотела понять, есть ли у ребенка слух. Вот она поет, а я молчу. Она: «Ну, Варенька, я сейчас спою, ты за мной повтори, а потом мы вместе споем». Я молчу. Долго смотрю на нее тяжелым взглядом, а потом говорю: «Поешь? И пой!»

Актрисой я быть не собиралась, но хотела что-нибудь близкое к театру. Все-таки выросла я за кулисами. Решила пойти на театроведческий факультет. Но мне там было скучно. Через год пошла-таки на актерский. Подумала: даже если ничего потом не получится, я хоть время весело проведу. А когда «потом» наступило, я струсила. Не пошла работать в театр, не почувствовала в себе уверенности. Тут мама такая, тут папа такой… Ну что я? И пошла на телевидение. Работала там ассистентом режиссера».

Несколько лет назад Варвара вернулась в профессию и сыграла в спектакле «Калифорнийская сюита», где ее партнерами стали Алиса Фрейндлих и Олег Басилашвили. Впрочем, называть этот спектакль «возвращением» не совсем корректно, потому как вся роль Владимировой — девочки по вызову — заключалась в молчаливом возлежании в постели горе-мужа, которого играл Басилашвили. Правда, безмолвно возлежать ей приходилось на протяжении целого акта.

Главная же работа Вари — быть матерью двоих очаровательных детей.

— Как вы думаете, человек сам делает жизнь или все предписано свыше?

— Верю, что что-то предписано. Но понимаю, что каждому дается шанс. Вот сказка: пойдешь, перед тобой будут три дороги — одна туда приведет, а другая туда. Сказка. Всегда найдется какой-то вариант. Если хватает здравого смысла или интуиции поступить верно.

— У вас хорошая интуиция?

— Бывает, что попадаю впросак. Но понимаете, какая штука… Я пришла к выводу, что лучше прислушиваться к интуиции. Бывали случаи, когда я слушала свой первый внутренний посыл — и он оказывался правильным. Но если я начинала размышлять и выбирала что-то другое, то потом об этом жалела.

— Вам вообще свойственно сожаление?

— Да. Эти размышления — урок на будущее.

— Что вам сегодня нужно для счастья?

— Во-первых, чтобы мои дети и внуки были здоровы и в безопасности. Поскольку момент опасности в нашей жизни сегодня очень значителен. Или если бы вчерашние аплодисменты после спектакля достались моей дочери Варе, а я бы в это время сидела в зрительном зале.

— Вы позволяете себе иногда лениться?

— Я могу полениться в быту. У меня такие завалы всяческих бумаг дома — сценарии, пьесы, что мне нужен месяц, чтобы во всем этом разобраться и навести порядок. А я думаю: «Ладно! Умру, Варя, дочка, бульдозером все вывезет из дома». Только предупреждаю: «Варька, все подряд не вышвыривай. Потому что среди бумаг может быть автограф Астрид Линдгрен или записки Тарковского».

— У вас есть любимые философские высказывания или пословицы?

— Если я где-то вычитываю замечательно сформулированную самостоятельную мысль, то с удовольствием пользуюсь ею. Когда я училась в институте, мой педагог постоянно повторял: «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Мудрость этой фразы я осознала гораздо позже. Пословица «Маленькая ложь рождает большое недоверие» сослужила мне добрую службу, когда у меня подрастала дочь. У меня было мало времени на ее воспитание, хотя я убеждена, что наставления ничто по сравнению с собственным примером. Однажды Варя не сделала уроки, а мне сказала, что все в порядке. В наказание я заставила ее целую тетрадку исписать этой фразой. И достигла успеха. Слава тебе господи, я больше никогда не словила ее на том, что она сказала неправду.

— Земную жизнь ведете? Ходите по магазинам?

— Раз в десять дней ко мне приходит очень милая женщина, которая убирает. И есть женщина, которая готовит. Это то, на что у меня не хватает времени. Что касается магазинов, то, как правило, захожу в них по пути откуда-то куда-то.

— В одном из интервью прочитал о вашей диете — тратите нервы, которые лучше всего жгут калории.

— Да, это ведь действительно так. Если не тратить нервы, то нечего делать в театре. Нечего туда ходить и заниматься этой профессией.

— Спасибо за разговор, Алиса Бруновна.

— Да пожалуйста. Теперь ваша задача — развенчать слухи о моем несносном характере. Одна беда — за время нашего разговора я выкурила столько сигарет, ужас! Я всегда так — только звонит телефон, одной рукой беру трубку, а другая сразу

тянется за сигаретой. Даже не замечаю этого.

— Ну тогда, пока еще тлеет сигарета, последний вопрос. Вы знаете, что вы великая актриса?

— Как я могу это понимать? Я иногда слышу такие оценки и думаю: что ж вы так торопитесь? Дайте помереть. А потом уже цените.

Москва — Тбилиси
Балерина Нина Ананиашвили

Рассказы о моих встречах с балериной Ниной Ананиашвили могут походить на дневник путешественника, по записям в котором легко проследить судьбу собеседников.

Знакомство с примой-балериной Большого театра состоялось в начале двухтысячных в Москве. Близилась премьера балета и Нина пригласила меня в гости. Так получилось, что из-за дорожных «пробок» сама героиня опаздывала. Поэтому в московской квартире на Фрунзенской набережной меня встретил ее муж Григорий.

«Располагайтесь, пожалуйста, — проводил он меня в просторную гостиную. — Кофе не предлагаю. А вот чай — на здоровье! Вы какой любите — ромашковый, мятный, вишневый или зеленый? Нина звонила, они уже подъезжают».

За окном было холодно, стоял декабрь, и чашка вишневого чая оказалась весьма кстати. А через несколько минут передо мной появилась и сама Нина.

Выглядела она замечательно, а потому было странно вспоминать недавние статьи о том, что знаменитая балерина находится в плохой форме и вообще чуть ли не собирается покинуть сцену.

— Почему, как вы думаете, в прессе постоянно возникают всякого рода легенды о вас?

— Мне кажется, народ уже не может жить без домыслов. Раньше я жутко переживала. А потом поняла, что слухи придумывают люди, которые больше ничего другого делать не могут. Надо же им чем-то заниматься. Это и есть их род занятий. И стала относиться спокойно. Мне становится их жалко. Ведь они все меряют по своей мерке. Но в то же время их можно понять: растет безработица, и, даже когда артист выходит на пенсию, прожить на нее он не может.

— И что же?

— Происходит катастрофа. Никто не думает, как это ужасно, когда в 38 лет человек уходит на пенсию и не знает, что делать. Он все отдал танцам и в итоге остался ни с чем.

— Вы об этом уже думаете?

— Я человек, который понимает: придет время, когда надо будет уйти. Но когда именно это время придет, думать не хочу. Сегодня у меня есть работа, предложения, контракты. Слава Богу,

есть семья, есть муж, и я не исключаю, что в один из дней вдруг решу больше не заниматься балетом и займусь чем-то другим. Чем? Да всем чем угодно, кроме высшей математики. Не боюсь никакой работы. Остановить меня может только физическая смерть.

— Не думаете попробовать себя в качестве драматической актрисы? Я заметил у вас на журнальном столике кассету со спектаклем «Горе от ума» Олега Меньшикова.

— А я дружу с Олегом. Обожаю Женю Миронова. Вообще люблю театр и, если есть время, обязательно хожу на спектакли. Еще с Тбилиси, когда родители совсем маленькой водили меня на постановки Стуруа, Туманишвили. Мне повезло: у меня муж оказался страшным театралом. Когда он за мной ухаживал, то понял, что меня можно вытащить из дома только в театр. Благодаря ему я посмотрела все лучшие постановки Москвы.

Кстати, когда я была маленькой, то снималась в кино. Кахи Кавсадзе — Абдулла из «Белого солнца пустыни» — играл моего папу…

У меня был в жизни сложный период, когда я сломала ногу и год не могла танцевать. И хотя внутренне и чувствовала, что это лишь временный перерыв, все-таки подумывала, что, может, покончила с балетом навсегда. Приятно, что никто из продюсеров не отменил мои гастроли, их просто перенесли на год. Мне не разрешили рисковать собой и заставили делать операцию.

И получилось, что тот год (1995. — Прим. И.О.), несмотря на то что я 9 месяцев не выходила на сцену, был плодотворным. Я познакомилась с главным режиссером Театра на Таганке Юрием Любимовым. Юрий Петрович сам позвонил и пригласил меня в театр. Он тогда как раз репетировал «Медею» и предложил мне главную роль. «Юрий Петрович, — сказала я, — это совсем другая профессия, которой надо учиться. Но можно мне просто приходить на ваши репетиции?» Любимов разрешил. У меня был текст пьесы Еврипида, и все два месяца репетиций я каждый день приходила в театр. В день премьеры я волновалась больше, чем на собственных премьерах.

За тот период я изменилась, стала другой. Может, и не случайно все это было. Врач, который мне в Америке делал операцию (в клинике со мной лежали суперзвезды хоккея, футбола), сказала: «Нина, не волнуйся, после операции все будет еще лучше». И знаете, почему так произошло? Из-за внутреннего состояния. Ты перестраиваешься и по-другому начинаешь смотреть на жизнь. Когда муж впервые вывез меня на кресле-каталке, я посмотрела на мир другими глазами. Поняла, как же все прекрасно и какое счастье, что ты здоров. Все остальное —

ерунда на постном масле.

— А как получилось, что вы сломали ногу?

— В репетиционном зале поскользнулась и упала. Все нервы, все из-за них. Тогда тоже был трудный период в театре, я переживала, ночь не спала, с сердцем было плохо. Но утром все равно пошла на репетицию, думала, позанимаюсь — и все дурные мысли вылетят из головы. Ведь, если я брошу балет, мне никто не поможет. Легче всего упасть, труднее — перебороть. Плакать всегда проще.

— Вы никогда не плачете?

— Плачу. Я терпеливый человек, меня обидеть можно лишь незаслуженным словом. Но выход слезам даю не на людях, а только дома.

— А в сны верите?

— Верю. Правда, не знаю их толкований, так как не читаю сонники. Но есть вещи, о них мне бабушка говорила. Какие-то приметы, которые запали в подсознание. Я во сне видела, как выхожу замуж. Лет за 20 до свадьбы я увидела, как в шикарном белом платье иду под венец. К сожалению, правда, самого интересного — лица мужа — не видела.

— Вы как-то сказали, что вышли замуж «поздно», в 25 лет. Разве это поздно?

— Сейчас это считается нормальным. А я раньше вообще думала, что замуж не выйду. Все подруги были замужем, у всех были, как сейчас говорят, бойфренды. Некоторые даже поразводиться успели. А у меня этого не было. Хотя друзей — в основном ребят — было много. Когда мне исполнилось 25 лет, стали появляться поклонники, которые предлагали руку и сердце, к чему я совершенно не была готова. А потом взяла и вышла замуж.

— Вы — дисциплинированный человек?

— Если надо, могу себя заставить. Например, необходимо спать днем. Я не люблю, но приучила себя. А раньше, несмотря на то что сильнее начинало биться сердце, перед спектаклем пила много кофе. Пока один знакомый врач не посоветовал перестать, сказав, что и без кофе все будет нормально. Я попробовала и убедилась, что взбадриваюсь и без кофе. А потом мне сказали, что полезнее пить чай, так как в нем меньше кофеина. И мы дома стали пить зеленые, фруктовые чаи.

— Встаете рано?

— Каждый день в 9 утра, так как уже в 11 начинается балетный класс. Ужасно тяжело бывает вставать, не хочется.

— Еще и без кофе.

— Да-да (смеется). Но могу. Вообще наша профессия учит

подчинению.

— У вас дома много торшеров. Не любите яркий свет?

— Утомляет свет со сцены. Хотя когда родители приезжают из Грузии, то удивляются: «Как, у тебя есть свет, а ты его не любишь». Для них свет — это счастье.

— А что это за книга красивая? «Старинные сады и парки». Неужели вы это читаете?

— Мы собираем старинные книги. Вот издание стихов Анны Ахматовой 1921 года выпуска, вот Лесков 1920 года выпуска. Я недавно перечитала его рассказы и получила огромное удовольствие. Совсем другое ощущение. А еще я собираю старинные балетные открытки. Смотрите: вот Карсавина, Павлова, Нижинский…

Запись того разговора в московской квартире Нины увидела свет. Говорили мы с Ниной о многом: обсуждали планы в Большом театре, поездку в Японию, где должно было состояться празднование 20-летия ее балетной карьеры. Тогда в главном театре страны в очередной раз кто-то менялся — то ли директор, то ли художественный руководитель. В результате были отменены почти все спектакли Нины. И вопрос об уходе из Большого казался вполне уместным.

С тех пор мы долго не виделись. Мало того, признаюсь честно, не думал, что судьба вновь сведет с Ананиашвили. Тем более что по прошествии лет Нина оставила Большой театр и вернулась в родной Тбилиси. Возглавила Тбилисский театр оперы и балета.

За прошедшие годы в жизни Ананиашвили произошли почти революционные изменения.

— Нина, раньше мы встречались в Москве, теперь — в Тбилиси. Мы с вами разговариваем в кабинете художественного руководителя Государственного театра оперы и балета Грузии.

— (Улыбается.) Да, в моем маленьком кабинетике.

— Довольно неожиданный поворот судьбы.

— Я и сама не ожидала этого. Мы на днях с мужем обсуждали, насколько неожиданным оказалось наше возвращение в Грузию. У меня был Большой театр, распланированные по всему миру гастроли. И вдруг такое развитие событий!

— А как все произошло? У вас зазвонил телефон?

— Да, мне позвонили и сказали, что со мной хочет встретиться президент Грузии. Я ответила, что буду в Тбилиси летом. И когда приехала, мы встретились. Президент спросил, что нужно сделать для того, чтобы я вернулась в Грузию и возглавила

театр. Во время разговора стало понятно, что он в курсе того, что происходит в моей жизни, где и какие партии я танцую. «Вы нам очень нужны, — сказал господин Саакашвили. — Я очень хочу поднять театр». Для меня такое предложение было неожиданным. Я ведь никогда не руководила. Да, вывозила труппу на гастроли, но при этом все равно оставалась просто балериной.

— А теперь и хозяйством приходится заниматься?

— Нет-нет, на мне только творческая жизнь театра. Предложение президента было сделано так, что я просто не могла отказаться и сказать: «Вы пока наладьте здесь все, а я потанцую и приеду на все готовенькое». Я поняла, что если откажусь в тот момент, когда нужна своему народу, то мне потом будет совестно всю свою жизнь.

— И вы согласились?

— Да, решила попробовать приложить все свои силы, знания и связи для того, чтобы театр вновь встал на ноги. Сама определила себе срок — три года. Если получится что-то сделать — останусь на посту художественного руководителя. Нет — вернусь к профессии балерины.

— Судя по количеству премьер — пять наименований в год — и аншлагам в зрительном зале, вы со своей задачей справились.

— Я ничего не смогла бы сделать, если бы не помощь президента. Говорю это не потому, что обязана упомянуть имя Саакашвили. Его помощь театру действительно неоценима. Я ведь могла себе позволить жить в любой стране мира. Но я в Тбилиси, и все это благодаря ему. У меня есть деньги на зарплату артистам и средства на постановки, без которых я бы никого не могла пригласить. Конечно, благодаря дружеским связям удается привозить в Тбилиси талантливых хореографов и танцовщиков, но ведь только на личных знакомствах далеко не уедешь.

— Вы, когда возглавили театр, сами танцевать перестали?

— Да, и сегодня понимаю, что поступила правильно. Все свои силы направила на организационную работу. Первый год было очень тяжело! Потому что мы сразу же взяли очень высокую планку. Когда мне говорили, что что-то невозможно, я отвечала, что для меня такого слова не существует. Пусть это будет стоить в десять раз дороже — мы заплатим, но сделаем именно тот костюм или ту декорацию, которые нам нужны. Я отказалась от всех компромиссов. Предпочитаю все делать или идеально, или не делать вовсе.

И посмотрите сегодня на нашу труппу. Если бы вы их видели три года назад, то сегодня бы не узнали. Они так танцуют балеты Баланчина, что сами американцы удивляются. Мы ориентируемся на стандарт Большого театра, которому рукоплескал весь мир.

Даем пять премьер в сезон — никто не верил, что это возможно, а мы сделали это! Когда ставили «Ромео и Джульетту» Леонида Лавровского и решили показать полную версию, без купюр, то многие засомневались — мол, вы не найдете столько артистов. А мы нашли! Да, у нас в балетных спектаклях участвуют артисты из драматических театров, но делают это с интересом, и у них все получается. В балете «Ромео и Джульетта» вообще парень, который работает в охране театра, выходит.

— Кто-кто, простите?

— Я обратила внимание на молодого парня, который стоял на служебном входе в театр, — молодой, красивый, голубоглазый. И предложила ему принять участие в балете. Все вокруг смеялись, а мне без разницы, если человек способный. У него подходящая фактура, хороший слух, почему бы и нет?

— Кстати, Нина, поздравляю с премьерой. Балет «Лауренсия» наверняка станет одним из украшений репертуара вашего театра. Вдвойне приятно, что костюмы для него сделал наш замечательный театральный художник Александр Васильев.

— Да, мы с Сашей знакомы уже давно. Первая встреча была в Португалии, когда он делал костюмы для балета «Дон Кихот». Тогда у меня и мыслей не было, что я стану руководить театром и смогу пригласить его в Тбилиси работать над костюмами. Судьба? Думаю, что все в жизни происходит не случайно. Вот смотрите, как все получается в моей жизни, — умирает мой педагог Раиса Степановна Стручкова, Большой театр закрывают на ремонт, и я в этот момент получаю предложение возглавить театр в Тбилиси. Так, видимо, распорядились звезды. С уходом Стручковой этап, связанный с Большим, закончился и начался новый.

Раиса Степановна переживала, когда я согласилась переехать в Тбилиси: «Нина, ты берешь на себя такую обузу». Она переживала, что я брошу танцевать. Но я дала ей слово не оставлять сцену. Никогда не забуду, как пришла к ней в больницу (она уже тяжело болела) и встретила взгляд ее огромных голубых глаз. «Ты молодец, все правильно делаешь», — почти прошептала мне Раиса Степановна. Ей уже трудно было разговаривать…

Меня часто спрашивают, не жалко ли мне Большого театра. Конечно, Большой — это моя жизнь, и я всегда помню об этом. У меня вообще все довольно странно — я русская балерина, хоть и грузинка по национальности. Почему русская? Да потому что школа у меня русская. И везде, где бы я ни бывала, я ее прославляю. И буду делать это всегда. Балет — это Россия. Видите, мы и в Тбилиси ведем репетиции на русском и разговариваем по-русски. Политика есть политика. А люди есть

люди.

— За это время в вашей жизни произошло и еще одно судьбоносное событие.

— Да, родилась моя Леночка. Вот смотрите, у меня с собой ее фото. Знаете, сейчас мне надо идти на репетицию. Давайте вечером встретимся у моих родителей и поужинаем. А я привезу Леночку, и мы познакомимся ближе.

Просторная квартира Ананиашвили-старших располагается в доме по соседству с оперным театром.

«Мы мальчишками бегали на все балеты великого Вахтанга Чабукиани, — рассказывал за столом отец Нины. — И даже пытались подражать ему — походке, манере одеваться».

Описывать грузинское застолье — все равно что пытаться перепеть соловья. На столе — все шедевры кавказской кухни. «Ах, как вкусно!» — то и дело вырывается у меня. «А разве в Грузии бывает по-другому?» — слышу справедливый ответ.

Стараюсь незаметно следить за тем, что ест сама Нина, — для балерины подобные пиршества наверняка большое искушение. Она держится стойко — немного овощей и тушеной курицы. И бокал вина, тремя каплями которого Нина смачивает губы дочери. «У нас сегодня праздник: нам год и два месяца».

Не могу удержаться от банального вопроса, задаваемого всем великим родителям: «Леночка, наверное, тоже балериной будет?» Нина улыбается: «Нет, она станет оперной певицей. Уже сейчас у нее идеальный слух и она с удовольствием пытается что-то петь».

Теперь идеальное время поговорить о детстве самой Ананиашвили. Родители Нины поначалу думали, что дочь станет фигуристкой. В домашнем архиве, который предусмотрительный глава семейства начал собирать аж в 1972 году (сегодня папки с газетными и журнальными статьями о Нине занимают несколько стеллажей), хранится грамота за первое место на юношеских соревнованиях по фигурному катанию. И фото 6-летней Нины, поднимающейся на пьедестал. Уже тогда она делала это так уверенно, словно знала, что триумфы только начинаются.

В Большой театр его будущая звезда впервые попала в 12 лет. Отец поехал в Москву в очередную командировку (доктор наук, он и сегодня активно занимается научной работой) и взял с собой Нину. «Папа всю ночь простоял в очереди за билетами на «Анну Каренину» в Большой. Мы сидели в пятом ряду, и я, глядя на сцену, сказала: «А ведь кто-то приходит в театр со стороны сцены!» Наверняка в московском хореографическом девочке из Тбилиси было нелегко. Но Нина за столом рассказывает о веселых моментах: как во время уроков по актерскому мастерству

изображала уличного хулигана, разбивающего футбольным мячом окно на первом этаже. «А Андрис Лиепа здорово показывал вора, вырезающего из рамы в музее картинный холст».

По окончании училища родители ждали Нину в Тбилиси и каждый день звонили с вопросом, когда же она приедет. Но бабушка, которая перебралась с ней на время учебы в Москву, отвечала туманно: «Есть кое-какие соображения».

О том, что Ананиашвили приглашают сразу в два театра, мудрая женщина предпочитала не говорить, пока все не решится окончательно. «Меня звали в кордебалет Большого на ставку в 80 рублей и балериной в Театр им. Станиславского на 350 рублей. Педагог Наталья Викторовна Золотова посоветовала мне выбрать Большой. Я согласилась. И так получилось, что вскоре стала танцевать главные партии. Во время гастролей в Германии заболела балерина и меня поставили танцевать Одетту — Одилию в «Лебедином». Так все и началось».

Пользуясь домашней расслабленной атмосферой, не могу удержаться от вопроса об интригах в Большом, которые балерины по определению должны чинить друг другу.

«Не знаю, — говорит Нина. — Может, кому-то действительно подкладывали в пуанты стекло. А у меня ничего такого не было. Я всегда много работала, и с девочками у нас были хорошие отношения. А потом, я ведь неконфликтный человек. Хотя почему-то принято считать, что у всех балерин ужасный характер. Мне несколько раз предлагали киносценарии, в которых моя героиня, приходя домой, первым делом со злости бросает в мужа пуанты, а потом обливает его холодной водой. Конечно, от таких предложений отказываюсь. Зачем изображать из меня стерву, когда я на самом деле совсем другая?»

— Одним из главных событий жизни в Грузии, судя по вниманию телевидения, стало ваше возвращение на сцену после рождения ребенка.

— Да, я два года не танцевала. Сейчас у меня «Лебединое озеро» в Тбилиси, а в мае еду в Нью-Йорк в Метрополитен-опера танцевать с АВТ. А потом гастроли с Тбилисским театром в США и Японию.

— Тяжело было без сцены?

— Я совсем не переживала. Но муж напомнил: «Ты ведь обещала Раисе Степановне, что будешь танцевать». И я вернулась.

— Как вам все удается? И театром руководите, и сами танцуете, и дочь растите.

— Одна я бы не смогла ничего. Это я только кажусь человеком, который в себе уверен. А на самом деле мне очень

нужна поддержка. И она есть — это мой муж. Он всегда говорит мне: «Будешь сама уверена — все будут уверены».

Со стороны может показаться — зачем ей все это нужно? И театром руководит, и танцует. А я все делаю не для кого-то, а прежде всего для себя. Пока не хочу останавливаться — мечтаю сделать еще один рывок. Неизвестно, как долго он продлится. Но у меня в душе есть ощущение, что я еще не станцевала свой спектакль. Что-то новое, поставленное специально на меня. Несмотря на то что тысячи раз выходила на сцену. Станцую для всех своих поклонников, которые отдавали мне столько тепла. Теперь хочу хоть толику его вернуть им.

Через пару лет я снова оказался в Тбилиси. На правах знакомого набрал телефонный номер Нины. И вновь оказался в кабинете художественного руководителя театра оперы и балета. Коллектив собирался на зарубежные гастроли. А само здание готовили к реконструкции, почти все помещения уже были освобождены. И лишь на этаже, где находилась комната Ананиашвили, еще бурлила жизнь.

— Нина, а что это за фотография у вас на стене? Знаменитая балерина Тамара Туманишвили — любимица Джорджа Баланчина и Альфреда Хичкока?

— Да, мне посчастливилось быть с ней знакомой. Тамара Туманова — она сократила свою фамилию на русский манер, как до нее это сделал Джордж Баланчин, урожденный Баланчавадзе, — пришла ко мне после спектакля «Лебединое озеро», в котором я танцевала в Лос-Анджелесе. Ей тогда было за семьдесят, но она была в прекрасной форме. «Нина, у меня для вас маленький подарок. Только, пожалуйста, берегите его — это для меня очень ценная вещь», — сказала Тамара и открыла маленькую коробочку, в которой лежала брошь и маленькая записка, в которой говорилось, что эта брошь принадлежала Анне Павловой. Оказалось, что когда Туманова была начинающей балериной, Анна Павлова подарила ей эту брошь. «И вот теперь я дарю ее вам. Вы, правда, уже балерина. Но я хочу, чтобы эта брошь вас сопровождала и была как талисман». Я чуть в обморок от удивления и радости не упала.

И очень скоро она скончалась. Мне так обидно, что мы не смогли посидеть с ней и обо всем поговорить…

— Мы с вами виделись два года назад. Тогда вы сказали, что для вас нет ничего невозможного. Это по-прежнему так?

— Я имела в виду балет. Знаете, часто говорят: «Это невозможно!» Но если ты будешь работать и работать, то все

сделаешь. Когда репетировала с великой балериной Мариной Семеновой, она мне такие комбинации задавала, что я говорила: «Это же невозможно!» Мне иногда казалось, что она просто издевается. А Семенова не соглашалась: «Все возможно!» И действительно — я вдруг вставала и делала то, что она говорила. Марина Тимофеевна после этого улыбалась: «Вот видишь! Работа и желание делают все!»

— Откуда вам, балеринам, известен секрет молодости? Та же Тамара Туманова, которая прекрасно выглядела, Марина Семенова, перешедшая столетний рубеж. Как вам удается, несмотря на эту тяжелейшую работу, оставаться в форме и так замечательно выглядеть?

— Наверное, благодаря работе. Ведь движение — это жизнь. Если человек гибок и его суставы хорошо работают — то он долгожитель. Нужно много двигаться, чтобы продлить свою жизнь. Хотя бывает, конечно, что человек не пил, не курил, занимался спортом — и все равно молодым умер.

Марина Семенова прожила 101 год. А в 93 года она еще классы давала. А когда я подавала ей руку, чтобы поддержать, отказывалась: «Не надо мне вашу руку, я сама могу ходить!»

— Как выглядит идеальный день Нины Ананиашвили?

— У меня никогда не было спокойной жизни. Помню, мы с мужем купили в Москве квартиру и были счастливы, что у нас наконец появился свой уголок. А моя мама — царствие ей небесное — все удивлялась: «Зачем вам квартира? Купили бы лучше самолет!» И ведь она была права. Я, бывало, по полгода не заезжала в Москву. Гия, мой муж, просто привозил мне костюмы к нужному спектаклю в ту страну, где я находилась.

— Осталась какая-то страна, где вы еще не были?

— Да, Австралия. Хотя у меня был партнер из Австралии, Стивен Хиткоч, который однажды приехал ко мне в Ригу, чтобы станцевать всего один спектакль. И на другой день улетел обратно. Представляете — 48 часов летел, чтобы станцевать одно гала, а потом тут же улетел. Снова 48 часов. Я на него смотрела как на героя. А он сказал, что просто очень мечтал еще раз со мной станцевать.

Я бы с удовольствием поехала в Австралию, взяла бы с собой труппу. Но у меня нет продюсеров, которые могли бы это организовать. Может быть, когда-нибудь поеду туристом… Я вообще мечтаю просто путешествовать, без работы.

— Получается?

— Только летом. Ездим семьей в Италию, Португалию.

— А в это время продолжаете заниматься?

— Во время каникул я не занимаюсь классом! Я в этом

смысле вообще удивительное создание. Не могу сказать, чтобы была ленивым человеком. Люблю каждодневную черную работу. Если я прихожу в класс, то не филоню. Но не могу заставить себя заниматься во время отдыха. И потом мучаюсь, потому что выхожу из формы.

А моя подруга Ирма Ниорадзе может заниматься где угодно. Андрис Лиепа вообще занимался в бассейне. Или в своем номере в отеле поднимал кровать, убирал всю мебель и занимался. Я, бывало, ему звонила, а он весь запыхавшийся. «Что случилось?» — спрашиваю. «Я сейчас кабриоли делал», — отвечает Андрис. А меня застрелите — я так не могу.

— Вы — жена министра иностранных дел Грузии (до осени 2012 года Григол Вашадзе занимал пост руководителя МИД Грузии). Сильно изменилась ваша жизнь?

— Сильно. Потому что я не вижу своего мужа. И страдаю из-за этого. Внимания, к которому я привыкла, уже нет. Раньше не было ни одной страны, куда бы мы не ехали вместе. Я всегда знала, что Гия находится в зале и потом обязательно даст оценку, как все прошло. А теперь он просто не может этого делать. Я вот была полтора месяца в Нью-Йорке, танцевала десять спектаклей. А Гия был занят. В итоге я сказала ему, что если он не приедет на мой последний спектакль, то я с ним разведусь. (Смеется.) Потому что я не могла представить — как это 20 лет он смотрел все мои спектакли, а на последнем его не будет? И Гия приехал!

Но если серьезно, я понимаю: то, что он делает, — это нужно родине. Потому что делает он все искренне, профессионально и с любовью. Наш договор о том, что первые 20 лет Гия будет со мной, а следующие 20 лет я буду ему помогать, вступил в силу. Мы столько с ним об этом шутили, и так действительно получилось.

— А такой уговор был?

— В шутку. Я же не знала, что вернусь в Тбилиси и буду руководить театром. И уж тем более никогда не думала, что мой муж снова вернется на государственную службу. Гия ведь был моим ближайшим помощником. Он хороший юрист и, любя меня и мою профессию, помогал не только мне, но и моим друзьям, даже иностранцам.

Когда он оставил работу и ушел фактически в никуда, то сказал: «Первые 20 лет я все сделаю для тебя, а потом ты мне поможешь». Я спросила, какие годы он имеет в виду — двадцать лет моей карьеры или двадцать лет нашей жизни? Он ответил, что говорит о годах совместной жизни. И так получилось, что к этому сроку мы подошли ровно год назад. И Гия пошел на государственную службу. Хотя все это было лишь на уровне

фантастики. Ну представьте себе — человек двадцать лет галстук не надевал!

— Вашу работу вы дома наверняка обсуждаете. А работу мужа?

— Честно скажу — нет. Я же в этом ничего не понимаю. Я вообще вижу мужа настолько редко, что загружать его разговорами о работе не считаю нужным. Если совсем честно, то я даже не всегда знаю, куда он в данный момент едет. «Знаешь, я завтра уезжаю», — говорит он мне. «Хорошо», — отвечаю. А потом он звонит и называет страну, где находится. Мне многие не верят, что я не знаю, куда едет мой муж. А я считаю — зачем, если у человека столько проблем, я еще буду загружать своими ненужными вопросами. Иногда мне знакомые говорят, где он сейчас, — узнали это из телевизионных новостей.

— Вы, наверное, тоже об этом из новостей узнаете?

— Что вы — я телевизор исключила из своей жизни. Не специально — просто у меня нет на это времени. И поняла, что прекрасно можно без него обходиться.

— Вы домой во сколько возвращаетесь?

— Часов в семь, если нет спектакля. Если спектакль есть, то привожу дочку в театр, и мы с ней проводим время здесь. Малышке сейчас четыре с половиной года, она знает наизусть все мои спектакли. Недавно я танцевала балет «Ромео и Джульетта», который мы повезем в Японию, и дочь говорит мне: «Мамочка, а если ты будешь в Японии танцевать «Ромео и Джульетту», то с кем я буду в ложе сидеть?» То есть то, что она едет, — это не обсуждается. (Смеется.) Действительно, когда я еду надолго на гастроли, беру Еленочку с собой — без нее очень скучаю.

— Значит, в семь вечера возвращаетесь домой и становитесь просто мамой?

— Да, наша няня уходит. Я обожаю проводить время с Еленой. Она сейчас очень смешная, так забавно разговаривает. В детском саду изучает английский и русский язык.

— У вас легко получается после театра переключаться с рабочего режима на домашний? Или все равно думаете дома о работе?

— К сожалению, приходится думать. Сейчас стало легче, больше успеваю. А раньше не могла спать — все время прокручивала перед собой происходящее в театре: что ты сказала, что тебе ответили. Говорила себе: почему из-за этого человека я не должна спать? Или, бывало, переживала из-за костюмов, из-за премьеры. Слава богу, что первые два года я сама не танцевала. Иначе бы, наверное, не выдержала.

— А как решали вопрос с бессонными ночами из-за грудного

ребенка?

— Как все родители. Первые три месяца было тяжело. Год я кормила Еленочку грудью, покормлю — и отдаю Гие, он ее укачивал. Еленочку брали в поездки с шести месяцев, спокойно все переносила.

— Вы не так давно переехали в новый дом — дизайном занимались лично?

— Нет, этим в основном занимался Гия. Но с учетом моих пожеланий. У него вообще есть чутье и вкус к этому. Я ему абсолютно доверяю. Как и в одежде. Это, может, удивительно прозвучит, но на протяжении всей нашей жизни Гия несколько раз кардинально менял мой стиль одежды. Я была молодой грузинской девушкой и любила ходить в черном, темно-синем и коричневом. Когда мы поженились, Гия спросил, почему я так одеваюсь. «А разве это не красиво?» — «Красиво, но надо носить и другие цвета», — сказал Гия и начал менять мой стиль. То по-спортивному одевал, то в длинные, в пол, платья. Одно время я носила мужские костюмы с галстуком. А потом стала носить длинные платья от Ямамото.

— А мужа вы одеваете? Или он сам всегда знает, что для него нужно?

— Он сам одевается. С этим у меня проблем, к счастью, нет.

— Вся ваша жизнь — это доказательство того, что судьба существует. Вы же с Гией познакомились, прожив в Москве несколько лет на одной улице?

— И не говорите! Мало того, все оказалось еще интереснее. Гия с моим братом учился в одном классе. А потом мы жили в Тбилиси в одном районе, при этом не зная друг друга. И в Москве тоже жили оба на Третьей Фрунзенской улице.

— А как вы вообще познакомились?

— О, это история, в которую не все верят. В Лос-Анджелесе об этом написали в одной из газет под названием Holywood movie. Я об этом как-то не говорю. И Гия тоже не любит. Он вообще всегда просил меня не говорить о нем в интервью. На что я отвечала: «Я же не Жириновский, чтобы просто говорить, что у меня муж — юрист». Я долго прятала его. Но, слава богу, сейчас все отстали, так как знают, кто он такой.

— Так что это за Holywood movie?

— Это был 1985 год — я только что победила на конкурсе артистов балета в Москве. И на этом же конкурсе получила травму. Еле дотянула до конца концерта. Но мне пришлось выступать в гала-концерте — несмотря на травму. Притом что другую балерину, которая тоже получила золото, не выпустили на сцену — ее показывать на гала было стыдно. На награждении ее

даже освистали. А мне сказали, что я не имею права не танцевать. И когда я наивно предложила, чтобы вместо меня вышла другая победительница, мне ответили, что у нее… фонограмма пропала. Стало все понятно. Ну как, скажите, в Большом театре может пропасть фонограмма?

В итоге я вышла танцевать этот гала-концерт. Было больно просто ступить на ногу — в результате мой партнер Андрис Лиепа весь танец фактически проносил меня на руках. Всего должно было быть три гала-концерта. Я один станцевала, а в других принимать участие уже не могла. И вдруг на второй гала мне присылают огромную корзину цветов. Я в это время сижу дома и лечу ногу. Звонят из балетной канцелярии: «Нина, вы получили корзину цветов — что нам делать?» Я ответила, что ничего делать не надо — цветы взять себе, а мне оставить визитную карточку дарителя. Проходит день, и звонит уже заведующий труппой: «Нина, просят ваш телефон, вам прислали корзину цветов. Что делать?» Я ответила, что мой телефон давать не надо. А потом уже мне позвонили из дирекции театра с предложением принести цветы домой. Я удивилась — что же это за цветы такие?

Через неделю отправилась к врачу и зашла в Большой театр за визиткой. Смотрю — на ней написано: «Григорий Вашадзе, атташе, МИД СССР». Пришла домой, говорю бабушке: «Какой-то грузин прислал мне цветы, вот его визитка». Бабушка посоветовала позвонить и поблагодарить за подарок. Все-таки не каждый день корзину цветов присылают.

Я набрала номер и попросила Григория к телефону. Когда он ответил, поблагодарила его за цветы. «Да, очень жалко, что вы не выступали, — сказал он. — А вы по-грузински говорите?» И он перешел на грузинский и попросил разрешения встретиться со мною. Я удивилась: в моем воображении он должен был быть солидным человеком лет пятидесяти. Я сказала, что сижу дома с бабушкой — и если он хочет, то пусть приходит, будем рады. «А сегодня вечером это возможно?» — тут же спросил Гия. Я ответила, что возможно. Вот так все и началось.

Знаете, у Гии такой был бас. Я даже сказала бабушке, что ему, наверное, лет 50–55 — и он грузин, который, видно, из гордости за то, что его соотечественница получила золото на балетном конкурсе, решил прийти и поблагодарить. Ничего особенного в этом не было. Я испекла какие-то пирожные. Сидим с бабушкой, ждем. У нас уже создался свой образ Григория — маленький, лысенький, толстенький.

Он пришел ровно в семь. Когда я открыла дверь, передо мной стоял молодой человек с огромной охапкой гвоздик всех цветов

— от белого и черного до красного и оранжевого. Такой палитры я никогда не видела. И еще вы не забывайте: это был 1985 год — тогда достать цветы было проблемой. Я даже не сказала нормально «здравствуйте», а только произнесла: «Теперь я понимаю, почему мне столько раз звонили из Большого театра!»

Потом Гия рассказал, что у него был друг-профессор, который вышел на пенсию и стал заниматься разведением цветов. Григорий поехал к нему и попросил, чтобы тот сделал ему букет, который бы обязательно запомнился. Так и произошло…

В тот вечер Гия больше беседовал с бабушкой. А я ходила по своей маленькой квартирке, скорее напоминавшей пенал, из комнаты на кухню за чаем и обратно. А бабушка за это время успела все выяснить — что надо и что не надо. (Смеется.) Перед уходом Гия спросил, можно ли мне звонить. А я настолько была растеряна — из-за несоответствия созданного мною образа и тем, что увидела, что не задумываясь согласилась. Три года мы встречались, а в 1988 году поженились.

Гия тогда работал в основном в Женеве. Я тоже постоянно уезжала-приезжала, и когда меня не было в Москве, он общался с бабушкой. Бабушка у меня вообще была очень интересным человеком. С ней нельзя было скучать. Она любила футбол, хоккей, знала всех игроков. Была в курсе всех событий в мире. Прекрасно играла в карты и нарды…

— …и курила, наверное? Почему-то сразу представляется именно такой образ.

— Курила — не то слово! Дымила! Дома! Это, кстати, было единственное, из-за чего мы с ней спорили. «А что мне, в подъезде, что ли, курить?» — говорила бабушка. Когда мы приходили в гости — а раньше было принято, что все выходили курить на лестничную площадку, — бабушка тут же просила пепельницу. И никто не мог ей сказать: «Екатерина Андреевна, а вы можете на кухне покурить?» Она во второй раз в такую семью уже не пришла бы. Я пыталась ей сказать, что это нехорошо, неудобно. «Молчи! — говорила она. — Они же знают, что я курю, — зачем тогда меня в гости зовут?» Она прожила со мной в Москве двенадцать лет. А потом выдала замуж и со спокойной душой уехала в Тбилиси.

— Вы и ваш муж постоянно в разъездах. Скажите, частая разлука помогает отношениям — или, наоборот, разрушает их?

— Здесь все зависит от людей. В разъездах нет ничего хорошего — ты страдаешь, скучаешь. Я, например, все время вместе с Гией ездила. Меня даже спрашивали: «Неужели тебе не скучно все время быть рядом с мужем?» Смотря какой муж! С Гией скучно быть не может! От него столько узнаешь нового — о

чем самому тебе просто не хватит времени узнать, прочитать. Это человек, который полюбил не только меня, но и мою профессию. Гия о ней знает больше, чем любой критик и балетоман.

Когда мы только поженились, он сказал, что должен находиться в моем кругу, а значит, должен понимать, о чем мы говорим. Взял и выучил книгу Вагановой, по которой преподают в балетном училище, выучил названия, движения, балеты. Когда в первый раз посмотрел кассету с балетами Джорджа Баланчина, то попросту влюбился в его постановки. И стал смотреть всего Баланчина! Он мог прийти домой после спектакля, который я танцевала, включить кассету и смотреть балеты. Это же делать не заставишь!

Сейчас то же самое происходит с оперой. Гия знает ее прекрасно. Он вообще театральный человек. Сдавал на режиссерский факультет в Москве, ходил на все репетиции к Андрею Гончарову, лично знал Анатолия Эфроса.

— Поэтому вы и нашли общий язык?

— Не только. Мы подружились с ним еще и потому, что он выдерживал мой ритм жизни. Не могу сказать, что у меня до встречи с Гией не было друзей. Но я могла достаточно редко видеться с ними. Конечно, я бы с удовольствием проводила время с друзьями — но у меня был театр: либо репетиции, либо спектакли, либо гастроли.

А билеты же всегда было достать непросто. И вот мне, допустим, звонит кто-то из друзей: «Я достал билеты в МХАТ — пойдем!» А я не могу — у меня в этот вечер спектакль. В другой раз этот человек уже билеты не достает — а если достает и я снова отказываюсь, он решает, что я просто не хочу идти с ним. И больше уже меня не приглашает.

А Гия ни разу не сказал: «Ах, как жалко, вот я с таким трудом достал билеты, а ты не можешь!» От него я слышала другое: «Ничего страшного, в следующий раз сходим». И так продолжалось три года. В результате я с ним посмотрела все спектакли, которые стоило посмотреть. И потом, позже, когда мы с Гией бывали в Москве, обязательно ходили на драматические спектакли.

— Нина, а друзья у вас все-таки есть?

— Друзья есть, но очень маленький круг — кто пианистка, кто врач. В основном это те, с кем я дружу уже очень давно. Новых друзей нет. Моя подруга очень точно сказала: «Если есть дружба, то не важно, как часто вы видитесь». Я скучаю по ним, но точно знаю, что у меня есть друг или подруга, которым я всегда могу позвонить. Этим вообще отличается Грузия. Здесь умеют дружить. Дружат всю жизнь, начиная с детского сада. Этим мы,

наверное, и держимся.

А еще у меня есть два старших брата, очень хорошие ребята. У нас в семье все мужчины — геологи. Папа продолжает работать по специальности. Один брат ушел в бизнес, другой пытается совмещать бизнес с любимой геологией. Вот это и есть мой тыл, на который я всегда могу рассчитывать. Знаю, в любой ситуации они мне будут поддержкой.

— Когда вас критикуют — обижаетесь? Или научились возводить стену между собой и критикой?

— Не открою Америки, если скажу, что критика хороша только в одном случае — когда она конструктивна. А если она злобная и пустая, это всего лишь способ самоутверждения никчемного человека. К такой критике и к таким людям у меня уважения нет.

А вообще мне повезло. За всю мою карьеру не было ни одной грубой или обидной критики. Сейчас критикуют — но чаще всего это оказывается враньем. Пишут, например: «Ананиашвили срубила лес и строит себе дворец». Как я к этому могу относиться? Больной человек тот, кто это написал, и больной тот, кто читает и верит.

К сожалению, у нас пока нет системы, чтобы газеты отвечали за то, что пишут. Тогда бы я могла их засудить. А если я не могу это сделать — чего мне переживать? Я стараюсь относиться к жизни философски…

Без вины виноватая
Актриса Татьяна Доронина

Каждый день ровно в десять утра от сталинской высотки на Фрунзенской набережной отъезжает черная «Волга». Маршрут автомобиля неизменен на протяжении вот уже многих десятилетий: Фрунзенская набережная — Тверской бульвар, МХАТ им. Горького.

Другие адреса сидящую на переднем сиденье знаменитую пассажирку не интересуют. Потому что ничего другого у ведущей довольно замкнутый образ жизни Татьяны Васильевны Дорониной не осталось. Театр — единственный смысл ее сегодняшнего существования.

Она не снимается в кино уже более тридцати лет. Но перед служебным входом Художественного театра им. Горького ее неизменно ждут поклонники, средний возраст которых, как правило, далеко за сорок. Для них, как и для самой Татьяны Васильевны, время остановилось. И произошло это в 87-м году, когда актрисе пришлось после расставания с Ефремовым возглавить «второй» МХАТ.

— Нет, это вы называете произошедшее «разделением», — рассказывала мне Татьяна Доронина, — а я называю «отторжением». Это же была противозаконная акция. И оформление документов было противозаконно. Почему я не подала в суд? Не будьте наивным. Прав тот, кого назначают наверху. На тот момент правым был назначен Ефремов.

Обидно, что при разговоре об одной из самых больших актрис нашего кино и театра первым делом вспоминается именно тот трагический раскол мхатовской труппы. Кстати, говорят, что оппозицию Доронина возглавила, не будучи уверена в том, что Ефремов возьмет ее в свой театр. Между тем как для самого Олега Николаевича вопрос «брать или не брать» Доронину даже не поднимался. В списках той части труппы, которая бы оставалась с Олегом Николаевичем, имя Дорониной было одним из первых. Но Ефремов решил не оглашать список, дабы голосование членов труппы было искренним. А Дорониной в это время кто-то внушил, что в «ефремовский» МХАТ ей путь заказан.

Хотя именно Ефремов в 80-х годах, когда МХАТ был единым и нерушимым, настоял на принятии актрисы в труппу. Тогда Татьяна Васильевна, вступив в конфликт с художественным руководителем Театра им. Маяковского Андреем Гончаровым,

решила перейти во МХАТ, где понимали, что в театр приходит первая актриса страны. Что, разумеется, не вызывало энтузиазма у женской половины Художественного театра. Однако тайным голосованием с перевесом всего в три голоса (17 — «за», 14 — «против») Доронина была принята в труппу.

Но произошло то, что произошло. Судьба?

— Я не очень-то верю в судьбу, — рассуждала Татьяна Васильевна. — Я в большей мере верю в то, что существует Создатель, Господь Бог, и надо делать все, чтобы ему понравиться. На большее я не претендую.

— Но вот девочка Таня Доронина, которая родилась в Ленинграде…

— …да, в пролетарской семье.

— …в 14 лет поступила во все театральные вузы Москвы. Только отсутствие аттестата о среднем образовании заставило ее вернуться в школу, доучиться два класса и еще раз выдерживать вступительные экзамены через два года. А в конце 80-х годов она стала художественным руководителем театра. Это было где-то предначертано или…

— Да ничего не было предначертано. Если бы родители остались в Ярославской области, возможно, осталась бы я крестьянкой Ярославской губернии.

— Но вы сами как видели свое будущее?

— Никак не видела. Будущее нельзя планировать. Помните, у Михаила Булгакова есть замечательная фраза о волоске, который легко можно перерезать. Так что нужно нормально ко всему относиться и понимать, что в этом плане ты определяешь очень мало. Ты ответственен лишь за себя, за свои поступки. А все, что касается будущего… Можно лишь о чем-то мечтать, чего-то желать. Но очень мало определять. Кто определяет? Господь Бог… Так что я и в детстве ничего не планировала. Мне просто нравилось, например, читать. Одна из моих теток работала в Ленинградской публичной библиотеке и приучила меня читать хорошие книги. А другая сестра отца, потрясающе красивая женщина, тетя Катя, учила меня своим примером. Она была столь красива, столь обаятельна и женственна, обладала таким необыкновенным вкусом и чувством стиля, что я подражала ей, и все. Мне просто повезло с родственниками.

Судя по всему, уроки тети Кати были усвоены Таней Дорониной на все сто. Влюбленность и чувство восхищения со стороны сильной половины человечества сопутствуют ей на протяжении всей жизни.

По воспоминаниям самой Татьяны Васильевны, первый раз влюбилась она еще в школе: «Я вообще очень рано стала влюбляться. Мальчик, как и мы, был эвакуированный, только из Москвы. Он поразил меня тем, что, когда учительница читала нам «Ваньку Жукова», он закрылся руками и заплакал. А так как он был при этом еще и самый хорошенький в классе, то начался мой роман. Потом все пошло по нарастающей. Я влюблялась каждый год, даже могла в течение года влюбиться в двоих». Первым мужем актрисы стал Олег Басилашвили, с которым она познакомилась еще в Школе-студии МХАТ. По окончании вуза Доронину пригласили сразу в несколько театров. А вот Басилашвили, тогда еще никак не проявившего себя актера, брал лишь Сталинградский драматический театр. И Доронина, как примерная жена, укатила из столицы вслед за супругом. Зато когда талант молодой актрисы приметил худрук ленинградского БДТ Георгий Товстоногов и пригласил ее в свой театр, Татьяна Васильевна поставила условие — зачислить в труппу и ее мужа. Товстоногов согласно кивнул. А Доронина продолжала: «И дать ему роль в первой же постановке БДТ». Самое примечательное, что условия будущей звезды были приняты. Диктовать свою волю она умела уже тогда.

Однако через несколько лет Большому драматическому театру Доронина предпочтет Московский Художественный театр. А спустя три десятилетия скажет: «Уход из БДТ — это моя ошибка. Нельзя было предавать режиссера, который выстраивал на меня репертуар. У меня в тот период была достаточно сложная личная ситуация. И личные интересы я поставила выше профессиональных. А этого делать нельзя».

Приехав в Москву, Татьяна Васильевна вскоре вновь вышла замуж. Ее супругом стал известный драматург Эдвард Радзинский. Несмотря на скорый развод и свой невыносимо сложный характер, ставший в театральном мире чуть ли не притчей во языцех, Доронина и сегодня сохраняет добрые отношения с бывшим супругом.

«Ее характер, — говорит Радзинский, — это несчастное продолжение таланта. Как она жила? Каждый день, кроме воскресенья, уходила в театр. Утром — репетиции, вечером — спектакли. В перерывах она не уходила домой, а спала в гримуборной. Когда в театре были выходные, Таня ехала на студию на съемки».

Так актриса живет и сегодня. Разве что киностудии исключила из своего привычного маршрута. Семью и детей ей

заменяет огромная библиотека, под которую отдана одна из комнат просторной квартиры. Книги для Татьяны Васильевны — самое святое. После театра, естественно.

Рассказывает третий муж Дорониной актер Борис Химичев: «Меня как-то спросили, могла ли Доронина в пылу семейного скандала чем-то в меня бросить. Отвечаю: могла! Много чего за те 10 лет, что мы прожили вместе, в воздухе летало и, случалось, достигало цели, кроме книг. Книги она жалела».

Татьяна Доронина родилась актрисой. И создана для сцены. И восхищения. И любви. Не случайно и во МХАТ ее приглашали изначально именно на роль Анны Карениной. Увы, с тем спектаклем не случилось. Отказалась сама Татьяна Васильевна. Но это уже другая история.

Один из самых известных и любимых зрителем фильмов с ее участием — «Три тополя на Плющихе» Татьяны Лиозновой. Как признается сама Татьяна Васильевна, она играла свою маму, которая «была очень красива, настоящая богиня». Притом что сама Доронина, по ее словам, похожа на отца.

Она — королева, и на сцене и, кажется, по жизни. Хотя семнадцать лет прожила в коммуналке. И о бедности знает не понаслышке. Мама работала гардеробщицей в медицинской Академии. Вернувшись домой, начинала считать пятаки, которые ей давали на чай. Отец с утра до ночи пропадал на работе — был шеф-поваром в ресторане.

Всю домашнюю работу делала Таня. Она не стесняется рассказывать, что одежду приходилось донашивать за сестрой. В дырявых матерчатых туфлях пальцы замазывала черной краской. Но и мысли о том, что это плохо, не возникало.

«Все, что во мне есть хорошего — это результат биографии», — говорит Татьяна Васильевна.

Тетки научили ее читать, когда ей не было и пяти лет. Первой прочитанной книгой стал «Золотой ключик» Алексея Толстого. Оказавшись в эвакуации, Доронина в первый же день записалась в библиотеку.

А вообще она говорит, что живет неталантливо. Надо быть более организованной и больше успевать.

Главный подарок, который Татьяна Васильевна преподносит себе каждый год, — это перечитывание «Евгения Онегина».

— Я и отпуск люблю только за то, что могу в это время сколько угодно сидеть в библиотеке, протирать тряпочками книги, переставлять их, параллельно перечитывая любимые страницы. Это самое большое удовольствие после общения с

природой.

Что, читала ли я детективы? Мне вполне было достаточно пролистать один роман, чтобы понять, что такие книги просто преступно брать в руки. И уж тем более тратить на это время. Сейчас можно купить любую книгу. А у прилавков — никого. Однажды, много лет назад, узнав, что продается прижизненное собрание сочинений Мережковского, я, не раздумывая, потратила на книги все деньги, которые копила на дачу. А два года назад захожу в Дом книги и вижу — стоят труды Мережковского и никого не интересуют. Мне так стало обидно, что я взяла и купила еще и это издание.

— А дачу-то так и не построили?

— Построила. Но ее постоянно обворовывают — выламывают замки, уносят двери. Не так много я зарабатываю, чтобы каждый год делать ремонт, но опять все приходится поправлять. Я ведь Дева по гороскопу. Люблю, чтобы все было в порядке.

Смотреть на актрису Доронину — высшее удовольствие. Общаться с ней — редкое счастье. А вот найти общий язык весьма и весьма непросто. Татьяна Васильевна вообще, как мне показалось, человек, не склонный к компромиссам. Она имеет свою точку зрения и отступать от нее не собирается.

— За всеми этими современными, очень страшными, с моей точки зрения, и дьявольскими явлениями, как компьютер, — говорит она, — происходит забвение природы. Самое прекрасное, что нас окружает, и то, к чему обращается взор и сердце даже самого глухого и слепого человека — голубизна неба, пронзительный свежий воздух, блеск реки, красота деревьев, нежность цветов, — забывается за компьютерами. Люди сосредоточиваются на этих железках, этой конфетности и теряют настоящий вкус. Я уже не говорю, что при этом они теряют еще и здоровье.

— У вас в театре нет компьютеров?

— Есть в бухгалтерии, у администраторов. То есть только для технических работ. Но ни в коем случае не допускаются все эти компьютерные игры.

— Вам, наверное, непросто с молодежью общаться. Вы ее не боитесь?

— Вы знаете, я не могу себе позволить бояться молодежь. Они не знают жизни так, как ее знаю я. Они не овладели профессией так, как ею овладела я. Поэтому, извините, кого же мне бояться?

— Вы знаете, как они вас за глаза называют?

— По-разному. Хозяйкой называют. Мамой.

— А они вас боятся?

— В той мере, в которой нужно бояться нарушителям дисциплины, наверное, боятся. Но творчески, надеюсь, нет. Я же работаю с ними, часто компенсирую ту недоученность, с которой они приходят.

— Если бы они вам задали вопрос о том, что самое главное в человеке, что бы вы ответили?

— Я это для себя не формулировала, так что отвечу общей фразой: нужно внутри себя все время знать, что твоя бесконечность в пространстве должна быть улучшена в твое следующее превращение. И в твоих руках это либо улучшить, либо нисвергнуть куда-то в черную бездну, в ад. И еще надо понимать, что все, что касается материального — того же желания ухватить побольше, — временно, проходяще и очень относительно.

Мой разговор с Татьяной Дорониной длился часа два. Кстати, встреча была назначена в радиоцентре МХАТа им. Горького, чтобы кассета с записью беседы осталась еще и для самой Татьяны Васильевны.

— У вас такая студия шикарная. Почему бы вам не записать здесь диск со стихами? Вы же незабываемо читаете стихи…

— У меня уже есть пластинка. Но здесь, как вы понимаете, мне устраивать свои дела неприлично. Я этого никогда не делаю. Дела — отдельно, свои интересы — отдельно.

— Татьяна Васильевна, а какой самый страшный сон вы когда-либо видели?

— Один из самых страшных снов заключается в следующем: твой выход, ты выходишь на сцену и понимаешь, что не знаешь ни слова. И тогда я сразу вспоминаю своего отца, который считал, что самая большая трудность для актера — это выучить роль. Всегда, когда он приходил на мои спектакли, задавал мне один и тот же вопрос: «Таня, как же ты все это запомнила?» Ему казалось, что самое трудное — запомнить последовательность слов. Но самая главная трудность — в другом. Самое важное, чтобы зритель не просто приходил в театр, но и с чем-то уходил. С чем-то, что бы помогало ему жить.

— Вы так много курите…

— Зато не пью. Пить нельзя, мозги уничтожаются.

— Знаете, мне очень понравилась ваша книга «Дневник актрисы». Но ее очень сложно купить. Почему не переиздают? По-моему, очень талантливая книга.

— Поэтому, наверное, и не переиздают…

Встреча с Татьяной Дорониной состоялась накануне ее

очередного круглого юбилея. Иначе уговорить актрису на разговор с журналистом практически невозможно.

Я писал этот материал, испытывая к имениннице безграничное уважение и восхищение ее огромным и, увы, не используемым ныне талантом. Татьяна Доронина, бесспорно, великая актриса. Созданные ею театральные образы — Надежда Монахова в «Варварах», Софья в «Горе от ума», Елизавета и Мария в «Да здравствует Королева, виват!», Аркадина в «Чайке» — незабываемы. А роли в кино — «Старшая сестра» и «Три тополя на Плющихе» — давно и по праву являются классикой русского кинематографа. И вспоминая о Дорониной в дни юбилея, говорить надо об этом, а не о сложностях сегодняшнего момента.

Но уверен, что Татьяна Васильевна, прочитав статью, обиделась. Хотя бы потому, что не ждет от прессы ничего, кроме нападок и критики (которые, опять же «увы», зачастую бывают справедливы). При этом актриса равнодушна, по ее словам, к тому, сколько у нее друзей и врагов.

— В том возрасте, в котором я сейчас нахожусь, мне это, слава богу, безразлично.

— Откуда же вы берете силы, чтобы выдерживать все трудности?

— С убежденности в том, что все, что ты делаешь, — это нужное и божеское.

— А цену вы себе знаете?

— В моем возрасте уже пора.

— Ну вот, а говорите, что не уверены в себе. Раз цену знаете, значит, уверены.

— Нет, это значит, что я знаю не только свои достоинства, но и недостатки.

Художественный театр имени Горького, которым руководит Татьяна Доронина, принято ругать. За все — начиная от режиссуры и заканчивая оформлением фойе. Работая над главой о Дорониной, я решил снова отправиться в этот театр, чтобы, так сказать, «освежить» впечатление.

В этот апрельский день 2013 года давали «Старую актрису на роль жены Достоевского». Партер был заполнен почти до отказа, верхние балконы пустовали. Безучастный голос по радио объявил перед спектаклем о том, что «свистеть и кричать» до и во время спектакля категорически запрещено. А потом, словно спохватившись, холодно добавил: «Мы рады, что вы с нами».

Я заметил, как на лице у некоторых зрителей появилась ухмылка. Мол, правильно говорят об этом театре.

Но тут на сцену вышла Доронина. Согласно режиссуре

Романа Виктюка, актриса появляется из-за кулис еще до того, как погаснет свет.

И зал умолк.

И все почти три часа действа внимал, боясь пропустить хоть одно слово Актрисы.

И потом, когда спектакль закончился и на часах было уже около 11 вечера, публика не спешила расходиться. Доронина принимала цветы, а зал внимал, именно так, этому действу.

Татьяна Васильевна брала по паре букетов, восходила в центр сцены и возлагала их под портреты великих мхатовских актрис прошлого, появившиеся из-под колосников в финале действа.

Это было очень красиво. И перед нами стояла действительно легенда. Великая актриса на роль Татьяны Дорониной.

Эшелон
Режиссер Галина Волчек

Мы познакомились в 2000 году на похоронах Олега Ефремова. Проститься с Олегом Николаевичем тогда на Новодевичье собрались, кажется, все легендарные актеры и режиссеры нашего времени.

Когда все было кончено, мы вместе с Галиной Борисовной брели к выходу из некрополя. Редакция заказала мне материал о Ефремове, который мне и захотелось сделать вместе с Волчек. Сегодня я понимаю, насколько был нагл и бестактен — попросить об интервью в такой день и при таких обстоятельствах. Но зато в моей жизни состоялась очень важная встреча. В тот раз Волчек внимательно взглянула на меня и… ответила согласием. Через несколько дней я уже был в ее кабинете в здании на Чистых прудах.

Монолог Волчек о Ефремове, он назывался «Песня о настоящем Олеге», увидел свет. Волчек материал понравился. При следующей встрече она улыбнулась мне и сказала: «Ты принят в семью. Обращайся, когда будет нужно».

Я не стал скромничать и довольно часто бывал в «Современнике». А как-то даже попал в квартиру Волчек на Поварской. В тот день хоронили великого оператора Павла Лебешева, так вот совпадало, что и знакомство с сыном Галины Борисовны режиссером Денисом Евстигнеевым состоялось в столь печальный день.

О чем говорили в тот вечер, писать не стану — все было очень лично. Да и без пересказов историй, звучавших на Поварской, есть, о чем написать.

Галина Волчек — настоящий клад для журналиста. Каждый раз она настолько ярко говорит, сопровождая свои слова примерами из жизни, что обращаться к Галине Борисовне с вопросами для меня всегда было подарком судьбы.

Мы встречались несколько раз. О некоторых из наших бесед мне хотелось бы вспомнить. Тем более что саму Волчек вспоминать я просил часто. Поначалу она от экскурсов в прошлое пыталась отказываться, но потом все равно начинала говорить, увлекалась, и в итоге следовал очередной непридуманный сюжет, достойный, может быть, и художественной книги.

— Я не люблю вспоминать. Всегда говорю, что вспоминать — не активный глагол. Самое яркое… Знаете, всю свою жизнь я бегу.

Не важно, что порой не хватает физических сил на вечерние тусовки или приемы гостей. Сижу одна, уткнувшись в «ящик», и смотрю только «Новости», чтобы извлечь из всего этого что-то свое. Образно говоря, даже сидя, я все равно бегу. И часто памятью окунаюсь в прошлое для того, чтобы соотнести то, что было, с тем, что сейчас.

У нас внутри всегда работает «счетчик». Режиссерский или актерский — не важно. Он работает в самые невероятные минуты твоего существования. Я, например, плохо помню годы, фиксируя в памяти лишь события и людей. И все в своей жизни отсчитываю от года рождения сына. Если у меня спрашивают, когда я поставила тот или иной спектакль, я всегда начинаю вспоминать так: если Денис родился в 1961-м, то постановка была тогда-то и тогда-то.

Я ведь родила достаточно тяжело. И день, когда мне впервые принесли Дениса, помню по кадрам. В кино ведь как показывают этот момент: открывается дверь, и медсестра говорит: «Сейчас вам принесут вашего ребенка». Следующий кадр — счастливое лицо матери. А что было у меня? После слов медсестры я кинулась — это было на уровне импульса — к тумбочке и принялась искать расческу. Знала, что дети в первые дни своей жизни ничего не видят. Но все равно не могла позволить, чтобы мой сын впервые увидел меня с растрепанными волосами.

Вся жизнь идет под руководством этого «счетчика». Однажды у меня было большое горе: развод с Евстигнеевым. Мы тогда с ним жили в небольшой двухкомнатной квартире. Это было наше второе жилье, благоустройство которого целиком было на Жене. Мы так с ним договорились: я ездила с концертами типа «Добрый вечер, здравствуйте», получая за выступления, кажется, по 5 рублей, а он делал ремонт. Как сейчас помню, он выложил в гостиной искусственный камин. Чтобы все было как в лучших домах.

И вот, накануне развода, сижу я одна в этой комнате, слезы льются ручьем. Привстала с дивана, потянулась за носовым платком и увидела в зеркале свой зареванный глаз и часть руки. Знаете, о чем я в ту минуту подумала? Какой гениальный кадр для кино! Представляете? В ту минуту, когда у меня, не переставая, лились слезы, режиссерский счетчик все равно работал.

У меня есть один секрет, как его остановить. Знаете, что я для этого делаю? Моделирую в уме одежду. Поначалу я давала себе задание — думать о море, об отдыхе. Не помогало. И тогда я начинаю придумывать фасоны одежды. Задаю себе такую розово-голубую прозрачную тему. И расслабляюсь.

Но это не значит, что я уж так сильно интересуюсь модой. Только как явлением, отражающим социальную жизнь общества. Я не смотрю журналы, у меня нет такой потребности. Но на некоторые показы хожу. А раньше на рынок любила ходить. На продуктовый рынок хожу постоянно. Знаете, я поняла, что означает понятие «шопинг-терапия». Раньше, когда у меня было жуткое настроение, я приходила домой и начинала готовить: резать, жарить, тушить. От физических движений мозги постепенно переключались и начинали работать по-другому. А сейчас я иду в магазин и что-нибудь себе покупаю.

— Ваш отец Борис Волчек был известнейшим оператором, снявшим такие фильмы, как «Пышка» и «Мечта» с Фаиной Раневской. Он ведь тоже не оставил мемуаров. Но вам-то он что-нибудь рассказывал?

— Папа был очень застенчивый человек, скромный. Все, что хотел рассказать, он говорил своим студентам. Все лучшие операторы — ученики моего отца. Те же Петр Тодоровский, который начинал как оператор, Вадим Юсов учились у папы. А люди, которые его окружали… Я жила в этом кругу. Ездила с ними в одном лифте, они дергали меня за косички, когда я прыгала перед подъездом в классики. Дзига Вертов, Юлий Райзман, Сергей Эйзенштейн. А Михаил Ромм вообще был главным моим воспитателем: день я жила у себя, день у них. Дядя Коля Крючков, дядя Миша Жаров. Тетя Люся Целиковская, обожаемая мною. Я была влюблена в эту красавицу.

— Вокруг вас всегда много молодых и красивых актрис — Ольга Дроздова, Чулпан Хаматова…

— Тьфу-тьфу-тьфу.

— Что вы боитесь сглазить?

— Что много их, молодых.

— Почему вам так везет на окружение?

— Ты хочешь, чтобы я объяснила это тем, что я красивая, как Мэрилин Монро, и талантливая, как Феллини? Откуда я знаю? Наверное, они ощущают доверие. Я же их и разношу иногда. Но любя. А если что, я за своих актеров хоть куда.

— Помните, когда к вам стали обращаться на «вы»?

— Помню, конечно. У меня шок был, все внутри сжималось. Но те, с кем я начинала, обращаются ко мне на «вы» только при третьих лицах. А так я для них и сейчас — Галка да Галя.

— Время никого, как известно, не щадит. Вы замечаете, как изменились ваши близкие — в театре и вне его?

— Замечаю. Мы все изменились. Но я категорически не согласна с формулировкой некоторых критиков, которые пишут, что «актриса N превратилась с годами» во что-то там такое. Ни во

что наши актеры не превратились. Я считаю идиотизмом, когда нам предъявляют претензии, говоря: «Ну это уже не тот «Современник». Да это счастье, что не тот. Не дай бог, чтобы мы всю жизнь остались бы этими детьми, которых называли шептальными реалистами.

Театр «Современник», которым вот уже не одно десятилетие руководит Волчек, один из самых популярных в России. При этом ни один театр критики, кажется, не ругали столь активно, как коллектив Волчек.

Как-то я спросил Галину Борисовну о ее отношениях к ругательным статьям.

— Не могу сказать, что не люблю критику. Я никого не «не люблю». Просто ненавижу любую несправедливость.

Меня еще Ефремов ругал: «Ты такая идейная. Больше, чем я…» Я стараюсь не читать статьи о своих спектаклях. Наверное, потому еще и жива. А причина множества моих ошибок заключается в том, что к людям я отношусь со знаком «плюс». Но это не значит, что на мир смотрю сквозь розовые очки.

В горьковском «На дне» у Сатина есть такие слова: «Вы все скоты, дубье». Я говорила Евстигнееву: «Женя, если ты будешь произносить эти слова с обличительной позиции, то мне такой Сатин не интересен. Мне интересен человек, который говорит «вы», а подразумевает «мы» и себя тоже».

Критика сегодня к понятию «театр» относится с чисто фехтовальной позиции. Перед рецензиями можно эпиграф ставить: «Не любите ли вы театр так, как не люблю его я?»

Так что я критику не читаю, мне рассказывают. Но это не значит, что смотрю на жизнь через розовые очки… Давным-давно существовала одна газетенка, которая выходила в Доме актера. И в ней всем режиссерам присваивали воинские звания. Мне знаете какое дали? Ефрейтора.

Галина Волчек родилась в декабре 1933 года. Ее возраст никогда не был овеян тайной, юбилеи Галины Борисовны всегда широко и отмечаются, и освещаются. И при этом она — один из самых современных людей. С ней можно говорить на любую тему. Наверное, символично, что именно такой человек, чувствующий время, находится у руля «Современника». Правда, сама Волчек на вопрос о том, ощущает ли себя впереди времени, отвечает отрицательно.

— Я думаю, что человек, который скажет, что он впереди

времени, будет просто идиотом. Это должны сказать другие. Как я себя чувствую в нашем времени?

Да я и в том времени, и в этом привыкла к борьбе. Только раньше приходилось бороться с одним и за одно, а теперь — с другим и за другое. Но борьба все равно существует. И сколько мне суждено прожить, она будет идти и внутри, и снаружи. Борьба — это часть моего положения, моей профессии и всего нашего театра. И спасибо Господу Богу за то, что у меня есть возможность жить и бороться.

Одна из наших бесед была посвящена сорок пятому дню рождения театра. Волчек рассказывала о планах «Современника», а я вспомнил ее признание о том, что все события своей жизни она запоминает и затем использует для работы. Когда-то запоминала слезы во время развода с Евстигнеевым. А сейчас призналась, что, стоя в двухтысячном у гроба Олега Ефремова, поняла, кто должен поставить юбилейный спектакль. Выбор пал на Ефремова-младшего. И Михаил Олегович действительно постановку осуществил.

— Этот юбилей, думала я, должен быть другим. Меня много раз уговаривали сделать, как это сейчас принято говорить, ремейк «Обыкновенной истории» или «На дне». Но я всегда была против того, чтобы восстанавливать уже ставшие легендами спектакли. И вдруг в голову пришла мысль взяться за «Голого короля», которого не видело молодое поколение.

Мне не хотелось возродить прежнего «Голого короля», с Евстигнеевым и Квашой, которых никто не заменит, да и не должен заменять. Это должен был быть абсолютно новый спектакль, переведенный на сегодняшний язык. Только я начала обдумывать эту идею, как случилось несчастье — умер Ефремов. И когда у гроба Олега я увидела Мишу (которому когда-то доверила хулиганскую, озорную и рискованную идею сделать «Современник-2»), то подумала: а почему бы не Миша? Зачем кого-то искать, когда есть человек, в талант которого я верила и верю? Я пригласила его и сказала, что этот спектакль будет лучшей памятью отцу. Он согласился.

Когда стихли юбилейные торжества, я снова оказался в кабинете художественного руководителя.

— Галина Борисовна, какое у вас настроение?

— Настроение? Нормальное. Есть чему порадоваться, чему огорчиться. Есть и чему удивиться.

— Чему, например?

— Да хотя бы тому, что я еще до сих пор удивляюсь. Эта

способность, на мой взгляд, одна из самых главных для любого художника, какая бы жизнь у него ни была. Я лично на свою никогда не жалуюсь. Да это было бы даже смешно. Зачем жаловаться на судьбу, которая тебе послана? Тем более что в моей жизни было и есть очень много прекрасного.

— Вы вообще везунок по жизни?

— Не думаю, что везунок. Просто Бог дал мне очень интересную судьбу, все радости которой я получаю через большие испытания.

— Это у всех так. Только некоторые притворяются больше…

— В чем-то мы все притворяемся. И я тоже. Смолоду притворялась много, и все с удовольствием в это верили. Когда у меня не было ни копейки денег, а мой второй муж начал дарить мне какие-то кольца, серьги, я делала вид, что очень состоятельна. Не важно, что в то время все эти драгоценности дешево стоили. У меня и задешево их не было.

А когда появились, я не в сундук их спрятала, а на палец напялила. И с удовольствием жестикулировала руками, выставляя подарки на всеобщее обозрение. Очень гордилась, потому что никто до этого мне ничего не дарил. И сразу дала повод для разговоров. Помню, как одна из почтенных и даже уважаемых мною критикесс говорила: «Какое «На дне» она может поставить с бриллиантами на руках?!» Хотя мне это, естественно, никак не могло помешать делать то, что я делала.

— У вас действительно бывали времена, когда не было лишней копейки?

— Ну а как же? Когда мы с Женей Евстигнеевым получили квартиру на Поварской, то распределились: Евстигнеев делал ремонт, а я ездила по стране с вечерами типа «Добрый вечер, здравствуйте». Тогда нам платили по 5 рублей за выступление в сборном концерте.

Это был особый период жизни, когда на афишах писали: «Михаил Козаков и др.». Миша тогда уже был знаменитостью, а мы — актеры «Современника» — были «др.» Никогда не забуду, как мы с Лилей Толмачевой выходили из поезда, приехав в Вологду, и администратор, этакий местный театральный лев, встречал Мишу: «Козаков, здравствуйте». А на Козакове, только-только начавшем сниматься в кино и еще не успевшем приодеться, было рваное пальто и скромненький костюм. Его спрашивали, указывая на нас: «Козаков, это ваши новые куколки?» Так что я и «куколкой Козакова» побывала.

Так вот, я поехала зарабатывать, а Женя остался делать ремонт в новой квартире… Он был человеком невероятным, с потрясающим воображением. Однажды на гастролях в

Узбекистане в один из выходных дней мы попросили отвезти нас в Бухару. Валя Гафт тогда только пришел в театр и много лет спустя рассказывал: «Я хотел сачкануть, но как-то неудобно было: только пришел, все едут, все такие духовные, интеллектуальные, а я вроде не такой… И смотрю — Евстигнеев ходит, озирается и говорит: «Молодой человек, ну ты что, поедешь?» Я обрадовался: «Нет». Он мне: «Мы сейчас с тобой открыточки купим и побываем там лучше, чем они». Так вот эта сила воображения, которая была присуща ему во всем, заставила Женю сделать искусственный камин в типовом доме в 60-е годы. Так что мы хоть и небогато, но жили не хуже других.

Как Волчек рассказывает! Это настоящий спектакль большой актрисы — интонации, жесты! Притом что на сцену Галина Борисовна выходила до обидного мало, а кино и вовсе, убежден, не используя ее актерский дар, понесло громадную потерю. Но Волчек сама сделала свой выбор.

— Галина Борисовна, режиссер — это профессия или диагноз?

— Расскажу вам об одном совершенно потрясающем случае, произошедшем с Георгием Товстоноговым и его сестрой Нателлой, и надеюсь, вам все станет ясно. Георгий Александрович не очень любил самолет и, хоть и был вынужден летать, с трудом к нему привыкал. Каждый раз, когда ему приходилось куда-то лететь, главной его задачей было не смотреть в иллюминатор. Во время одного из полетов он сидел рядом с Нателлой и то и дело командовал: «Перестань смотреть в окно». Она сделала вид, что не слышит. Товстоногов повторил просьбу второй раз. Нателла не выдержала: «Но это же я смотрю, а не ты». А Товстоногов ответил: «А ты думаешь, я не представляю, что ты там видишь?» Даже в такой ситуации он оставался прежде всего режиссером.

— Театр — это террариум друзей…

— Единомышленников. Так говорят.

— Это справедливое выражение?

— Не думаю. Это острое выражение. Остроумное. Оно принадлежит, по-моему, Шурику Ширвиндту, которого я очень люблю. Но сама так думать не могу. Не хочу просто.

Понимаете, Бог дал мне эту счастливую профессию, профессию режиссера. Ефремов, мой учитель, говорил нашим актерам: «Она как режиссер началась знаете когда? Когда из бабушкиных штанов кофту сделала в семилетнем возрасте».

Возглавив после ухода Ефремова театр «Современник», Галина Борисовна заявила о себе на весь мир. И этот театральный эшелон, в котором Волчек и за машиниста, и за проводника, и за буфетчика, летит на всех парах уже не одно десятилетие. Летит, порою прибывая не туда, куда нужно, порою опаздывая, а иногда подходя к перрону раньше времени.

— Галина Борисовна, вы стали первым советским режиссером, которого отпустили на постановку спектакля в Штаты в 1978 году. Как вас туда отпустили?

— Все произошло случайно. В СССР приехала большая группа американских деятелей театра для того, чтобы познакомиться с советской драматургией. Они ходили по всем театрам. В «Современнике» смотрели «Вишневый сад», а в последний день своего пребывания захотели посмотреть и «Эшелон» Рощина. Я сказала, что они ничего в этом не поймут, это же сугубо русская пьеса о простых русских женщинах. Но американцы пришли. Сели в зале, надели наушники. В антракте я зашла за ними. Они сидят. Я вначале подумала, что они не поняли, что это антракт, стала давать им знаки, что, мол, можно покурить, погулять. Они продолжают сидеть. Вдруг одна из американок с такой силой схватила меня за руку, что я решила, что она хочет в туалет. А она говорит: «Галина, я приглашаю вас на постановку этого спектакля в Хьюстон». Я громко засмеялась, понимая, что это нереально — в Америку же никто не ездил. А она спросила: «Когда?» Я наобум ответила: «В декабре». Когда после спектакля я снова зашла за ними, у многих были красные от слез глаза. Я говорю им: «Все, это конец, дальше ничего не будет». А переводчица говорит, что гости хотят посмотреть, как работает механизм, двигающий декорации. По дороге на сцену один из американцев задержал меня: «Галина, я приглашаю вас на постановку этого спектакля в Нью-Йорк. Когда?» Я и ему ответила: «В декабре». А потом я получила еще одно приглашение, теперь уже в Миннеаполис. Вот так все и получилось. На следующее утро, прямо перед их отъездом, был прием в ВААПе. Я была туда приглашена «для мебели», принимал гостей начальник. Я чуть опоздала — меня гаишник задержал. Когда вошла, то не поняла, что происходит. А оказалось, что иностранцы уже успели написать письмо министру Демичеву о том, что меня приглашают в Америку. Была суббота, и никого из начальства не было. И когда кто-то из гостей встал и при журналистах сказал, что в восторге от нашего спектакля и что лучшим подтверждением этому будет приглашение русского режиссера Волчек в Хьюстон, все были в шоке. Присутствующему

представителю Минкульта стало плохо. Ему же даже посоветоваться было не с кем. А все ждут его ответа. И он встал и сказал: «Министерство культуры принципиальных возражений не имеет». Так я полетела за океан. Пробыла там три месяца.

— Гонорар отдавали?

— Ну а как? Но если до этого нам разрешали 25 процентов, то здесь мне отдавали 50 процентов. Это было невероятно.

— А магнитофон купили?

— За мной же по пятам ходили журналисты и смотрели, что я покупаю. Только мы заходили с переводчицей в дешевый магазин — списки же были, кому что купить надо, — как она мне говорила: «Атас!» И я была вынуждена купить люстру. Представляешь, привезти из Америки люстру. По дури.

Образ лепила.

— А вы понимали, в какой стране живете? Слушали «Голос Америки»?

— Конечно, слушали и все понимали. Но диссидентами не были.

— Вы себя сегодня уютно чувствуете?

— Да я и в том времени, и в этом привыкла к борьбе. Только раньше боролась с одними и за одно, а теперь — с другими и за другое. Наверное, все время, сколько мне суждено прожить, во мне будет существовать борьба. Для меня это естественное состояние.

— Но жизнь удалась?

— В чем-то да, в чем-то нет. Мне хочется думать, что удалась. И я себя считаю счастливым человеком. Не думаю, что это везение. Все радости я получаю через большие испытания. Но я не хочу себе другой судьбы…

Ее формула
Актриса Софи Лорен

Это была нечаянная радость: взять интервью у самой Софи Лорен я даже не мечтал. Но все случилось. В августе 1997 года, когда великая актриса на несколько дней приехала в Москву. Она была гостьей Московского международного кинофестиваля, где удостоилась приза за вклад в мировой кинематограф. Оказалось, что в расписании ее визита есть время для небольшого интервью.

О том, что Софи Лорен приехала на встречу, я догадался за несколько мгновений до того, как она появилась в комнате. Кажется, просто изменилась сама формула воздуха. Такой харизмы я, пожалуй, больше не встречал ни у кого…

— Мадам Лорен, вы являетесь символом женской красоты для всего мира. Неужели правда, что в детстве вы были недовольны своей внешностью?

— Да. Мне было ужасно стыдно за свой вид и рост. В семь лет я была гораздо выше многих моих сверстников. Я не знала, куда деть руки, нарочно сутулилась, чтобы хоть чуточку стать меньше, натягивала на колени подол юбки, из которой давно выросла.

Я ведь росла в довольно бедной семье. Меня воспитывали бабушка с дедом. А мать периодически приезжала и навещала нас.

У меня в школе была очень обидная кличка. Кто-то решил, что я похожа на зубочистку. И несколько лет меня называли не иначе как «эй ты, зубочистка!»

— Кем вы хотели стать в детстве?

— В четырнадцать лет я решила стать учительницей. Мне очень нравился мой преподаватель в сельской школе, где я училась. Он считал меня способной и даже готов был заниматься со мной, чтобы подготовить меня к вступительным экзаменам в институт. Но когда я поделилась своими планами с матерью, она просто рассмеялась и сказала, что моя красота (а она считала меня очень красивой) дана мне для другого.

— Например, для кино, да?

— Мама могла только мечтать об этом. После школы вместе с мамой я стала работать в ночных клубах — приносила посетителям заказы.

— А для чего вы решили взять псевдоним? Фамилия Шиколоне не подходила для работы в баре?

— Кроме работы в баре, я принимала участие во

всевозможных конкурсах красоты. И небезуспешно. Моим первым призом стали десять рулонов обоев. А потом к нам в бар пришел Карло Понти, продюсер Джины Лоллобриджиды, которому я очень понравилась. Благодаря ему я получила свою первую работу в кино. Потом мы с Карло поженились.

— Ваша кинокарьера была очень успешной. Впрочем, почему была? И сегодня вы являетесь одной из самых популярных актрис в мире. Кажется, вам удалось получить все премии, которые существуют. Какие воспоминания у вас связаны с первой наградой?

— Ой, я даже не помню, что это была за награда. Их действительно было очень много. Мне памятен «Оскар», а тем более момент, когда меня награждали этой наградой во второй раз. И конечно, я очень признательна вашей стране за призы, которые я получила в России. Мне вообще очень близка ваша страна.

— Вы могли бы здесь остаться?

— Я никогда не думала об этом. К России у меня всегда было очень большое чувство. Я действительно очень люблю эту страну. У вас я чувствую себя как дома. Открою вам свою давнюю мечту. Я хочу показать Россию своим детям. Пусть и они испытают мои чувства.

— А чем они занимаются?

— У меня два сына — Карлетто и Эдуардо. Старший сын собирается стать дирижером. Ему бесконечно интересна музыкальная культура России, и он даже собирается приехать сюда, чтобы учиться. А младший хочет стать актером и продолжить семейную традицию. Кстати, он очень интересуется Россией и внимательно следит за всем, что у вас происходит.

В итоге младший сын Лорен и Понти Эдуардо стал режиссером. В 2002 году Софи снялась в его фильме «Только между нами», правда, всего лишь в роли второго плана. А Карло Понти-младший — дирижер Венского оркестра. Все планы детей Лорен, о которых она говорила в Москве, сбылись в точности до слова.

— А как вы относитесь к России?

— Конечно, я тоже неравнодушна к событиям в России. Мне кажется, что ваша жизнь — это постоянный экзамен. И что все эти перемены никогда не закончатся. У меня, к сожалению, не было возможности посещать университет. И жизни я училась у нее самой. Так вот из своего жизненного опыта я хочу сказать, что экзамены вообще никогда не заканчиваются.

— Из множества картин с вашим участием вы можете назвать одну, которая вам нравится больше других?

— Мне трудно ответить на ваш вопрос. Моя карьера в кино началась очень давно. Я снимаюсь с шестнадцати лет. И я не могу отметить какую-нибудь одну картину. У меня есть фильмов пять-шесть, которые мне дороги. И как раз в этом, я уверена, и заключается мое счастье.

— Кто та женщина, которую вы играете всю жизнь?

— Когда актриса играет свою роль, она играет прежде всего то, что ей близко. Так вот я, когда берусь за работу, всегда стараюсь вложить в свою героиню то, что дорого мне.

— Вам посчастливилось работать на одной съемочной площадке со многими замечательными актерами. Кто из мужчин-партнеров вам запомнился больше всего?

— Конечно, самым близким для меня партнером является Марчелло Мастрояни. Когда я только начинала сниматься в кино, он был уже достаточно знаменитым актером. Марчелло очень многому научил меня, помог стать настоящей актрисой. И я благодарна судьбе за то, что повстречала его на своем пути.

Наш разговор длился всего около тридцати минут. Ответив на последний вопрос, Лорен поднялась и, улыбнувшись так, словно это было лучшее интервью в ее жизни, отправилась, как говорили, в Новодевичий монастырь.

Спустя несколько лет я оказался в Риме. Незадолго до этого моя коллега брала интервью у родной сестры Софи, которая владеет клиникой пластической хирургии в столице Италии. И та поведала, что Софи часто бывает у нее в гостях — не как пациент, а как любительница фирменного спагетти, которое готовит сестра. Когда Лорен приезжает на родину из Швейцарии, где живет последние годы, обязательно заходит на обед.

Но каждый визит — исключительно родственный. О том, что она когда-либо прибегала к услугам пластических хирургов, актриса не говорит никогда. По ее словам, все дело в генах: «Вы должны были видеть мою маму! Она умерла, когда ей был 81 год, и до конца своих дней она выглядела великолепно и чувствовала, что ей принадлежит мир. Так что дело в хороших генах! Я считаю, что нужно дать природе волю, и не прибегаю к пластической хирургии. Но если собственное отражение кажется кошмаром, то нужно принимать меры.

Красота исходит из души человека. Встретив самую красивую девушку на свете, мужчина может ничего не почувствовать. А другая — с большим носом и большим ртом — будет излучать нечто удивительное. Вот что поражает нас в людях. Если в

человеке нет тепла, он не вызывает интереса, как бы формально красив он ни был».

Сомневаться в искренности слов Лорен мне никогда не приходилось. В конце концов должно же в жизни быть место сказке.

В тот раз в Италии мне захотелось ее увидеть, пусть издали. Помню, я нарочно сел в кафе неподалеку от площади, где располагается клиника сестры Лорен. Конечно же, в надежде увидеть саму Софи. Увы, мне не повезло. Но легенда явно была где-то рядом. Я это почувствовал по воздуху, формула которого, как и в тот раз в Москве, была иной…

Часть вторая
Эпоха утраченных гениев

Царица по жизни
Народная артистка СССР Галина Вишневская

Ее боялись. Слишком уж грозные были у Галины Павловны вид и голос. Да и за словами Вишневская никогда, что называется, в карман не лезла. Рассказывают, что, только поступив в Большой, она столкнулась с ведущей солисткой театра Марией Максаковой, которую фактически выживали из театра. Мария Петровна подошла к молодой певице: «Я слышала, у вас непростой характер. Не хотела бы я оказаться с вами на одной сцене». Реакция Галины Павловны была мгновенной: «А вам это и не грозит. Вы же на пенсию уходите».

Правда, сама Вишневская, по ее признанию, о тех словах жалела. Но ее многие опасались по-прежнему. Я поначалу тоже испугался. Написал на листочке список вопросов, а заглянуть в него так и не решился. Сидел, как на экзамене, с прямой спиной и чувствовал себя провинившимся студентом. Галина Павловна никаких оснований для этого не давала. Но мне все равно тогда показалось, что она мною недовольна…

Спустя пять лет мы встретились вновь. Вишневская была все та же. Но я ее уже не боялся. Потому что видел, как она только что разговаривала со студенткой своей Школы оперного искусства…

— Галина Павловна, мне кажется, вы стали мягче.

— Это правда. Сама замечаю. Наверное, все происходит из-за того, что я много общаюсь с молодежью. Понимаю, что должна себя сдерживать, чтобы не ранить их словом: знаю на собственном опыте, как это бывает больно. Уже могу иногда промолчать. Хотя когда считаю нужным, всегда говорю то, что думаю…

Этот разговор состоялся через несколько дней после дня рождения Вишневской. Вся комната была заставлена цветами, а сама Галина Павловна, несмотря на праздничный марафон, вовсе не выглядела утомленной и, как всегда, производила впечатление человека, у которого все в порядке. Хотя к тому времени уже было известно, что Мстислав Ростропович, ее Слава, тяжело, неизлечимо болен. Но других это не касалось.

Весной 2007 года Ростропович ушел из жизни. Когда я готовил главу, посвященную Вишневской, для этого сборника, то

думал, вносить ли в вопросы, касавшиеся Мстислава Леопольдовича, необходимые изменения.

И решил все оставить так, как было…

— Я слышал интересную историю о том, как в коммуналке, куда вы вселились в детстве, от прежнего жильца-адмирала остался рояль. Стали бы вы той Галиной Вишневской, которую знает весь мир, без этого рояля?

— Я была тогда настолько тупа, ленива и упряма, что ни разу к нему не подошла. Некому было меня бить поленом по голове. Так что никакой роли наличие рояля не сыграло. Но певицей я все равно стала. «Что кому суждено, с тем то и приключится». Так, кажется, говорится в «Фаусте»?

— Это ваше любимое изречение?

— Мое любимое: «И это пройдет». Что мудрее можно придумать? А еще прочла у Марины Цветаевой: «Дать можно только богатому и помочь можно только сильному. Вот опыт всей моей жизни». Страшно, да? Тем, насколько верно замечено. Если у вас есть возможность помочь и вы помогаете слабому, его это не спасет. А вот человека сильного вы лишаете возможности окрепнуть и, встав на ноги, спасти множество людей. Это жестокие законы жизни.

— Вы всегда знали, что вы — великая певица?

— О чем вы? Когда меня называют великой, я этого не слышу. Я с самого начала знала себе цену, поэтому воспринимала и воспринимаю все происходящее совершенно спокойно. Я начинала карьеру в оперетте, потом пришла в Большой театр. Никогда не занижала собственную оценку, но и не переоценивала себя.

У меня довольно высокая планка, ниже которой я не опускалась никогда. Я пропела на сцене 45 лет. И, как только почувствовала признаки усталости, тут же ушла, не опустившись ниже того уровня, на котором всегда была. Со сцены лучше уйти на год раньше, чем на неделю позже. Потому что эта неделя может искалечить вам всю жизнь.

— Галина Павловна, а лень вам знакома?

— Ну а как же? Но я знаю хороший способ ее победить. Надо просто встать и идти. Хочу-не хочу, а надо. У меня не раз бывало, что вроде чувствую себя неважно, но, чтобы взять бюллетень, даже мысли не приходило. Я понимала: в театр придут люди, кто-то из них на последние деньги купил билет. А я не буду петь только потому, что мне не хочется? Нет-нет, так нельзя.

Вишневская признавалась, что всегда чувствовала себя

царицей и никогда не была на вторых ролях. Хотя ее детство и юность вовсе не предвещали того удивительного будущего, которое ожидало впереди.

— Я просто умею жить. Никогда не мучилась поисками смысла. Некогда было: в моей жизни случались периоды, когда и вовсе не приходилось ни о чем таком задумываться. В 15 лет я осталась одна. Была блокада, голод, надо было выживать.

Да, у меня были силы, чтобы менять судьбу. Думаю, все сложилось так, а не иначе из-за того, что родители — мои драгоценные мамаша и папаша, два молодых болвана (прости, Господи, нельзя так о покойниках говорить) — бросили меня маленькую и отдали бабушке. Мне было шесть недель. Я никак не могла понять, почему они так поступили. Очень остро это переживала. Все время хотела доказать им, что вырасту и стану каким-то необычным человеком. Воображала себя в дорогих туалетах, кринолинах, хотела выглядеть, как примадонна в кино… Представляла, как буду блистать, а мать станет рыдать и раскаиваться из-за того, что меня бросила…

— Одним из своих учителей вы называете Ленинград…

— Обожаю этот уникальный, ни на что не похожий город. Ленинград — это моя жизнь. Он меня вырастил, воспитал. У меня ведь никого не было, кто бы занимался мною. Семья была простая: бабушка неграмотная, дед — рабочий. У них я и жила. А то, что я имею, дала мне красота города. Самая дорогая для меня награда — медаль «За оборону Ленинграда». Я еще и почетная гражданка Кронштадта.

В Кронштадте Галина, тогда еще Иванова, служила во время блокады. В 18 лет вышла замуж за моряка Георгия Вишневского, с которым прожила всего несколько недель. Под этой фамилией она и вошла в историю как одна из самых ярких оперных див мира.

Однажды, прогуливаясь по Невскому проспекту, Вишневская увидела объявление о конкурсе в Большой театр, который 25-летняя артистка оперетты достойно выдержала и перебралась в Москву.

В главном театре страны молодой певице первым делом пришлось заполнить массу анкет в отделе кадров. В графе «род занятий отца» Вишневская написала «пропал без вести». Признаться в том, что Павел Иванов осужден по политической, 58-й статье (за рассказанный в компании анекдот про Сталина), означало поставить крест на своей карьере в Большом.

Каково же было ее удивление и возмущение, когда Павел

Андреевич после освобождения из лагеря сам отправился в отдел кадров театра и заявил, что дочь написала в анкете неправду, скрыв его судимость. Так он пытался наказать Галину за отказ взять его на свое содержание.

К счастью, после смерти Сталина 58-я статья перестала быть черной меткой. Однако родитель не сдавался и подал на дочь в суд, пытаясь хоть таким образом добиться от нее денег. Суд его претензии не удовлетворил. И только тогда Вишневская, доказав свою правоту, согласилась выплачивать отцу определенную сумму…

На тот момент она уже была примой Большого театра и женой молодого музыканта Мстислава Ростроповича. Они познакомились во время одного из приемов в ресторане «Метрополь». А роман начался в Праге, где Вишневская и Ростропович принимали участие в фестивале «Пражская весна».

Оформляя документы певицы на выезд за границу, один из чиновников Министерства культуры пошутил: «Не знаю, тянет ли Вишневская на «Пражскую весну». Но вот весной на Вишневскую тянет однозначно».

По воспоминаниям Галины Павловны, ухаживал Ростропович фантастически. Каждый день дарил ее любимые ландыши. А однажды, когда она вслух призналась, как мечтает о соленых огурцах, Ростропович и вовсе совершил невероятное.

Вечером Вишневская открыла свой шкаф в гостиничном номере и замерла: на полке стояла хрустальная ваза, наполненная солеными огурцами. Это все и решило, в шутку говорит Галина Павловна.

Они прожили вместе более полувека. «Жаба», — называл жену Ростропович и дарил всевозможные ювелирные украшения в форме этого не самого, казалось бы, приятного представителя земноводных. «Буратино», — отвечала ему Вишневская.

Казалось, они никогда не ссорились. Воспитали двух дочерей — Ольгу (в последние месяцы жизни матери она перебралась из Нью-Йорка в Москву) и Елену (ее дом в Париже).

— Ваши дочери, наверное, всю жизнь хотели доказать, что они сами по себе дорого стоят.

— Чтобы быть самому по себе и свободно идти по жизни, нужно огромное желание. И обстоятельства, которые заставят действовать. У моих дочерей такими обстоятельствами стала семья, которая их обожает. А чтобы добиться такого положения, как у их папы с мамой, надо работать много. На это девочек уже не хватило. А быть в музыке просто так, середняками? Я сказала: «Не надо, бросайте!»

— И чем они сегодня занимаются?

— Детьми. У одной четверо, у другой двое.

— История о том, как Мстислав Леопольдович сжег на веранде вашей дачи джинсы дочерей, уже стала легендой. А вот как Галина Вишневская общается со своими зятьями — тайна.

— Они хорошие ребята, занимаются бизнесом, я к ним отношусь, как к сыновьям. Мы общаемся по-английски, на бытовом уровне я могу поболтать. У меня с ними никогда не было конфликтов. Потому что за границей все живут отдельно. И я не наблюдаю по утрам, встав в плохом настроении, как мой зять босиком идет через кухню. Меня это не раздражает. Если бы мы жили в одной квартире, то я, может, и дала бы им узнать, что такое русская теща. А так у нас прекрасные отношения — они меня любят, я их…

Как-то я позвонил домой Галине Павловне, и трубку взял Ростропович. Говорил на бегу, так как опаздывал на самолет — летел в Китай и Японию. Встретившись через какое-то время с Вишневской, я не удержался от вопроса:

— Это и есть идеальный брак? Вы, наверное, и поругаться не успеваете.

— Конечно! Мы всю жизнь так и прожили. Иначе давно бы разошлись. Вытерпеть друг друга двум таким характерам, как мы со Славой, очень сложно. Изо дня в день мелькать друг у друга перед глазами? Это же с ума можно сойти. А так улетел — и слава Богу. А через несколько дней звонит: «Ну как ты там? Скучаю уже».

В 47 лет Вишневской пришлось все начинать заново: ее и Ростроповича лишили советского гражданства. За то, что на даче супругов поселился опальный писатель Александр Солженицын, Ростроповичу стали запрещать играть и дирижировать в Москве и Ленинграде. И тогда Галина Павловна заставила мужа написать Брежневу письмо с просьбой отпустить их за границу.

Творческая командировка закончилась через четыре года — Леонид Брежнев подписал указ о лишении Вишневской и Ростроповича советского гражданства. Но Галина Павловна ни о чем не жалела.

— Я — счастливый человек. Ничего не получила бесплатно! Ни квартиры, ни образования. Я ведь даже среднюю школу не окончила, потому что началась война. В 17 лет поступила в Театр оперетты, и там началась моя карьера. Вот это и дало мне

хорошую жизненную школу. Я прошла через все — через смерть, болезни, несчастья. Через все, что хотите. И сегодня не боюсь ничего.

— А вы когда-нибудь верили в коммунизм?

— Никогда! Слишком много вранья видела. Мне папаша на все глаза открыл. Он был коммунистом. И алкоголиком. Напивался и передо мной, пятилетней девчонкой, произносил речь, воображая, что стоит перед толпой. А я сидела и слушала. Вы не представляете отвращение и омерзение, которое он мне внушал. Из-за него одного я возненавидела всю советскую власть.

— Вы и зарабатывать начали достойно, только когда переехали на Запад.

— Да. В Большом я получала 550 рублей, это была самая большая ставка, которую кроме меня имели лишь Майя Плисецкая и Ирина Архипова. А певица, которая пела всего два слова вроде «кушать подано», получала 350 рублей. Вот и вся разница. Хотя публика идет на меня, стоит очередь за билетами, и я по два килограмма за спектакль теряю.

— Получается, что лишение вас в 1974 году советского гражданства невольно сыграло вам на руку…

— Я не одна такая была, все так жили. И не забывайте, что кроме всего прочего есть еще такая вещь, как любовь к Отечеству. Которую очень часто сбрасывают со счета. Эта любовь — очень сильное чувство. У меня, например, никогда даже мысли не было остаться за границей. Я 15 лет ездила на гастроли и воспринимала все эти поездки скорее как увеселительные прогулки. Мне ничего другого, кроме России и Большого театра, не было нужно…

— Для миллионов во всем мире вы — не только звезда оперы, но и автор супербестселлера «Галина». Ваши мемуары, написанные во время вынужденной эмиграции, наделали много шума на Западе, а затем и в России. Как вы их написали?

— Очень просто. Когда я без знания языка оказалась за границей и попала в самое высшее общество, то часто должна была объяснять, почему меня выбросили из страны. Все интервью, которые я давала, крутились вокруг этой темы. И все равно никто ничего не мог понять. В результате Таня Максимова, жена покойного писателя Володи Максимова, сказала мне: «Ты столько знаешь, пиши книгу».

Поначалу я связалась с одним музыковедом, которая как раз эмигрировала. Договорились, что я буду диктовать, а она записывать. Но, взяв в руки первые листы ее рукописи, я сказала: «Нет, это не я».

Естественно, чем талантливее человек, записывающий ваши

мысли, тем больше на страницах книги будет проявляться он, а не вы. Меня это раздражало невероятно, и я поняла, что должна писать сама.

Села за стол, положила перед собой бумагу… и три дня ничего не могла написать. В ход пошли джин-тоник, сигарета, слезы. И я постепенно раскочегарилась. Решила, что стану записывать первое, что придет в голову. Начала с самых первых воспоминаний — как с мальчишками прыгаю в воду. Я тогда еще много пела, поэтому, бывало, по месяцу не подходила к письменному столу. А бывало, работала взахлеб. В самолете даже писала…

Мне потом и кино предлагали снять. Как только книга вышла, тут же приехали с контрактом из Голливуда. Я поначалу была счастлива. Но когда все прочитала внимательно и поняла, что у меня не будет никаких прав вносить в сценарий изменения, то отказалась. Представляю, сколько бы они туда вставили надуманных постельных сцен. «Нас это не устраивает», — сказали они. «Ну и меня не устраивает», — ответила я. И мы разошлись.

Я — человек принципиальный. Для меня деньги пахнут. Мой принцип — не идти на компромиссы с совестью и с самой собой. И никакие миллионы не заставят меня ему изменить.

— Ваша книга заканчивается на переезде за границу. А дальше что было? Вы дневники ведете?

— Никогда не вела. И писем не писала. Не хотела, чтобы кто-то держал меня за шкирку и мог интриговать. Всегда же был страх, что письмо сможет прочесть кто-то еще. Я и по телефону до сих пор не разговариваю много. «Здравствуй, приходи тогда-то» и все. Это уже, видимо, на всю жизнь. Так что продолжение — в моих интервью.

— В них часто встречается слово «запретить».

— Да. В человеке должен стоять ограничитель.

— Какой?

— Культура. Воспитание. На Западе это уже понимают. У нас пока нет. Наверное, слишком мало времени прошло. Пока все ведут себя, словно с цепи сорвались. Кто смел, тот и съел. 80 лет советской власти не прошли бесследно. Сразу после революции ученых и философов выслали на пароходе за границу, чтобы не мешали. Аристократов и работяг перестреляли. В результате власть получила голытьба. И что она — начала работать на земле, где раньше трудились «кулаки»? Нет, эти лентяи и пьяницы бросились делить оставленное имущество.

— Вы полагаете, такое больше не повторится?

— Нет, этот номер больше не пройдет. Теперь люди перережут друг друга, но своего не отдадут. И правильно

сделают. Я тоже не отдам!

Сегодня многие пытаются найти национальную идею, которая якобы должна спасти Россию. А где ее взять-то? Выкопать, что ли? Жить надо по законам. Божьему и Конституции. Надо добиваться выполнения законов, невзирая на лица. Возьмите Англию. Там равны все — и королева, и последний бомж, сидящий на лужайке со своей бутылкой.

Я однажды летела из Парижа в Лондон. И взяла с собой маленькую собачку, размером с ладонь. А тогда как раз объявили карантин и нельзя было ввозить животных. У меня в аэропорту работал знакомый, которому я сказала: «Что вы ерундой-то занимаетесь? У меня собака маленькая, я ее за пазуху положу, никто и не заметит». А он мне ответил: «Мадам, никогда так не делайте. Потому что, если в Лондоне узнают, что вы прилетели с собакой, ее немедленно усыпят, а экипаж уволят без права дальнейшей работы в авиакомпаниях. И будь на вашем месте королева, с ней поступили бы точно так же».

Вот это закон! И я считаю, что любой гражданин государства должен отвечать по нему в равной степени. А как иначе?

— Когда у нас так будет?

— Думаю, не скоро. Нас просторы наши бескрайние мучают. Мужик с перепоя выходит, хочет начать работать, открывает дверь, а там: до леса все — мое, после леса — тоже мое. Так он и сядет, глядя в эту даль. А у европейцев все маленькое, все на вес золота. У нас нет страха помереть с голоду — в тайгу пойду, кедровых шишек наберу. А за границей такой уверенности нет. Вот они и вынуждены работать. А наш где-то что-то украдет, как-то перебьется…

Это и формирует характер. Нищему ведь ничего не жалко. Почему не отдать последнюю рубаху, если все равно холодно?! И хлебом можно поделиться, если ты все равно голодный и буханкой дела не исправишь. А вот когда у тебя есть достаток, попробуй что-нибудь попросить! От богатого мало что получишь…

Вишневская, кажется, успела сделать в этой жизни все: и семью создать, и дочерей воспитать, и оперу поставить, и даже в кино сыграть — исполнила главную роль у Александра Сокурова. Знаменитый режиссер специально для Вишневской, с которой познакомился на съемках документального фильма о ней, написал сценарий.

— Когда он позвонил и предложил сниматься, удивлению моему не было границ. А когда прочла сценарий, то и вовсе не

знала, что думать. В основе фильма судьба пожилой женщины, которая едет в Чечню к проходящему там службу внуку-офицеру.

Я, разумеется, отказалась. Сниматься в кино для меня совершенно незнакомое занятие. Так и сказала Сокурову. Но он настаивал. Сказал, что специально все затеял, чтобы меня снимать. Я подумала — талантливый, знаменитый режиссер, плохо точно не сделает. Дай попробую. И согласилась.

— Съемки были в Чечне. Страшно не было?

— Нет, абсолютно. Не забывайте, что я пережила Великую Отечественную в Ленинграде. Чего я могу бояться? Вида разрушенных домов, зияющих глазницами пустых окон? Я все это уже видела в Гатчине, Ораниенбауме, Петергофе, Красном Селе.

Галина Павловна вообще видела немало. Но подводить итоги не собиралась. На просьбу пригласить в день своего столетия на чашечку чая отвечала согласием. Лишь уточняла: «Вы какое варенье любите?»

— Как вам удалось победить страх перед быстротечностью времени? Или у вас вообще такого страха не было?

— Не было. Хотя время не просто быстро идет — оно летит. Мне исполнилось 80 лет, но для меня годы — это анекдот. Никогда не подсчитываю, сколько мне лет и на сколько я выгляжу. Единственное, из-за чего расстраиваюсь — это когда чуть поправляюсь. А думать о времени, о том, что оно уходит… Несчастные люди, кого это заботит.

— Вы всегда поступали только так, как считали нужным?

— Я никогда специально об этом не задумывалась. Просто делала свое дело. Передо мной не стояло цели через что-то перешагнуть, чтобы добиться роли. Я пришла в Большой в 25 лет. До этого моталась по маленьким деревням и городишкам, жила в каких-то клоповниках, ела в жутких столовых. Прошла через все.

А в Большом мой путь с первого шага на сцене был устлан розами. Я стала любимой певицей главного режиссера и главного дирижера. Что хочет Галина Павловна, то и будет.

— И как вы это воспринимали?

— Как должное. Как результат моей работы. В 29 лет я уже была примадонной Большого театра. Примадонна — это не когда ты сидишь и делаешь то, что хочет твоя левая нога. Это профессия.

— При этом, насколько я знаю, безумства молодости вам были не чужды. Это правда, что Ростропович к вам в Праге через забор лазил?

— А что было делать? Молодые были, мне 29 лет, и у нас как

раз начинался роман. Я ведь и сама лазила. Незадолго до отъезда за границу (дело было на даче в Жуковке). Как-то так получилось, что у нас нечего было есть: в холодильнике пусто и домработницы нет. Дети говорят: «Мать, пойдем в поселок Совмина (Совета Министров. — Прим. И.О.), там чего-нибудь купим». А чтобы попасть в этот поселок, где находился магазин, требовалось на проходной предъявить пропуск, которого у нас не было.

Зато мы знали секретный ход — в заборе была дырка, замаскированная отодвигающейся дощечкой… Подходим, а дырка забита. Что делать?

«Мы полезем через забор», — говорят дочери. Я поначалу возмутилась: как это, народная артистка СССР через забор полезет? Еще как назло, была не в брюках, а в платье. А ну как повисну? Но делать нечего — есть-то хочется. Встала я Ольге на спину и перелезла.

Входим в магазин, тетки местные злобно на нас смотрят — видят, что не свои пришли. Мы, как мыши, тихонько встали в очередь. Купили сметаны, сосисок, уж не помню, чего еще. Обратно, правда, через проходную возвращались. Это было, кажется, в 1972 году.

— Мне почему-то кажется, что вы и сегодня полезете через забор, если надо.

— Ну а почему же нет? Конечно, полезу!

Однажды мне удалось застать Галину Павловну в превосходном настроении. Она всегда была корректна и внимательна к вопросам журналистов, но в этот день, я почувствовал, была настроена на общение. И когда все приготовленные вопросы были заданы, я не смог удержаться от искушения просто, что называется, поболтать с Вишневской.

Накануне встречи я побывал в гостях у внучки знаменитой оперной певицы Веры Давыдовой, певшей в Большом в тридцатых-сороковых. После выхода на пенсию и смерти Сталина за границей увидела свет книга ее якобы мемуаров, из которой следовало, что Давыдова была любовницей Сталина. Не спросить отношение Галины Павловны к подобным разговорам — а в Большом не только Давыдову записывали в любовницы вождя — я не мог.

— Все это чушь! Не было у Сталина любовниц в нашем театре! А за книгу, которую написали от имени Давыдовой и опубликовали на Западе, ее автора надо расстрелять! Да-да, именно расстрелять! Он написал, а женщина потом всю

оставшуюся жизнь была вынуждена оправдываться!

— А почему вообще возникали подобные разговоры?

— А чем заниматься в театре? Спел свой спектакль и что делать? Вот и начинали сочинять друг о друге!

— Вы в своей книге описываете эпизод, когда еще совсем начинающей певицей отказались от операции на легких. И прямо в операционной встали со стола и ушли. Вы действительно сумели предвидеть, что своими силами сумеете победить опасную болезнь?

— Да ничего я не предвидела. Просто взглянула в глаза женщине, которая лежала на соседнем столе. Сколько в них было муки и страдания! И я решила, что не стану добровольно обрекать себя на это. Слезла со стола и ушла. И правда все обошлось.

— Я так и не осмелился задать вам вопрос про Мстислава Леопольдовича.

— Я до сих пор не верю, что его нет. Даже когда приезжаю к нему на Новодевичье, то, бывает, прохожу мимо его могилы. Думаю о чем-то своем и прохожу. Потому что не осознаю, что Слава теперь на Новодевичьем.

— Галина Павловна, а можно вас попросить сделать совместную фотографию? Мы с вами столько раз встречались, и я ни разу не догадался взять с собой фотоаппарат. А сегодня взял, вот только не знаю, кого попросить сфотографировать.

— А вы сбегайте на второй этаж, там обязательно кто-нибудь будет. И возвращайтесь.

Так я и сделал. Один из сотрудников пресс-службы поднялся со мной в кабинет Вишневской (кажется, не очень веря, что Галина Павловна согласилась подождать и позировать) и сделал снимок, который сегодня напоминает мне о встречах с великой женщиной.

Больше мы с Галиной Павловной не встречались. Но как-то зимой я случайно увидел, как Вишневская выходит из своей Школы оперного искусства и садится в машину. Выглядела она, как всегда, превосходно — аккуратно уложенные волосы, черная куртка, отороченная мехом, черные брюки. Вот только, чувствовала себя, наверное, не очень хорошо и дойти до машины ей помогали. А может, просто было скользко и Галина Павловна боялась оступиться.

Во вторую причину верится больше. Потому что представить Вишневскую слабой невозможно. Она, кстати, и садилась на переднее сиденье. Чтобы даже здесь быть впереди. Как же иначе?

Сегодня на Новодевичьем кладбище, в самом центре старого некрополя, над мраморным надгробием стоит православный крест. Имена двух великих россиян выбиты золотом — Мстислав Ростропович и Галина Вишневская. На их могиле всегда свежие цветы. А возле нее всегда люди…

Пять вечеров
Народная артистка СССР Людмила Гурченко

Ее первой фразой в кино, произнесенной в фильме «Дорога правды», были слова: «Я не за тем сюда пришла, чтобы молчать».

И она не молчала. Наоборот, говорила, что всегда хотела не плыть по течению, а самой создавать волну. И это ей тоже удалось, как никому.

Мои отношения с Людмилой Марковной, имею в виду профессиональные, складывались не так гладко, как мне мечталось. На первое интервью она попросту не пришла.

Но это была моя вина — испугавшись, что актриса захочет разговаривать со всей редакцией, я сказал, что в здании газеты сейчас ремонт, и потому предложил встретиться в театре. Гурченко согласилась. Но напрасно полтора часа я прождал ее на вахте театра Сатиры, держа в руках букет роз.

Оказалось, что муж актрисы предварительно позвонил в редакцию, где ему сообщили, что никакого ремонта нет. Связываться со странным журналистом актриса справедливо посчитала излишним.

Но все равно, обидно было очень.

Прошло несколько лет. И уже следующая беседа с Людмилой Марковной прошла честь-честью. Я тогда сотрудничал с одной радиостанцией, в прямой эфир которой и пригласил Гурченко.

— Людмила Марковна, нет чувства, что в жизни вы уже всего достигли, что все самое главное уже позади?

— Нет. Отчего же? Надеюсь, что впереди у меня еще много хорошего и интересного. В общем, как писал Толстой, «ЕБЖ» — если буду жива.

— А что вам интересно в жизни?

— Я не люблю все то, что было вчера. Даже не вчера, а то, что было полчаса назад. Не то чтобы не люблю… Просто это уже ушло, исчезло. Мне интересно то, что происходит сейчас. Обстановка, атмосфера… Я люблю чувствовать сиюминутное напряжение.

— Вы всегда великолепно выглядите. Что для вас стиль?

— В моем понимании стильно выглядеть — это прежде всего не быть смешной. Самое страшное для человека — быть смешным. Не уметь взглянуть на себя со стороны. Надо знать, что и куда надеть, чтобы чувствовать себя вольготно и удобно. Важно

не быть разодетым, как петух.

— Где вам комфортнее — на сцене или дома на кухне?

— Зачем же такие крайности? Это как «бедный — богатый». Понимаете, дома я все с себя сбрасываю. Там я такая несчастная. Тихонько хожу, могу ссутулиться. Увидев меня дома, во мне можно разочароваться. А на публике я обязана себя преподнести, подать. Дома я могу прилечь, взять к себе собаку. Ну правда, это же так естественно! Если я после спектакля пришла не усталой, значит, что-то не так сделала, не выложилась до конца. Но такого обычно не бывает.

— Как вы думаете, вашим домашним с вами легко?

— Думаю, что тяжело. Вообще с актрисой тяжело. Мужчине-артисту проще. У него может быть жена, которая имеет возможность вообще бросить работу. У женщины все по-другому. Муж актрисы — редкий человек. Как, скажите, возможно жить с женщиной, которая отдает себя прежде всего профессии, зрителям? Ну год мужчина получает от жены ошметки, ну два. А потом ему надоедает. Нет, муж актрисы должен быть устроен по-особому.

— А ваш супруг устроен правильно?

— Я счастлива, что у меня есть плечо, на которое я всегда могу опереться. Это приятно. Я рада, что впервые в жизни могу подчиняться его глазам, словам, советам. Если чувствую, что Сергей недоволен тем, что я делаю, немедленно стараюсь исправиться.

— Сергей Сенин не только ваш муж, но и продюсер. Это не мешает нормальной семейной жизни?

— Мы не были бы вместе, если бы главным в наших взаимоотношениях не было общее нравственно-художественное ощущение жизни и работы. Не говорю: «искусства», «творчества». Ненавижу эти слова.

У нас с мужем близость интересов до невозможности! Никогда не было противоречий не только в восприятии того, что мы делаем, но и в восприятии того, что мы читаем. С годами понимаешь, что главное — не страсть, не влюбленность, а духовное единение. Важно ощущать происходящее единой рукой. Заметьте, не двумя руками, а единой. Это очень интересно.

— У вас взрослая дочь. Вы с ней друзья?

— Не могу сказать, что у нас очень уж близкие отношения. У нас разные жизни, разные интересы. Но у нее в жизни все обстоит так, как я хотела бы. А мать я, честно говоря, никакая. Актрисе нельзя быть матерью. Все нужно отдавать или профессии, или детям. Я никогда не понимала, как это можно сочетать работу и детей. Лично я выбрала первый путь. Хотя это, может, и жестоко.

— Дочь вас понимает?

— Надеюсь, что понимает. Но у нее своя жизнь. Я вообще считаю, что нельзя вмешиваться в жизнь детей. По себе знаю.

— Но ведь вам именно отец посоветовал стать актрисой.

— Он говорил обо мне: «Актрисою будеть. Увобязательном порядке. Ее весь мир будеть знать, а женихи усе окна повыбивають». А мне тогда было всего восемь дней. И актрисой я стала действительно благодаря папе. Ведь это он сказал мне: «Иди и вжарь як следует. Никого не бойся. Иди и дуй свое!» И вот я «дула» свое! Это был ужас. Я хотела вырваться на сцену только для того, чтобы папа мною гордился. Когда его не стало, я все еще «дула». И не могла понять, что его уже нет. Я и сейчас ощущаю его запах, вижу его руки. Это невероятно. Он всегда со мной.

— В профессии у вас есть идеалы?

— Для меня эталоном являются те актеры, если я не могу понять, как им удается сделать роль. А когда я этого не понимаю, то просто с ума схожу от счастья. Я в восторге от Табакова, Роберта де Ниро. Прекрасные актрисы Нонна Мордюкова, Маргарита Терехова, Марина Неелова, Наталья Гундарева. Можно долго продолжать.

— Многие ваши коллеги, как и вы, сегодня занялись писательством. Вам интересно читать их мемуары?

— Никаких не читала, кроме своих (смеется). Если серьезно, меня очень интересовала в свое время Вивьен Ли. Но не ее мемуары, а то, что писали о ней.

— В вашей книге «Аплодисменты» мне запомнились слова «справедливый господин случай». Этот «господин» был справедлив к вам?

— Нет, так было лишь на «Карнавальной ночи». Я слишком долго к этому шла. Вся моя двадцатилетняя жизнь подвела меня к работе в этой знаменитой комедии. Жизнерадостность моя, которая била через край. Я могла идти по Арбату и вдруг побежать, понестись. Теперь вспоминаю: куда неслась, зачем? Иногда ловлю себя на мысли: «Боже, как жаль, что это кончилось, куда-то ушло». Сегодня я тихо иду по улице, по тому же Арбату, и думаю: «А что же мне теперь-то не бежится?» Случай с «Карнавальной ночью» был очень точным. Он вынес меня. Потом, правда, был большой отлив. Затем, спустя годы, «Старые стены» — это, пожалуй, второй счастливый случай.

— У вас есть жизненный девиз?

— А как же! «Светить всегда, светить везде, до дней последних донца».

Минуло еще несколько лет. И я вновь встретился с Людмилой Марковной.

В тот вечер со знакомым режиссером я был на одном из спектаклей в Большом. В антракте приятель сказал, что только что ему звонил муж Гурченко и пригласил на ужин. К юбилею Людмилы Марковны моему товарищу Сергей Сенин предложил поставить спектакль, основанный на книге воспоминаний Гурченко — свою роль должна была играть она сама, а роль ее отца — Богдан Ступка.

Я был счастлив, когда оказалось, что тоже могу присоединиться к компании.

Это был неповторимый вечер. Гурченко так рассказывала о своем отце, что я до сих пор не могу простить своей самонадеянности — ну что стоило записать в тот же день монолог Людмилы Марковны, но я поленился и решил, что такого все равно не забудешь. Между тем восхищение выдающейся рассказчицей осталось, а вот сам ее рассказ — увы, нет. С другой стороны, все равно публиковать тот разговор я бы не осмелился…

Мы засиделись в ресторанчике неподалеку от Патриарших прудов далеко за полночь. Под конец Гурченко подозвала официанта и сказала, что сейчас мы все закажем себе десерт. Когда я отказался, она удивилась: «Вы у себя в Большом все на диете, что ли?»

Видимо, то, что я пришел на ужин из Большого, да еще обронил фразу, что после спектакля всегда очень голоден, создало столь обманчивое и столь же лестное для меня впечатление. Я не стал разубеждать Гурченко. Тем более что ее собственные рассказы за ужином были столь откровенны, что мне уже было неловко в конце сказать, что я — журналист.

Кстати, сама Людмила Марковна заказала себе яблочный штрудель с шариком мороженого. Поймав мой удивленный взгляд, она засмеялась: «Никогда не смотрю на часы и ем все, что пожелаю. Проходимость не нарушена!»

К сожалению, спектакля по книге Гурченко так и не получилось. А между тем юбилей приближался.

За несколько дней до круглой даты я набрал телефонный номер актрисы. Упоминать о том, что мы, в общем-то, уже знакомы, не стал. Просто представился и попросил ответить на несколько вопросов.

Гурченко долго не соглашалась. Я уже отчаялся, когда она неожиданно сказала: «Ну ладно, давайте поговорим».

— Людмила Марковна, вы прямо так и говорите о том, сколько вам лет…

— А что скрывать, когда на первой же странице моей книги написано: «Я родилась 12 ноября 1935 года». Скрывать? Глупо. Вообще мне за границей хорошо, там никто не знает, когда вышла «Карнавальная ночь». А здесь…

— Что для вас в жизни самое главное?

— Для меня главное — не терять о себе реального представления. А полностью реализоваться может только дурак. Если я что-то и реализовала, то, наверное, частично.

— Плата, которую вам пришлось заплатить за свой успех, была справедлива или слишком высока?

— Ничего себе вопрос! Чтобы на него ответить, мне надо переворошить всю свою жизнь. В чем-то справедлива, в чем-то нет.

— Вы знаете себе цену?

— Знаю, ну и что? Кому это нужно? Очень многое в жизни актера, да и просто человека, зависит от того, что с ним сделают обстоятельства. Да те же журналисты. Иногда обстоятельства оказываются сильнее. Надо быть талантливым, умным и, главное, материально независимым, чтобы спокойно заниматься тем, чем хочешь. Если этого нет, то и сиди себе со своим достоинством никому не нужный. Это БЫВАЕТ очень часто и ЭТО страшно. У нас актеры, которые работают кровью и потом, ничего не имеют — ни фабрик, ни лесов. Мне один руководитель города по культуре рассказывал, как после концерта к нему подошел певец. «Я ему говорю: «Спасибо, вы так хорошо пели». А он мне: «Слушайте, а как у вас тут с лесом?» Понимаете? У певца таланты во всех направлениях. Сейчас при таких талантах и петь легче. Вы рассуждаете, как человек нового времени. А я рассуждаю с позиции и того времени, и этого. Вот вам зачем знать себе цену?

— Мне представляется, что если я буду знать себе цену, то не стану размениваться на мелкие вещи.

— Вам представляется! А если вам захочется есть или не на что будет накормить семью, то как миленький пойдете в кинотеатр и начнете перед сеансом: «Здравствуйте! Вы все, конечно, видели мои фильмы. Автограф? Пожалуйста! Сфотографироваться? Пожалуйста!» Так жили и умирали наши великие комики. Сейчас, совсем недавно. Георгий Вицин — актер мирового класса, а умер в нищете. Со своим достоинством, своим талантом.

— Значит, утверждение, что не в деньгах счастье, глупо?

— Конечно. Счастье не в деньгах, оно — в таланте. Обрамленном хорошим материальным положением. Почему

знаменитая красотка Джулия Роберте в 37 лет уходит из кино, чтобы нянчить своих близнецов? Потому что у нее достаточно денег. У меня в жизни никогда не было такой возможности — хлопнуть дверью и уйти. А вот меня уходили. Потому что была никому не нужна. И я была вынуждена элементарно добывать себе хлеб. В Голливуде такое никому не снилось! Если бы кто-нибудь из них снялся в «Карнавальной ночи», которая принесла миллиарды рублей… А я после картины угол снимала. О чем говорить?

— Вам не обидно, что в силу особенностей нашей страны…

— (Перебивая.) Мне больно. А «обидно» — это не то слово. Но боль уже заскорузлая, я к ней привыкла. Привыкла, что газета может написать, что у Гурченко отнялись ноги, а я в этот момент танцую на сцене.

— До сих пор обращаете внимание на то, что о вас пишут?

— Любой человек обращает. Я сильно переболела, когда с началом перестройки пошла вся эта писанина. А потом вдруг стало все равно: а-а, пишите, что хотите.

— Что для вас является верхом позора и унижения?

— Верхом позора? Когда я не могу доказать какие-то ужасные… Когда бесполезно отрицать глупые, странные, унизительные наветы. Я не снималась столько лет, да? А кто-то написал, что я все эти десять лет пила, поэтому и не снималась. Как мне к этому относиться? Начинать рассказывать, что после «Карнавальной ночи» я была ребенком из Харькова двадцати лет. И когда мне предлагали выпить, я отвечала, что не пью. А в ответ слышала: «Ха! Она не пьет!» И я со слезами пыталась доказать, что это действительно так. А папа морды бил тем, кто какие-то гадости обо мне распускал. К нему могли подойти и спросить: «А правда, что на самом деле ей 40 лет, а такой молодой ее с помощью грима сделали?» Хотя моей маме тогда было 38. Так что я прошла через массу каких-то вещей, когда слышишь о себе явную неправду и ничего не можешь доказать… Я не понимаю, вы журналист, а такие вопросы задаете.

— Глупые?

— Не то что глупые. Но если вы читали мои книжки и подготовлены со мной разговаривать, то должны знать ответы на все эти вопросы.

— Но вы же написали эти книги не вчера, и ваши оценки могли поменяться…

— Ну что «поменяться»… Вот если вам скажут, что вы — говнюк. Пойдите докажите, что это не так.

— А это смотря кто скажет, Людмила Марковна. Если человек, чье мнение мне безразлично, ничего не буду доказывать.

— Вы не равняйте. Вы можете сказать, что на улицах люди вас останавливают, здороваются, желают? Это разные вещи. И когда в газетах начинают писать самые уничтожительные вещи…

— Разве не нужно человеку, занимающемуся любой публичной профессией, быть к этому готовым?

— А как к этому можно быть готовым? Вчера ты был нищим, никому не известным актером из театра, а сегодня снялся в 8-серийном фильме и стал известен всей стране. Как ему начинать новую «популярную» жизнь? Разве вообще можно сравнивать то время и это?

— Нынешнее время не лучше?

— А чем оно лучше? Лично для меня все одинаково. Я тогда работала, как лошадь, и сейчас работаю. Да, сейчас можно заработать. Но сил-то прежних уже нет. Можно, конечно, петь под фонограмму. При этом потихонечку и потерять профессию. Нет-нет, я этого не хочу.

— Несколько лет назад вы сказали: «Кому он нужен, этот талант!»

— Правильно сказала. Потому что талант должен рождаться с локтями. А у меня их нет.

— Без таланта ваша жизнь была бы легче?

— Откуда я знаю? Я же не жила без этого.

— Что вы еще не успели сделать?

— Думаю, что меня так никто и не знает.

— А когда мы узнаем?

— Думаю, что уже никогда. Должен найтись человек, который очень хорошо поймет меня и найдет уникальный материал. Но это все вечные разговоры. Я с 20 лет слышу: «Ах, вы родились не в той стране» и «Вам бы сценарий». Все это разговоры…

— Мне почему-то кажется, что вы счастливый человек.

— Ну и хорошо, что вам так кажется. Значит, я сумела правильно просуществовать…

Текст беседы я занес актрисе домой. Положил, как она и просила, в почтовый ящик. Единственное, не смог оставить цветы. В почтовый ящик букет не засунешь, не возлагать же у дверей квартиры.

На другой день позвонил Людмиле Марковне, чтобы узнать ее мнение. Уже по первым фразам стало ясно, что интервью Гурченко понравилось. Замечаний с ее стороны не было никаких. А прощаясь, она неожиданно сказала: «А у нас могла бы получиться хорошая беседа. Давайте как-нибудь повстречаемся лично».

Мы условились созвониться после того, как утихнут

юбилейные хлопоты. Но в следующий раз я увидел Людмилу Марковну только на Новодевичьем кладбище. И сумел наконец оставить букет роз…

Одинокие сны
Народная артистка СССР Фаина Раневская

Она никогда не была замужем. И единственная свадьба, которая была в ее жизни, состоялась в 1944 году в Тбилиси. Но о той свадьбе надо писать в кавычках, ибо это — название фильма Исидора Аненского, ставшего одной из жемчужин в фильмографии великой актрисы.

Сама Фаина Георгиевна признавалась, что и ее реальная свадьба могла состояться в Тбилиси. Именно в столице Грузии она увлеклась знаменитым военачальником маршалом Федором Толбухиным.

Командующий Закавказским военным округом показывал Раневской город, а она рассказывала ему уморительные истории о том, как на тбилисской киностудии снимали легендарную комедию по рассказу ее земляка Чехова. Никогда еще, по ее словам, она не чувствовала себя такой счастливой.

В ресторане на Мтацминде 27 августа 1947 года они отпраздновали, пожалуй, самый лучший день рождения в ее жизни.

О своем чувстве к Толбухину Раневская рассказала близким только в последние годы. До этого о своей личной жизни она не говорила вслух вообще.

Роман актрисы и маршала прервала неожиданная смерть Толбухина в 1949 году. Скоропостижная смерть командующего в кремлевской клинике стала впоследствии одним из поводов для начала печально знаменитого «дела врачей».

Но все это случится потом. А пока Фаина Георгиевна оплакивала своего друга на траурной церемонии у Кремлевской стены, куда ей был выдан специальный пропуск…

Ее жизнь давно превратилась в народном сознании в один большой анекдот, каждая реплика из которого на слуху. «Муля, не нервируй меня», «Красота — страшная сила», «Деньги уходят, а позор остается» — в основном цитированием подобных фраз и обстоятельствами, при которых они были произнесены, и ограничиваются истории про Фаину Раневскую.

В итоге актриса воспринимается как этакий грустный клоун, который разговаривал афоризмами и славился непереносимым характером.

Раневскую обожают главным образом за те комедийные роли, которые она сыграла. Если, конечно, пятиминутное появление в кадре можно назвать ролью.

При этом Раневская в первую очередь была громадной трагедийной актрисой. В кино у нее была только одна подобная роль — Розы Скороход в фильме Михаила Ромма «Мечта».

Эта работа оказалась единственной главной ролью Раневской в кино. Но зато какой! «Мечту» своим любимым фильмом называл президент США Рузвельт и великий Чарли Чаплин.

Абсолютно гениальной была последняя работа актрисы в театре. Спектакль «Дальше — тишина», его часто показывают по каналу «Культура», невозможно смотреть без слез.

А Раневская с трудом могла без слез говорить о том, как сложилась ее творческая жизнь. Да и личная тоже, по большому счету, не получилась.

Незадолго до ее смерти мне удалось повстречаться с Татьяной Окуневской, кинозвездой 30-х годов. Вместе с Раневской она снималась в фильме «Пышка», работа над которым ей и запомнилась главным образом знакомством с Фаиной Георгиевной.

«Фаина была очень интересным существом, — рассказывала Татьяна Кирилловна. — Не гений, как ее пытаются сейчас выдавать, но довольно талантлива. В последние годы жизни у нее была какая-то сволочь-домработница, которая забирала у нее все деньги за то, чтобы два раза в день вывести на прогулку ее песика. Такая наглая!

У Раневской помимо актерства было особое мышление. Поэтому, что бы она ни играла, все было интересно. Хотя то, что она, будучи из буржуазной семьи, вдруг захотела в актрисы, мне кажется, было юным бредом. Мне она иногда говорила: «Таточка, Таточка! Ну как я прожила свою жизнь? Это же ужас какой-то. Я все время занимаюсь не тем, чем надо»…

Сегодня все торгуют ее высказываниями, пишут о том, что она была лесбиянкой… Ничего говорить не буду. Но помню, как в перерывах между съемками «Пышки» я переодевалась, и вдруг в гримерку вошла Раневская. Я инстинктивно, словно появился мужчина, попыталась прикрыться. Хотя тогда о лесбиянстве ничего не знала. Но это мои ощущения шестидесятилетней давности. Что теперь об этом говорить?»

Мы тоже говорить об этом не станем, тем более что на эту тему сказано, кажется, предостаточно.

Сама Фаина Георгиевна была откровенным человеком, который всегда говорил то, что думает. В том числе и о ближайших друзьях. Раневская вообще славилась острым языком, попасть на который не хотел никто. Когда главный режиссер Театра им. Моссовета Юрий Завадский получил звание Героя Социалистического Труда, Фаина Георгиевна стала называть его

«Гертрудой». А когда тот же Завадский, отношения с которым у нее категорически не складывались, придя в раздражение, крикнул Раневской во время репетиции: «Вон со сцены», она тут же парировала: «Вон из искусства».

К ужасу занятых на репетиции актеров, худрук тут же встал и вышел из зала. Но Раневская всех успокоила: «Он в это время всегда делает пи-пи. Сейчас вернется». И точно, через десять минут Юрий Завадский продолжил репетицию.

Раневская была талантлива во всем. Она даже мемуары собиралась написать. Но в последнюю минуту, когда книга была почти закончена, порвала рукопись и вернула издательству аванс.

Сегодня о Раневской написаны десятки книг. Для окончательной канонизации ее образа не хватает только какого-нибудь сериала. Который наверняка не заставит себя ждать.

Какими событиями была наполнена жизнь дочери таганрогского предпринимателя Гирши Фельдмана! Благополучная жизнь в отцовском доме, затем неожиданное решение стать актрисой и фактически бегство в Москву, где таланта молодой Фаины, или Фанни, как ее все называли, Фельдман никто почему-то не хотел видеть.

Но о том, чтобы вернуться домой, не могло быть и речи. Казалось бы, в Таганроге у Фаины было все. Но там не было Художественного театра, в котором она только что не ночевала. Ее богом был Станиславский, а любимым спектаклем «Вишневый сад».

Как-то Фаина шла по Леонтьевскому переулку и ее нагнала пролетка, в которой сидел Станиславский. Преисполненная восхищением, девушка закричала ему: «Мой мальчик!» Растроганный основатель Художественного театра привстал со своего места и, повернувшись спиной к кучеру, помахал ей рукой.

Фаина восприняла этот жест как благословение и дала себе слово, что она непременно станет актрисой. И сдержала слово: совсем скоро на сцене театра в подмосковной Малаховке появилась 19-летняя девушка, имя которой на афише значилось как «Фаина Раневская». Вместо отцовской фамилии девушка взяла имя героини «Вишневого сада».

Кстати, к директору театра она пришла с рекомендательным письмом, в котором друг этого самого директора просил того как-нибудь помягче послать подательницу сего письма куда-нибудь подальше. Ибо Раневская и актерство — две вещи несовместные. Но директору театра как раз была нужна молодая актриса и он совету друга не внял. Так решилась судьба Фанни Фельдман, которая навсегда теперь превратилась в Фаину Раневскую.

Она играла на провинциальной сцене 10 лет и сыграла 200 ролей. Для сравнения — за все последующие десятилетия театральной карьеры их у нее будет всего 38.

Провинция не только стала для Раневской главной и единственной школой актерского мастерства. Она подарила ей главную встречу ее жизни — с актрисой Павлой Леонтьевной Вульф, ставшей для Раневской не только другом и учителем.

Слова Павлы Леонтьевны она помнила до последнего дня: «Как только ты придешь в экстаз от себя на сцене, то ты больше не актриса».

Раневская актрисой была всегда. Недаром она вспоминала, что даже во время панихиды по собственному брату, умершему в пятилетнем возрасте, она нет-нет да и поглядывала в зеркало, дабы запомнить, как выглядит человек, убитый горем.

Впоследствии режиссеры тоже то и дело, напоминали ей, что для экстаза нет никаких оснований. Она была уже знаменитой на весь Советский Союз актрисой, когда какой-то режиссер предложил ей роли в двух спектаклях. Один назывался «Витаминчик», а второй — «Куда смотрит милиция».

Раневская прочитала пьесы и от участия в их постановке отказалась. На что режиссер заметил: «Да, сразу видно, что с чувством юмора у вас напряженка».

Для драматического театра Раневская была тем же, чем Сергей Лемешев и Иван Козловский, безусловные кумиры того времени, для театра оперного. Актриса так играла эпизодическую роль спекулянтки в спектакле «Шторм», что ради того, чтобы услышать в ее исполнении одну только фразу «Шо грыте?», на спектакль приходили люди. А услышав, поднимались и покидали театр. Так же случалось и в Большом, когда Лемешев и Козловский пели «Евгения Онегина».

Из-за Раневской только что не дрались поклонницы. Хотя фанатов и у нее было предостаточно. Даже в преклонные годы она выслушивала признания в любви, которые порою бывали весьма своеобразны.

Как-то один мужчина, встретив Раневскую на Тверском бульваре, прямодушно спросил:

— Сколько же вам лет?

— 115, — мгновенно ответила актриса.

— Надо же, в таком возрасте и так играете, — восхитился поклонник.

Раневская была близка с самыми великими людьми своего времени — Мандельштамом, Улановой, Шостаковичем. Одним из ее ближайших друзей была Анна Ахматова. После того, как в 1946

году вышло постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», фактически уничтожавшее Анну Ахматову, чьи произведения в этих журналах были опубликованы, для поэтессы наступили непростые времена. Знакомые порою переходили на другую сторону улицы, лишь бы не встречаться с Анной Андреевной. А Раневская, едва узнав о постыдном постановлении, тут же отправилась на ленинградский вокзал и уже утром была в квартире Ахматовой.

Та самым большим грехом считала антисемитизм. Для Фаины Георгиевны это было бесценным качеством. Ей ведь не раз приходилось «расплачиваться» за пятый пункт своей биографии.

Она мечтала сыграть роль Ефросиньи Старицкой в фильме «Иван Грозный». Режиссер Сергей Эйзенштейн уже утвердил ее на эту роль, когда руководство «Мосфильма» кандидатуру Раневской «забраковало». В результате в фильме снялась Серафима Бирман, в паспорте которой в графе «национальность» предусмотрительно значилось — «молдаванка».

Раневская всегда привечала гонимых. В 1954 году она сблизилась с дочерью Сталина Светланой Аллилуевой. Уже год как не было вождя всех времен и народов. И Фаина Георгиевна, понимая состояние его дочери, всюду брала ее с собой.

Кстати, сам Сталин весьма благоволил Раневской. Она была лауреатом трех Сталинских премий, которые получила за роли в фильмах, сегодня абсолютно неизвестных — «Закон чести», «Рассвет над Москвой», «У них есть Родина».

Своим главным режиссером она считала Александра Сергеевича Пушкина. Мало того, даже Новый год предпочитала встречать исключительно дома, потому что только в этом случае компанию ей мог составить прекрасный молодой человек. Когда у Раневской спрашивали, кто же он, она отвечала: «Евгений Онегин».

Она никогда не была замужем. Единственным существом мужского пола в ее жизни была собака, которую она так и называла: «Мальчик».

В шестидесятых у актрисы появилась надежда, что ее последние годы не закончатся в полном одиночестве. Еще на съемках фильма «Весна», которые проходили в Праге, Фаина Георгиевна встретилась со своей семьей, уехавшей после большевистского переворота за границу. Они начали общаться. И в итоге сестра Раневской Изабелла, по мужу носившая фамилию Алеен, решила переехать в Советский Союз.

Бюрократические формальности помогла уладить министр культуры Фурцева. Желая отблагодарить ее, Раневская пришла на прием к министру и прямо на пороге ее кабинета принялась

восклицать: «Екатерина Алексеевна, вы мой добрый ангел». На что Фурцева ответила: «Я не ангел, а советский партийный работник».

Совместная жизнь сестер в двухкомнатной квартире Раневской в высотном доме на Котельнической набережной продолжалась недолго. Вскоре после переезда в СССР Изабелла Алеен скончалась. И Фаина Георгиевна вновь осталась одна. Для нее это было самым большим испытанием. Она даже входную дверь своей квартиры оставляла незапертой — вдруг кто придет. А приходили редко.

«Если у тебя есть человек, которому ты можешь рассказать свой сон, ты не имеешь права считать себя одиноким. Мне некому», — говорила она.

Жизнь великой актрисы закончилась за несколько недель до ее 88-го дня рождения. Это была большая и, что ни говори, яркая жизнь, отсветы которой расцвечивают наши будни и сегодня.

Богиня на обочине
Народная артистка России Рина Зеленая

Она не сыграла в кино ни одной главной роли. И все же у нас в стране нет, наверное, ни одного человека, кто не знал бы Рины Зеленой. Многие считают, что Рина Зеленая — это псевдоним. На самом деле рожденную в ноябре 1901 года в Ташкенте девочку назвали Екатериной. А просто Риной она стала благодаря… художнику-оформителю, который именно так записал имя молодой актрисы: остальные пять букв на афише не помещались. Ну а под столь необычной фамилией, давшей со временем повод для многочисленных шуток и эпиграмм, Екатерина Васильевна прожила все свои 90 лет.

«Люди часто интересуются моей фамилией, — вспоминала сама актриса. — Одни спрашивали, почему я выбрала такой псевдоним, а другие уверяли меня, что я родилась в Одессе и что я дочь одесского градоначальника Зелёного. Мне приходилось отказываться от такого родства просто потому, что у меня был свой отец, хотя и не генерал.

Отец рассказывал мне, что в годы революции его вызывали куда-то, чтобы уточнить обстоятельства его деятельности как градоначальника Одессы и узнать, почему он не указывает этого факта в анкетах. Отец сообщил, что никогда не был в Одессе до революции и ему не привелось быть градоначальником.

— Как вы можете это доказать? — спросили его.

— Может быть, доказательством служит то, — ответил подумав отец, — что одесский градоначальник Зелёный давно умер, а я чувствую себя прекрасно».

Как говорил ее хороший приятель Корней Чуковский, чтобы добиться славы, «в России надо жить долго». Екатерина Васильевна смогла на примере собственной жизни убедиться в правоте знаменитого детского писателя. Когда в 74 года она получила приглашение сыграть черепаху Тортиллу в «Приключениях Буратино», то шутила: «Видно, человеческих ролей мне уже не дождаться, вот я и согласилась на черепаху».

На самом деле это была грустная шутка. Зеленая прекрасно понимала, какого уровня она актриса. И от осознания того, что ей так и не удастся реализовать себя, становилось еще тяжелее. Но вслух об этом Екатерина Васильевна никогда не говорила. Единственной, кому она могла посетовать на неудавшуюся, как она считала, актерскую судьбу, была Фаина Раневская.

В свое время Зеленая сочинила для Раневской прославившую ее роль в комедии «Подкидыш». Соавторами сценария были Агния Барто и Рина Зеленая. Но знаменитую фразу «Муля, не нервируй меня» придумала именно Екатерина Васильевна. За что Раневская то ли в шутку, то ли всерьез выговаривала ей спустя годы. Ведь даже Брежнев, награждая в Кремле Фаину Георгиевну орденом Ленина, не удержался и процитировал реплику из этого фильма.

Сама Рина Зеленая тоже сыграла в «Подкидыше» маленькую роль взбалмошной домработницы. Как это часто случалось, на съемочную площадку она вышла неожиданно для самой себя — режиссер потребовал от нее, как от сценариста, ввести в фильм еще одного комедийного персонажа. И Зеленая мгновенно изобрела эту домработницу, которую ей в итоге (времени на поиск актрисы просто не было) и пришлось сыграть.

Когда она произнесла реплику: «Вчера вот в пятую квартиру тоже постучали воды напиться. А потом хватилися — пианины нету» — все присутствовавшие на съемках буквально покатились по полу от смеха. А Екатерина Васильевна недоверчиво спросила: «Правда смешно получилось или вы меня просто успокаиваете?»

Ее вообще отличали поразительное чувство юмора и способность превратить любой эпизод в шедевр. Чего стоит ее редакторша журнала «Жених и невеста» из гайдаевской экранизации «Двенадцати стульев», внимательно выслушивающая стихи о Гавриле, или престарелая ресторанная певичка из комедии «Дайте жалобную книгу», распевающая о том, что ей «семнадцать лет, семнадцать весен»!

Григорий Александров, зная об этой способности актрисы, пригласил ее в свою комедию «Весна», предложив роль, изначально написанную на мужчину. Зеленая согласилась, и появление гримерши с фразой «такие губы сейчас не носят» стало одним из самых популярных эпизодов фильма.

Говорили, что Екатерина Васильевна была серьезно увлечена Александровым и во время тех съемок чуть ли не с ненавистью смотрела на его законную супругу Любовь Орлову. Другим увлечением актрисы был известный поэт и журналист Михаил Кольцов, расстрелянный во время сталинских репрессий. С ним Зеленая решила расстаться первой, так как Кольцов был женат. А уводить мужчину из семьи она не могла: именно так поступила в свое время любовница ее отца, и Зеленая помнила о том, как это может быть больно, всю свою жизнь.

Со своим будущим мужем архитектором Константином Топуридзе актриса познакомилась на отдыхе в Абхазии. Топуридзе широко известен как автор фонтана «Дружба народов» на нынешнем ВВЦ. При этом едва ли не самой большой его

заслугой является сохранение Новодевичьих прудов, на месте которых московские власти собирались строить жилые дома. Решение об осушении прудов уже было принято, и тогда главный архитектор Ленинского района Москвы (именно эту должность занимал Топуридзе) добился приема у самого Брежнева и сумел отстоять свою точку зрения.

Екатерина Васильевна обожала мужа и называла его не иначе как «мой ангел». Когда она возвращалась домой со съемок, домработница тут же рапортовала: «Звонил ваш ангел, он сегодня будет поздно».

Иногда Котэ, как называли мужчину домашние, проявлял свой кавказский темперамент. Ссоры супругов всегда были бурными, и чаще всего их инициатором становился именно Топуридзе. Как вспоминала Екатерина Васильевна, даже если виноват был он, глава семьи никогда не признавал свою ошибку. Зато через пару часов мог подойти к жене и сказать: «Ну ладно, я тебя прощаю».

Провожая жену на гастроли, Топуридзе неизменно требовал, чтобы она каждый день писала ему письма. «Я их, может быть, и читать не стану. Но на столе они должны лежать». И Екатерина Васильевна, которая терпеть не могла писать письма, добросовестно выполняла пожелание мужа.

Единственное, о чем жалела Екатерина Васильевна, — у них с Котэ не было детей. Она, как никто, умела ладить с детворой, на равных общаясь со своими маленькими поклонниками. «Ты долго ломал эту машину?» — на полном серьезе спрашивала актриса у пятилетнего карапуза, державшего в руках остатки игрушечного грузовика. «Долго, два дня», — так же серьезно отвечал ей тот.

Хозяйкой она была никакой. А то, как укладывала чемоданы, и вовсе может стать достойной сценой для какой-нибудь комедии. Побросав первые попавшиеся вещи в чемодан, Зеленая захлопывала крышку. И если из-под нее оставались торчать рукава платьев или подол юбки, брала ножницы и обрезала их. Даже на фронте, куда актриса приезжала с выступлениями, именно бойцы пришивали своей любимице оторвавшиеся пуговицы.

Но в семейной жизни Зеленой и Топуридзе бытовая сторона не играла ровным счетом никакой роли. Супругам просто было интересно вдвоем, они могли часами бродить по московским переулкам, взявшись за руки.

Актриса пережила мужа на 14 лет. Последние годы она серьезно болела, с трудом могла ходить и почти ничего не видела. Но все равно мечтала сниматься в кино.

Екатерине Васильевне было 78 лет, когда режиссер Игорь

Масленников предложил ей роль миссис Хадсон в фильме о Шерлоке Холмсе. Последняя серия была снята, когда Зеленой исполнилось уже 85 лет. «Теперь вы можете называть меня не Рина, а Руина Васильевна», — сказала актриса режиссеру. А друзьям добавила, что вот она дожила и до того момента, когда ей начали предлагать роль старой мебели.

Режиссер Никита Михалков однажды бросился перед Зеленой на колени и, назвав богиней, признался в любви. «Между прочим, богиня совершенно свободна, снимайте же ее», — ответила Екатерина Васильевна. Но приглашения от Михалкова так и не дождалась.

Она не сдавалась до последнего. Как-то прогуливаясь по аллеям обожаемого ею Дома ветеранов кино, где она любила отдыхать от загазованной Москвы, Екатерина Васильевна оступилась и упала. И сама подняться, увы, не смогла. Но вместо жалобы от нее услышали: «Не проходите мимо! Здесь валяется Рина Зеленая!»

Не шутила она только в больнице. Понимая, что жизнь подходит к концу, Зеленая попросила провести к ней в палату телефон. Просьба любимой актрисы была исполнена. Врачи потом вспоминали, что она не расставалась с телефоном ни на минуту, то и дело набирая чей-то номер и прося прийти навестить ее. Но посетителей не было.

1 апреля 1991 года в 10 утра пришло известие о том, что Екатерине Васильевне Зеленой присвоено звание народной артистки СССР. Но ее шутка о том, что высшее звание ей присвоят минут за 40 до смерти, оказалась пророческой. Через несколько часов Рины Зеленой не стало…

Упасть вверх
Скульптор Вера Мухина

Памятник «Рабочий и колхозница», созданный самым знаменитым в мире скульптором-женщиной, давно стал визитной карточкой не только города, но и, возможно, страны, в которой творила Вера Игнатьевна Мухина.

Мухина прожила всего 64 года. За эти годы придумала много проектов, но воплотить удалось всего три: «Рабочего и колхозницу», монумент Чайковскому возле Московской консерватории и памятник Горькому, до недавнего времени стоявший напротив Белорусского вокзала…

Как и все дети, росшие в богатых купеческих семьях, Верочка Мухина получила неплохое домашнее образование. Только с музыкой отношения не сложились. Ей казалось, что отцу не нравится, как она играет. А вот занятия дочки рисованием тот, наоборот, поощрял.

Родителя не стало, когда Мухиной исполнилось 14 лет. Мать умерла задолго до этого в Ницце, Вере тогда было чуть больше года. Поэтому воспитанием девушки занялись опекуны — курские дядюшки.

Сестры Мухины — Вера была младшей — стали настоящими светскими львицами провинциального Курска. Раз в год выезжали в Москву «проветриться и накупить нарядов». В компании воспитательницы часто путешествовали за границу: Берлин, Зальцбург, Тироль. Когда решили перебраться в Москву, одна из местных газет написала: «Курский свет много потерял с отъездом барышень Мухиных».

В Москве, поселившись на Пречистенском бульваре, Вера продолжила свои занятия рисованием. И поступила в школу к Константину Юону и Илье Машкову. Хотела серьезно заниматься, просилась у опекунов отпустить ее учиться за границу. Но те ни о чем подобном и слышать не хотели. Пока не случилось несчастье.

«В конце 1911 года я поехала на Рождество к дядюшке в имение в Смоленскую губернию, — вспоминала сама Мухина об этом «обогатившем ее жизнь падении». — Там собиралось много молодежи, двоюродных братьев и сестер. Было весело. Однажды мы покатились с горы. Я полулежала в санях, приподняв лицо. Сани налетели на дерево, и я ударилась об это дерево лицом. Удар пришелся прямо по лбу. Глаза залило кровью, но боли не было и сознания я не потеряла. Мне показалось, что треснул

череп. Я провела рукой по лбу и лицу. Рука не нащупала носа. Нос был оторван.

Я тогда была очень хорошенькой. Первым ощущением стало: жить нельзя. Надо бежать, уходить от людей. Бросились к врачу. Он наложил девять швов, вставил дренаж. От удара верхняя губа защемилась между зубами».

Когда девушку наконец привезли домой, то строго-настрого запретили прислуге подавать ей зеркало. Боялись, что, увидев свое обезображенное лицо, она покончит с собой. Но находчивая Вера смотрелась в ножницы. Поначалу ужасалась и всерьез думала уйти в монастырь, а потом успокоилась.

И попросила разрешения уехать в Париж. Опекуны, считавшие, что девушку и без того обидела судьба, согласились. В ноябре 1912 года Вера Мухина уехала в столицу Франции.

В Париже она провела всего две зимы, занимаясь в художественной академии у скульптора Бурделя, ученика Родена. Позже Мухина признавалась, что эти занятия и стали ее образованием. «По сути я самоучка», — говорила Вера Игнатьевна.

По возвращении домой было не до искусства — в 1914 году началась война, и Мухина стала медсестрой в госпитале. Война с немцами плавно перетекла в Гражданскую. Вера выхаживала то белых, то красных.

Новое падение — теперь уже вселенского масштаба — снова обогатило ее жизнь. В 1917 году она встретила Алексея Замкова, своего будущего мужа.

Замков был талантливым врачом. А еще, по словам Мухиной, обладал сценической внешностью. Сам Станиславский предлагал ему: «Бросайте вы эту медицину! Я из вас актера сделаю». Но Замков был всю жизнь верен двум своим музам: Мухиной и медицине. Для жены он был любимой моделью (с него она лепила Брута для Красного стадиона) и помощником по хозяйству, а в медицине ему удалось совершить революцию.

Доктор Замков придумал новое лекарство гравидан, дававшее поразительные результаты. Говорили, что прикованные к постели после инъекции гравидана начинали ходить, а к сумасшедшим вновь возвращался разум.

Но в «Известиях» появилась статья, в которой Замкова назвали «шарлатаном». Доктор не выдержал издевательств и решил бежать за границу. Разумеется, Мухина отправилась вместе с ним.

«Достали какие-то паспорта и поехали будто бы на юг. Хотели пробраться через персидскую границу, — вспоминала она. — В Харькове нас арестовали и повезли обратно в Москву.

Привели в ГПУ. Первой допросили меня. Мужа подозревали в том, что он хотел продать за границей секрет своего изобретения. Я сказала, что все было напечатано, открыто и ни от кого не скрывалось.

Меня отпустили, и начались страдания жены, у которой арестован муж. Это продолжалось три месяца. Наконец, ко мне домой пришел следователь и сообщил, что мы высылаемся на три года с конфискацией имущества. Я заплакала».

Из Воронежа, который был назначен местом ссылки, им помог выбраться Максим Горький. Пролетарский писатель, вместе с Василием Куйбышевым и Кларой Цеткин, был одним из пациентов доктора Замкова и смог убедить Политбюро, что талантливому врачу необходима не просто свобода, но и собственный институт. Решение было принято. Правда, оборудование для института, в том числе и единственный на то время электронный микроскоп, было приобретено на средства, поступаемые от ренты за латвийское имение Веры Мухиной.

Удивительно, но ей, несмотря на многочисленные намеки-уговоры-требования, удалось сохранить свою собственность в Риге. Когда после распада СССР в Латвии был принят закон о реституции, сыну скульптора даже выплатили определенную сумму. Но все это будет позже.

А в 30-х годах научное благоденствие доктора Замкова продолжалось недолго. После смерти Горького заступиться за него стало некому и травля началась вновь. Институт был разгромлен, электронный микроскоп выброшен из окна второго этажа. Самого Замкова арестовать не посмели. Спасло имя жены, уже гремевшее по всем городам и весям необъятного Союза.

Дед Веры Игнатьевны в 1812 году вместе с Наполеоном дошел до Москвы. Внучке в 1937-м было суждено покорить Париж. Точнее, было приказано. Статуя, венчающая советский павильон на Всемирной выставке, должна была затмить павильон Германии.

Мухина приказ выполнила. Ее 75-метровые «Рабочий и колхозница» взлетели над Парижем, затмив не только павильон Третьего рейха, но и Эйфелеву башню.

По первоначальному замыслу Мухиной фигуры должны были быть обнаженными. «Нельзя их одеть?» — рекомендовало руководство. Скульптор не просто облачила своих героев в сарафан и комбинезон, она придумала шарф, словно взлетающий над статуей. Молотов просил убрать шарф, но Мухина стояла на своем — он подчеркивал движение. Затем Ворошилов, обойдя макет будущей статуи, попросил убрать «у девушки мешки под глазами».

Незадолго до сдачи работы госкомиссии в ЦК партии поступил донос, будто в складках шарфа усматривается профиль Троцкого. Сталин лично приезжал на площадку и, осмотрев сооружение, никакого профиля не заметил. Проект Мухиной был одобрен.

28 опечатанных спецвагонов отправились во Францию. В парижской «Юманите» появилась фотография мухинской статуи с подписью, что Эйфелева башня наконец нашла свое завершение. Парижане даже собирали подписи, чтобы работа Мухиной осталась во Франции. Особенно старались француженки — им хотелось иметь в Париже символ могущества женщины.

Сама Вера Игнатьевна не возражала. Но уже было принято решение установить статую возле Сельскохозяйственной выставки в Москве. Несколько раз Мухина писала письма протеста, объясняя, что на «пеньке» (так она называла невысокий — в три раза меньше парижского — постамент, на который установили 24-метровую статую) ее работа не смотрится. Предлагала установить «Рабочего и колхозницу» либо на стрелке Москвы-реки (где сегодня стоит Петр Первый работы Церетели), либо на смотровой площадке МГУ. Но ее не послушали.

Мухина считала, что установка «Рабочего и колхозницы» у ВДНХ — ее личное и едва ли не самое серьезное поражение. К своим работам она вообще относилась довольно своеобразно. «У меня несчастье, — говорила она. — Пока делаю вещи, я их люблю. А потом хоть бы их не было…»

Характер у Мухиной был непростой. Чекист А. Прокофьев, начальник строительства Дворца Советов, замечал, что боялся в своей жизни только двоих людей — Феликса Дзержинского и Веру Мухину. «Когда она смотрела на меня своими светлыми глазами, у меня было чувство, что она знает все мои самые сокровенные мысли и чувства», — признавался мужчина.

С властью Вера Игнатьевна предпочитала не спорить. Единственный случай, когда она попыталась убедить Кремль изменить свое решение, касался сноса Казанского собора, стоявшего возле Исторического музея на Красной площади. Лазарь Каганович внимательно выслушал Мухину, а потом подвел к окну кабинета, выходящему на собор Василия Блаженного, и произнес: «Будете шуметь, мы и этот курятник уберем».

Больше Мухина и не шумела. «К режиму она относилась нейтрально, — рассказывал мне правнук скульптора Алексей Веселовский. — Мне кажется, она вообще была вне этого процесса. Хотя после воронежской ссылки понимала, что происходит в стране. По семейной легенде, когда ее уговаривали

лепить Сталина, домашним она говорила: «Я не могу лепить человека с таким узким лбом». Когда же уговоры стали более настойчивыми, она позвонила Молотову: «Я не могу лепить без натуры. Пусть Иосиф Виссарионович назначит мне время, я готова». Молотов позвонил в московский горком партии и сказал: «Не отнимайте время у занятых людей». В результате памятник сделал кто-то другой.

Сын скульптора Всеволод Замков писал в своих мемуарах: «Показательно, что она не создала ни одного прижизненного портрета членов политбюро и других членов партийного руководства. Единственным исключением является портрет наркома здравоохранения Каминского, вскоре после того арестованного и расстрелянного за отказ подписать фальшивое медицинское заключение о смерти Орджоникидзе. Естественно, она не могла избежать участия в конкурсах на памятники Ленину. В обоих случаях ее предложения были отвергнуты приемными комиссиями, отмечавшими художественные качества моделей. Интересно отметить, что портрет 1924 года был признан «жестоким и даже злобным», а в макете 1950 года (Ленин с рабочим, держащим винтовку и книгу в руках) было обращено внимание на то, что основным персонажем является рабочий, а не Ленин».

Кстати, позировать Мухиной считалось хорошим знаком. Все, кого она лепила, обязательно получали повышение. Когда Вера Игнатьевна делала бюст маршала артиллерии Воронова, то на последний сеанс он явился с ящиком шампанского. В ответ на недоуменный взгляд Веры Игнатьевны он рассказал, что среди генералов ходят слухи, будто каждый, кого она слепит, получает повышение в чине: «Выше моего, маршальского, чина в артиллерии не было, так надо же, сегодня в газете нахожу — учрежден новый чин главного маршала артиллерии, и я его получил!»

Домашние звали Веру Игнатьевну Муней. С близкими она была совсем другим человеком — мягким, заботливым, нежным. «На дачных фотографиях, — говорит Алексей Веселовский, — она такая уютная бабушка-бабушка».

На одиннадцать лет Вера Игнатьевна пережила своего мужа. До последнего дня возле портрета Алексея Андреевича на ее прикроватном столике стоял букет свежих цветов…

Самой Мухиной не стало в сентябре 1953 года. Здоровье она подорвала на работе над памятником Горькому, на открытии которого в ноябре 1952-го уже не присутствовала.

По словам правнука, «она умерла от стенокардии — болезни каменотесов».

На Новодевичьем кладбище на могиле Алексея Замкова и Веры Мухиной лежат две мраморные плиты. «Я сделал для людей все, что мог» — выбиты на одной из них слова доктора. «И я тоже» — можно прочесть на надгробии его супруги.

Часть третья
Лица советской эпохи

Аксинья
Актриса Элина Быстрицкая

В районе Патриарших прудов есть большой продовольственный магазин. Весной 2013 года я случайно там оказался. Уже на входе понял, что происходит что-то необычное: едва ли не половина посетителей магазина, отложив свои корзинки-тележки, внимательно смотрела в сторону отдела фруктов. Повернувшись в том же направлении и присмотревшись, я понял в чем дело — у прилавка стояла Элина Быстрицкая. Одна из самых ярких звезд Малого театра, снявшаяся в десятках кинолент, для большинства она — прежде всего Аксинья из «Тихого Дона».

Москва была увешана афишами юбилейного вечера актрисы. А потому ни для кого не было секретом, что Быстрицкой вот-вот исполнится 85 лет. Потому, наверное, во взглядах женщин читался особый интерес. Но выглядела Элина Авраамовна превосходно: роскошные белые волосы были уложены в пышную высокую прическу, а за стильным плащом угадывался брючный костюм. Лишь медленная походка выдавала достойный возраст.

Удивительное дело: волею профессии я довольно часто встречаюсь с людьми известными и, как думал, уже привык не реагировать на появление знаменитости. А тут вдруг поймал себя на мысли, что вместе со всеми наблюдаю за Быстрицкой и даже пытаюсь выследить, что именно из фруктов актриса собирается приобрести.

Элина Авраамовна к подобному вниманию к своей персоне привыкла. А потому, не обращая внимания на десятки устремленных на нее глаз, спокойно взяла коробку с черешней и прошла к кассе. Стоило ей направиться в сторону выхода, как магазин вновь зажил своей обычной жизнью. Но только не я. Чувствуя себя провинциальным поклонником, я решил проводить актрису до улицы. К тому же, мало ли, вдруг понадобится помощь. Я знал, что она живет на одной из соседних улочек, и был готов донести покупки до дома. Но уже в дверях магазина актриса достала ключ от машины. Что ж, так было даже интереснее: мною овладел чисто обывательский интерес — сядет ли Быстрицкая сама за руль.

Элина Авраамовна передала ключ водителю и расположилась на заднем сиденье белого «ягуара». Машина рванула с места и через пару мгновений неожиданное появление актрисы, чья статная фигура, казалось, просто излучает уверенность и

достоинство, осталось лишь в моих воспоминаниях.

К счастью, мне было что вспомнить. Несколько лет назад Быстрицкая согласилась ответить на несколько моих вопросов и назначила встречу в Малом театре, где она служит вот уже не один десяток лет.

Начал я, правда, с разговора о кино.

— Элина Авраамовна, вы снялись во многих фильмах, но для большинства зрителей по-прежнему остаетесь Аксиньей. Не обидно?

— Так ведь и такого уровня литературы, как шолоховский «Тихий Дон», больше нет. И образа такой глубины нет. Поэтому я отдаю себе отчет, какое значение это имело в моей актерской биографии, и абсолютно не обижаюсь.

— Нонна Мордюкова часто рассказывает, что хотела покончить с собой, когда роль Аксиньи Сергей Герасимов доверил вам.

— Актеров утверждал на роли лично Михаил Шолохов. Когда он увидел меня, то воскликнул: «Так вот же она, Аксинья!» А Мордюкова… Я хорошо помню, как после первого общественного просмотра она подошла и сказала мне: «А ты все-таки сыграла, проклятая!»

Вообще-то Быстрицкая должна была стать врачом — так хотели родители. После фронтового госпиталя, где 14-летняя Элина работала медсестрой, она поступила в медицинский техникум и даже получила диплом акушера-гинеколога, приняв во время практики 15 родов. Однако о профессии врача Быстрицкая думала меньше всего. Не зря же она, будучи совсем малышкой, разыгрывала перед родственниками сценки из знаменитого в 30-е годы фильма «Чапаев». Особенный восторг зрителей вызывала последняя сцена спектакля, когда облаченная в мужские шаровары девчонка выходила и строгим голосом произносила коронную фразу: «А ну, тихо! Чапай думать будет!»

Учась в медтехникуме, Элина записалась в драмкружок и балетный класс музыкальной школы. Мама была в шоке, когда дочь пригласила ее на спектакль «Маруся Богуславка», во время которого зажигательно исполняла танец живота. Зрители аплодировали, а мама, вся красная от смущения, была уверена, что ее девочка позволяет себе что-то непотребное.

Поэтому известие о том, что дочь не собирается посвящать себя медицине, расстроило родителей вконец. «И кто тебе сказал, что у тебя есть талант?» — возмущался отец. Но видя, что переубедить Элину невозможно, он решил отправиться в

театральный институт вместе с ней. И, добившись приема у ректора, попросил того убедить «его глупую дочь, что в театральном ей делать нечего». Ректор удивился странной просьбе, но «глупую дочь» убедил. Быстрицкой пришлось подать документы в педагогический институт, где она, правда, проучилась совсем недолго. И поступила-таки в театральный.

— Такой у меня характер. А судьба в конечном счете — это и есть характер. Может, если бы не моя настойчивость и не мое упорство, я бы и не добилась того, чтобы стать актрисой. Я всегда ставила перед собой недостижимую цель и хоть и надеялась на судьбу, но и сама не плошала. Всегда что-то делала, чтобы приблизиться к своей заветной мечте. У меня и сегодня есть надежды, мечты и желания. Ближняя цель — выздороветь, трудиться, сыграть, что смогу.

— Откуда брать силы, чтобы пережить трудности?

— Знаете, есть такой диалог: «А откуда вы берете деньги?» — «Из тумбочки». Так и я силы беру в тумбочке. У себя беру. Где их еще брать? Надо все понимать, преодолевать какие-то мелкие преграды, с тем чтобы достичь желаемого. Единственное, что нельзя делать, — добиваться своего за чужой счет. Этого Бог не прощает.

— В театре это возможно?

— Вопросы нравственности всегда стоят перед отдельными людьми, а не перед коллективом в целом. Я воспитана так, что не нарушаю своих принципов. Я просто живу по правилам, которые были у нас в семье. Стараюсь не мешать окружающим. Но не допускаю, чтобы и мне мешали. Ради того, чтобы соблюсти честь, могу отказаться и отказывалась от многого. Выше достоинства для меня привилегий нет.

Подобную принципиальность актриса проявляет не только в работе, но и во взаимоотношениях с мужчинами. Так, учась в театральном, Быстрицкая не раз довольно резко отшивала слишком навязчивых поклонников. Кое-кому доставались и пощечины, одна из которых едва не сломала Элине всю жизнь. Накануне 29-й годовщины со дня смерти Ленина в Киевском институте театрального искусства студенты выступали с номерами, посвященными траурной дате. Быстрицкая в тот день читала со сцены «Сказку о Ленине». За несколько секунд до ее выхода какой-то второкурсник незаметно подкрался сзади и, желая подшутить, свистнул ей из пищалки в ухо. В ответ он получил оплеуху, от которой отлетел метров на пять. Дело получило ход: Элину обвинили в хулиганстве и предложили написать заявление о переводе в Харьковский институт. В

противном случае обещали отчислить из вуза.

Ответ Быстрицкой был категоричен: «Если завтра вывесят приказ о моем отчислении, то послезавтра вы найдете меня в Днепре». Угрозу студентки, никогда до этого не бросавшей слова на ветер, восприняли всерьез и решили «ограничиться» комсомольским взысканием.

На тему личной жизни актриса распространяться не любит. Говорит, что живет одна (не считая ее любимого песика пекинеса, с которым Быстрицкая обожает поговорить о жизни: «За долгую совместную жизнь она на меня похожа стала, мы с ней одного цвета»), каждый день общается с друзьями и от одиночества вовсе не страдает.

— Вы как-то сказали, что счастье для женщины — это семья и дети. Получается, вы несчастны?

— Почему? У меня это все было. Замечательный муж, у которого были дети. Но в какой-то момент это ушло. Все же не может длиться постоянно. Сегодня для меня счастье то, что я физически здорова, могу выйти на сцену моего любимого театра, могу предположить, что в состоянии сделать что-то в кино. Для меня счастье — это вставать утром и знать, что тебе есть что делать.

— Вы себя уютно чувствуете в сегодняшнем мире?

— Я себя от него отгородила, что ли. Вот в театре мне хорошо — там любимые роли, партнеры…

— Искусство — жестокая вещь? Я знаю, что Аксинью хотела сыграть еще и Эмма Цесарская, исполнительница этой роли в первой экранизации «Тихого Дона», вышедшей на экраны в начале 30-х. Но когда она пришла на пробы, Герасимов просто подвел ее к зеркалу — и вопрос был снят.

— Есть актрисы, которые, несмотря на годы, чувствуют себя девчонками. И ведут себя соответствующе. И смотреть на это неловко.

— Вы себя девчонкой разве не чувствуете?

— Давно не чувствую. Я очень осторожна в этом плане. Могу подурачиться, когда я с близкими друзьями и знаю, что они меня не осудят.

— Внешность, как вы полагаете, важна в жизни?

— Внешность — это парадная сторона, которая сразу видна и может быть обманчива. Лично я своей внешностью никогда не гордилась и не считала, что она заслуживает особого внимания. Мне никогда в детстве не говорили о моей внешности — мама воспитывала меня очень строго. Впервые я услышала о своей привлекательности в 13 лет, в госпитале. Двое раненых разговаривают: «Посмотри, какая хорошенькая девушка!»

Оглянулась — рядом никого… Потом долго смотрела в зеркало — ничего интересного не нашла.

А еще я всегда занималась самосовершенствованием. И сегодня продолжаю, несмотря на то, что о моей внешности уже никто ничего и не говорит.

— Вы и сегодня красавица хоть куда.

— Я эти разговоры всегда воспринимала как нежелание людей видеть то, что есть на самом деле.

— В жизни каждого человека есть период наивности, когда он думает, что все его любят…

— А как же.

— У вас это период когда закончился?

— А он у меня не закончился. Я и сейчас верю и жду.

— Как вы думаете, вас боятся?

— Не знаю. Я бываю строга, поэтому люди робеют иногда. Не сказала бы, что боятся. Характер у меня достаточно сильный, слава богу.

— О многом жалеете?

— Конечно. Главным образом о том, что ушло время. Очень много пропущено. Я не могла получить то, что хотела, по разным причинам. Не только из-за моего характера.

— Из-за врагов?

— Недругов, я бы сказала. Они у меня и раньше были, и сейчас есть.

— Если чего-то очень хотеть, это сбудется?

— Все зависит от того, насколько ты вправе этого желать. Самооценка не всегда бывает точной…

Спустя пару лет после того, как состоялось мое знакомство с Быстрицкой, я увидел ее на сцене. И был приятно впечатлен. Если честно, до этого мне казалось, что она больше актриса кино, нежели театра.

А как-то заметил в сетке телевизионных программ передачу, посвященную утерянным бриллиантам Людмилы Зыкиной. Элина Авраамовна и Людмила Георгиевна дружили, они даже в чем-то были похожи внешне — статью, достоинством, той самой точной самооценкой, о которой мне говорила Быстрицкая.

В документальном фильме, разумеется, со скандальным акцентом, Быстрицкая участия не принимала. Но ее имя было упомянуто и даже на пару секунд в кадре появилась она сама. Просто, что называется, мелькнула, а говорить и комментировать слухи не стала. Хотя наверняка предлагали и просили.

Кстати, не сыграла актриса и роль Зыкиной в художественном сериале, а говорили, что такое предложение

получала.

Быстрицкая — человек достойный. И воспоминания о своих близких и друзьях предпочитает оставлять себе. Зато и о самой Элине Авраамовне не услышишь каких-то досужих разговоров.

Потому она и остается любимой столькими поколениями. И на страницах истории нашей культуры ей суждено не мелькнуть. А остаться.

Родная кровь
Актриса Вия Артмане

«Человек перенес два инсульта, какое интервью?!» — был ответ на просьбу об организации встречи с Вией Артмане. Но я все равно пошел в Дом актера, где должна была появиться заехавшая из Риги на несколько дней в Москву актриса…

Артмане пыталась разобраться с сумкой, но руки не очень слушались ее, и вещи то и дело приходилось поднимать с пола. «Вы кто?» — улыбнулась Вия Фрицевна, когда я подошел помочь ей. Услышав просьбу о встрече, ответила: «А можно не сейчас, а минут черед двадцать?»…

Это было в начале марта 1999-го. Тогда в газете, как это часто бывает, нашлось место лишь для небольшого интервью, остальное осталось на пленке. Но и опубликованный материал вызвал большой резонанс. Мне позвонила Оксана Пушкина, чьи телевизионные «Женские истории» били все рейтинги популярности. Просила координаты актрисы, чтобы сделать о ней программу. Вия Фрицевна была со мной предельно откровенна. Много говорить после болезни ей было, видимо, не так просто — дрожали губы, руки. Но она мужественно провела со мной почти три часа. Словно исповедуясь перед человеком, которого видела в первый раз в жизни. Как это иногда бывает с попутчиками в поезде.

Прошло больше десяти лет. А монолог актрисы по-прежнему «бьет». Перед тем, как сейчас писать эту главу, я устроил своеобразный тест: называл фамилию своей собеседницы друзьям и знакомым и спрашивал, кто это. О том, что Вия Артмане — актриса из Латвии («Как же, как же, фильм «Театр»), знал лишь каждый третий…

— Я положу перед собой на столик часы, ладно? У меня вечером поезд, еду домой в Ригу. Боюсь опоздать.

Хочется ли мне в Латвию? Очень. Очень хочется. Там уже настоящая весна. А в Москве за эти дни ни разу не было солнца.

А почему я должна разлюбить Ригу? Из-за того, что меня лишили жилья?

У нас действительно так было. Происходила неонационализация, когда прежним хозяевам, выселенным из своих владений после воцарения советской власти, возвращали их собственность. Моя семья сорок семь лет прожила в одном из таких домов. У нас была большая, уютная, обжитая квартира. И

вдруг заявился человек, назвавший себя потомком владельца дома. Это все произошло в девяносто третьем году.

Когда этот дом ему вернули, он заложил его сразу в несколько банков. И банки, чтобы вернуть свои деньги, стали требовать их с нас. Когда все остальные жильцы платили за тепло 35 сантимов, с нас брали восемьдесят. Это было абсолютно противозаконно. Но мы ничего поделать не могли. И тогда решили бунтовать. В результате у нас отключили отопление. Зимой температура в комнате не поднималась выше восьми градусов. Кроме того, была испорчена крыша, а домоуправление чинить ее отказывалось. А мы жили как раз на последнем этаже.

В итоге испортились все мои картины, вся мебель. Находиться в той квартире стало невозможно. Мне элементарно было негде ночевать. Поначалу мы с зятем пытались согреть хотя бы одну комнату с помощью электрообогревателя. Но ничего не вышло — комната была большой, с высоким потолком, и воздух не прогревался.

Тогда я не выдержала и обратилась в нашу Государственную Думу. Задала всего один вопрос — неужели есть законы, которые позволяют так поступать с людьми. Мне ответили, что такие законы есть. И добавили, что если мне не нравятся жилищные условия, то они могут предложить другую квартиру. Правда, за мои же деньги. И потребовали огромную сумму. «Вы в своем уме? — ответила я. — Откуда у актрисы такие деньги?!» Ответом была короткая фраза: «Это, мадам, уже ваши проблемы».

Когда мне так отвечают, я предпочитаю больше не спрашивать. Терпела-терпела, а потом взяла внучку, перевела ее в сельскую школу и перебралась в наш загородный летний домик. Его построили лет сто назад и он совсем не был приспособлен для зимы, но что я могла поделать. Хорошо еще, что священники согласились взять в церковный подвал, который отапливался, нашу мебель. Правда, сейчас она уже в таком состоянии, что ее надо реставрировать, а может, и вообще выбросить.

Так что в семьдесят лет я должна начать жизнь практически с нуля. Не так давно мне наконец предоставили выгоревшую квартирку в центре города. Мы сделали в ней хороший ремонт. Но теперь должны выплачивать за нее где-то двести долларов в месяц. А для нас это очень много. Моя зарплата совсем невелика, зять и дочь — художники, картины их продаются сложно. Единственная надежда — на сына.

Разумеется, чувствую себя ужасно. За последние три года перенесла два инсульта, один инфаркт. Недели две назад лопнула какая-то сосудина, только-только вышла из больницы.

Почему ко мне такое отношение? Не знаю. Я ведь не

занимаюсь сегодня никакой общественной работой. Решила, что с меня хватит. Не принадлежу ни к какой партии, политиканством не занимаюсь. Хотя раньше была очень активным общественным деятелем. За это меня и упрекают. Мол, в советское время вы были великой и вам все легко давалось, а теперь посмотрите, как люди живут. Но иначе, наверное, нельзя — народ возмущен.

Как-то местное телевидение делало обо мне передачу и устроило на улицах блиц-опрос. Не знаю, может, нарочно так получилось, но обо мне говорили только гадости. Это было настоящее издевательство. Убийство! А я ничего не могу сделать, не могу спастись. Дети сказали: «Мама, ну и пусть, что нет денег. Выплатим как-нибудь за квартиру. Не проси больше ничего!»

Я рада, что пережила это время. Мне очень помог мой сын. Он человек очень верующий. Сказал мне, что я никого не должна ругать — ни время, ни власти, ни людей. Что эта боль сладка. Сын написал в газету статью «Сколько стоит Вия Артмане?» Он хорошо пишет. Поднял большой шум, навлек на себя массу гнева. Все стали возмущаться — как это так, сын решил заступиться за маму. А он просто призвал опомниться.

Да, я была депутатом Верховного Совета. Но ведь благодаря этому сотни людей получили квартиры. Я считала себя обязанной помогать людям. Иначе зачем меня было выбирать? Полтеатра живет моей заботой. Думала, что добрые дела как-то отзовутся. Ничего подобного!

Но, наконец, моя голгофа завершена. На семидесятом году жизни. Я начинаю все заново. Самое главное, что я успокоилась. Съездила к пастору и получила удовлетворение, духовную защиту. Не могу простить себе только одного, что позволила себе страшную бестактность — показала, как мне больно.

Никогда в жизни не позволяла себе этого. Сколько раз было тяжело, больно, но я все равно улыбалась. А здесь не выдержала. А люди не любят, когда сильного человека вдруг видят оскорбленным. Не могут этого понять. Актрису хотят видеть только счастливой, красиво одетой, беспечной, словно у нее шесть служанок. У меня же никогда ничего подобного не было. Я всегда сама вкалывала.

Последнее время стала получать много писем из разных городов России, даже из Воркуты одно пришло. Пишут молодые люди. Я и не думала, что обо мне кто-то помнит еще. Я начала наконец-то улыбаться. Это важно. Особенно после последнего приступа, когда ко мне даже родных не пускали. Но ничего, с божьей помощью и благодаря духовной поддержке людей поправилась. Бог с ними, с деньгами. Хотя они мне и были необходимы…

У меня есть помощники — зять с дочерью, сын. Они еще люди сильные, молодые. Я чувствую себя защищенной. И не обиженной. Когда ко мне подходят и спрашивают, как поживаю, я неизменно отвечаю: «Спасибо, очень хорошо». Главное, что я жива и здорова.

Жизнь-то не была легкой. Семья, дети, постоянные перелеты-переезды, съемки, театр. Но, с другой стороны, это и прекрасно! Наверное, Нечистому, пытавшемуся одолеть меня, это не нравится. Но хватит с него. Пусть уже от меня отстанет!

Артмане, которая до этого словно всматривалась в саму себя (причем в буквальном смысле, так как наши глаза встретились, кажется, всего пару раз) опустила взгляд на столик и задержала его на чашке кофе. Разумеется, он уже остыл. Но Вия Фрицевна все равно сделала пару глотков, наверное, и не заметив того, что напиток холодный.

— Вчера я сходила в храм Христа Спасителя. Помолилась. Так радуюсь за Россию, что вы искупили великий грех и восстановили храм. Мне там налили святой водички, я ею умываюсь, пью ее.

Верю, что Россия еще оживет. Может, я и наивная. Но актеры вообще наивные. Самое главное — уметь прощать. И наших латышских стрелков тоже надо простить. Они — воины, исполнявшие волю вождей, которым верили.

В позапрошлом году, возвращаясь с кинофестиваля в Анапе, я со своей 10-летней внучкой на один день заехала в Москву. Она сказала: «Бабушка, единственное, что я хочу увидеть в Москве — это театр мумии». Я удивилась. А она пояснила, что имеет в виду Мавзолей Ленина.

Отправились мы с ней на Красную площадь. Подходим к мавзолею — очереди нет. Я забыла сдать в камеру хранения фотоаппарат поларoид и прямо с коробкой прошла. Молодой солдат, стоящий на входе, был достаточно хорошо воспитан и не стал обыскивать меня. Хотя я могла в коробке из-под фотоаппарата пронести взрывчатку и взорвать все.

Остановились мы возле Ленина, и внучка удивилась: «Смотри, у него борода растет!» Стоим мы возле гроба, а я вдруг вспомнила, что у меня под кофтой болтается фотоаппарат. Вышла из мавзолея и засмеялась. А внучка меня отругала: «Нельзя смеяться, все-таки покойник».

Я думаю, что после восстановления храма Христа мумия должна быть похоронена. Ее надо приютить. Здание мавзолея может остаться, если кому-то нравится. Мне кажется, что когда

мумию захоронят, русскому народу станет лучше. Он заживет по-настоящему, потому что заслужил это. У меня такое ощущение. По крайней мере хочется так думать. В этом покаянии, по-моему, есть какой-то божий секрет.

Во время службы в храме Христа я поставила всем своим свечки. Когда вышла на улицу, поменяла латвийские деньги, которые у меня были, и раздала нищим. Всем-всем…

Я раньше часто бывала в Москве. На всяких торжественных встречах. Мне даже в Кремль без пропуска разрешали проходить. Он у меня был, лежал в кармане, но охранник почему-то не спрашивал его.

Меня ведь называли любовницей Брежнева. Говорили, что у меня к нему есть прямой телефонный провод. Я на такие слухи реагировала со смехом. Мне говорили: «Знаешь, а ведь Брежнев — великий бабник!» На что я отвечала: «Разве? А мне так не показалось. По-моему, шикарный дядька!»

Теперь это тоже пытаются вменить мне в вину. Ну в чем я виновата, что родилась счастливой? Никому вреда не делала, ничье место не занимала. Ну и ладно, что выгнали из квартиры, другую найду. Я же в своей республике живу в конце-то концов!

Мне ведь предлагали переехать в Москву. И какая же я была мудрая, что не согласилась. Здесь бы я была одной из, а в Латвии я — единственная. Хотя сейчас мне не хватает простора Советского Союза. Нет того зрителя, ради которого я работала, говоря себе, что представляю Латвию. В России я гордилась, что латышка. Была счастлива, когда меня просили что-нибудь прочесть на латышском. Этого мне, конечно, не хватает. Но я имею право находиться среди вас. Хотя бы потому, что я ваш друг.

Губы актрисы вновь задрожали. Взяв из вазочки, наверное, уже третью салфетку, она начала сворачивать из нее какие-то сложные фигурки, вновь перестав обращать внимания на меня.

Артмане снова говорила, обращаясь только к самой себе.

— Детство у меня было нелегким. Я родилась сироткой. Через четыре месяца после смерти отца. Ему было всего девятнадцать лет, он из прибалтийских немцев. Мать была полькой.

Видимо, что-то было у нас в крови. Я всегда выглядела какой-то поставленной девочкой. Мама одевала меня так, что все думали, будто я из обеспеченной семьи. Хотя на самом деле все было наоборот…

Судьба была довольно извилистой. Мама очень не хотела,

чтобы я становилась актрисой. Ей казалось, что все актрисы — распутные женщины. Когда я все-таки поступила в театральную студию, она плакала возле моей кровати. Я однажды даже проснулась, никак не могла понять, что случилось. А мама сидела и причитала: «Не ходи туда! Живи лучше честным трудом!»

Только когда она стала бывать на моих спектаклях и увидела, как много мне приходится работать, то стала воспринимать меня серьезно. А до этого считала, что мое актерство — это блажь, которая скоро закончится. И я только притворяюсь.

Жизнь у меня была тяжелой, я никогда не была богатой. Но справлялась. Очень рано начала работать. Поначалу жила на хуторе у бездетных хозяев. Научилась там делать все. Пять лет работала пастухом. Зарабатывала денежки, на которые мы с мамой могли жить зиму.

А потом нам пришлось перебраться в город. Из-за того, что я была единственной наследницей отцовский земли, меня — малышку — возненавидели тетки. И мама вовремя смогла понять, что из деревни надо уезжать. Когда мне было шесть лет, мы перебрались в Ригу. И стали жить у чужих людей.

Это и решило мою судьбу — дочери наших хозяев мечтали стать актрисами: одна хотела танцевать, а другая — петь. Они так говорили о сцене, что я заболела ею. А уж когда в семь лет впервые переступила порог театра, то окончательно поняла — буду актрисой.

Мой самый известный фильм — это, наверное, «Театр». То, что картина получилась такой хорошей, — заслуга режиссера, который написал сценарий. Потому что сама пьеса Сомерсета Моэма, на мой взгляд, абсолютно невеликая. У Моэма много пошлости. А я играла совсем другое. Позволила себе чуть поиронизировать над актерством.

Об этой профессии ведь мечтают многие девушки. При этом мало кто понимает, в чем заключается ее истинная суть.

Да, в советское время я была звездой. Как это выражалось в материальном плане? Мне хватало. Хотя по западным меркам была нищей. Мне всегда было стыдно говорить иностранцам, сколько я получаю. Когда бывала за границей, меня приглашали на великие приемы, где миллиардеры блистали роскошью своих нарядов. А я всегда стремилась выглядеть неброско. Так для себя решила: «Не надо мне этого! Надену какую-нибудь детальку и все!» И мне всегда говорили, что я выгляжу богато и шикарно. Но это не моя заслуга. А предков, чья кровь течет в моих жилах.

Из-за этого мне и роли в основном давали нарядные. Никто не осмеливался представить меня в таких ролях, как Соня из «Родной крови» или героиня из «Никто не хотел умирать». А я

только об этом и мечтала! Так рада, что Жалакявичус и Матвеев смогли рассмотреть меня настоящую.

В «Никто не хотел умирать» я снималась, когда моей доченьке было три с половиной месяца. Я целовалась в кадре, а она лежала за углом в пеленках.

Как складывались мои отношения с партнерами? Я искала в них того мужчину, которого не было рядом и какого хотела иметь. И получала от них нежность, какой мне не хватало в жизни. От того же Жени Матвеева на съемках «Родной крови». Иначе бы сыграть было невозможно. Не почувствовав прикосновения…

В фильме «Родная кровь» Артмане и Матвеев сыграли двух любящих друг друга людей. И только съемочной площадкой их отношения не ограничились. Когда через несколько месяцев после выхода на экраны картины Вия Артмане родила дочь, все говорили: девочка — вылитый Матвеев.

Мать молчала. Лишь в конце жизни Вия Фрицевна призналась, что ее дочь — ребенок Матвеева.

Но семью — ни свою, ни своего партнера — актриса разрушать не стала.

При этом, как оказалось, муж Артмане обо всем знал.

— Если бы я любила всех понравившихся мне мужчин, то была бы очень нехорошим человеком. Не могу же я взять все, что мне нравится. Мало ли, что во мне зашевелилось. Если бы я себя так вела вольно, у меня дома не было бы ни единого человечка, который называл бы меня «мамой». Но если честно, иногда жалею, что не использовала какие-то свои возможности…

Мой муж — он служил в том же театре, где и я, — был очень ревнивым человеком. На много лет старше меня. При этом сам, между прочим, был очень грешным. Еще до встречи со мной. Он не был тем мужчиной, рядом с которым я всегда мечтала быть. Но я смирилась. Потому что он был актер и нужен был мне, как опора, на ком я могла бы проверить свое мнение, мысли, общественную работу с людьми. На нем я проверяла, права ли я.

Вот человеческой теплоты не хватало. Но в общем-то, я довольна своей судьбой. Хотя полностью счастливой себя и не чувствовала. Потому, что так и не испытала настоящего женского счастья.

Меня никто не щадил. Кроме мамы. А мужчины — любимого и нежного — рядом не было. Был актер. Отец моих детей. Не больше.

Я могу говорить об этом совершенно откровенно. Дети об

этом знают. А Бог простит. Дети поначалу думали, что с моей стороны это грубость по отношению к памяти их отца. А сейчас, когда они выросли и тоже что-то в своей жизни испытали, они меня поняли.

Я со своими детьми дружу. Сын у меня очень талантливый человек. Пишет прекрасные песни. Если мне удастся достать денег, он издаст альбом. Дочь Кристина — художник. У меня трое внуков — девочка, которая живет со мной, и два мальчика.

Дети очень чтут память отца. Любят его, вспоминают добрым словом. Говорят: «Мамочка, извини, мы тебя, наверное, оскорбляем, хорошо говоря об отце». Но это совсем не так. Я ведь тоже чту его память…

Я поняла очень важную вещь: никогда не надо врать и кокетничать с людьми. Они все видят сами. Когда умер муж и я его хоронила, у меня не было ни единой слезы. И тетки в театре за моей спиной говорили: «Смотрите — не плачет! Значит, не любила!» А я только через две недели после его смерти ощутила, что он ушел. И никогда уже не вернется.

Тогда я и начала плакать. Долго. Ведь вся жизнь прошла вместе. Так что пусть мне не говорят, что великое горе надо непременно метить плачем. Есть горе, которое выражается не в слезах. Когда я поняла, что мужа больше нет…

Кажется, что открывается дверь и он сейчас войдет. А он не идет… Наступает вечер… Но не скрипит ключ в дверях нашей замечательной квартиры. А на вешалке все равно висит его старенькое пальто…

Это было очень непросто — проститься с мужем. Так что не правы те, кто говорил, что я равнодушна. Ведь он был огромной частью моей жизни. Любовь же бывает разной. Мне повезло, что рядом со мной был человек, который сообразил, что имеет для меня огромное значение. Да, он был довольно жесткий. Ревнивый, как черт. Но было у нас что-то такое…

Знаете, я ведь противный человек. Да-да, такие люди, как я, обычно не нравятся. Любят тех, кто требует защиты. А гордых не жалуют.

Поэтому еще раз говорю, что не могу себе простить, что в зрелом возрасте позволила показать свою слабость. Что мне больно. А этого никогда делать нельзя. Пусть все болит так, что душа разрывается, но показывать это все равно нельзя.

У меня всю жизнь был девиз: «Недруг возрадуется твоей слабости, а друг будет презирать». Но я должна сказать, что счастлива. И обязана произнести слова благодарности людям, с которыми работала и работаю, тем, с кем меня столкнула жизнь.

Мы сегодня редко встречаемся с друзьями. Развела жизнь.

Недавно погиб мой знакомый — очень хороший оператор. А о его смерти никто не сообщил. Так и я умру, а вы об этом ничего не узнаете…

Какое-то время мы молчали — я не решался задавать какой-либо вопрос, а Вия Фрицевна, видимо, уже сказала все, что считала нужным. Оставалось распрощаться…

Но мы увиделись еще раз. Узнав время отправления поезда на Ригу, я бросился в магазин и купил сто желтых нарциссов. Получился огромный желтый шар из цветов, который я и подарил опешившей от удивления актрисе, поймав ее на перроне.

«Вы подарили мне солнце, — сказала Артмане. — Я поставлю его в купе. А оно будет светить и, — она склонила лицо в букет, — пахнуть весной».

Когда поезд Москва — Рига скрылся из виду, над городом появилось солнце. В Москву пришла весна…

Вии Артмане не стало в октябре 2008 года. Она напрасно думала, что о ее уходе никто не узнает. Первую актрису Латвии провожали в последний путь сотни человек, а вспоминали — тысячи. Незадолго перед смертью Артмане приняла православие, ее крестили под именем Елизавета. По словам сына, она молила Бога об одном — дать ей силы простить своих врагов…

Портрет на фоне
Актриса Любовь Орлова

Было время, когда самым популярным местом в элитарном дачном поселке Внуково, что всего в двух десятках километров от Москвы, была… свалка. Да-да, самая что ни на есть свалка, куда знаменитые дачники выбрасывали ненужные вещи. Популярность на свалку «обрушилась» после того, как один из строителей, работающих на чьей-то даче, обнаружил там среди множества доживающего свой век хлама красивый сафьяновый альбом. Открыв который, мужчина остолбенел: с пожелтевших страниц альбома на него смотрела изумительной красоты женщина, в которой он без труда узнал обожаемую миллионами зрителей Любовь Орлову…

Популярность пришла к ней зимой 1934 года, когда в Москве состоялся первый показ комедийного фильма молодого режиссера Григория Мормоненко, более известного по фамилии Александров, «Веселые ребята». Поначалу высокому начальству, пришедшему на премьеру, картина категорически не понравилась.

«Это хулиганский и контрреволюционный фильм», — заявил тогдашний нарком просвещения Бубнов и категорически запретил выпускать ленту в широкий прокат. Один из авторов сценария «Веселых ребят» Николай Эрдман к тому времени уже находился в местах не столь отдаленных (его имя отсутствовало и в титрах).

Но за «Веселых ребят» неожиданно вступились начальник Главного управления культуры Б. Шумяцкий и писатель Максим Горький, убедившие Сталина лично посмотреть фильм. Вождь приехал к Горькому, посмотрел комедию и пришел в восторг: «Посмотрел, точно в отпуске побывал». В результате картина пошла одновременно во всех кинотеатрах СССР и была послана на кинофестиваль в Венецию, где имела такой громадный успех, что песню «Сердце, тебе не хочется покоя…» начали распевать даже венецианские гондольеры…

Снять комедию Александров задумал после возвращения из Америки, где он со своим другом Сергеем Эйзенштейном, вместе с которым они работали над великим «Броненосцем «Потемкин», изучали опыт заокеанских коллег. И если главная мужская роль Кости Потехина изначально писалась на солиста ленинградского мюзик-холла Леонида Утесова, то с кандидатурой на роль Анюты у режиссера возникло немало проблем. Александров обошел все столичные театры, изучил анкеты всех молодых актрис,

числящихся в картотеках фабрики «Мосфильм», и уже было пришел в отчаяние, когда ему сказали, что в подмосковном совхозе есть одна талантливая девушка-трактористка, которая и поет, и танцует, и собой весьма и весьма недурна. Григорий Васильевич отправился в тот совхоз, повстречался с девушкой и тут же утвердил ее на роль Анюты. Однако карты смешал директор совхоза, примчавшийся на «Мосфильм» и чуть ли не силой уведший с площадки свою подопечную: «Ей пахать надо, а вы с каким-то кино пристаете».

О том, как в жизни Александрова возникла Любовь Орлова, существуют две версии. Согласно первой, рассказанной самим Григорием Васильевичем, он увидел Любовь Петровну в спектакле «Перикола» музыкальной студии Немировича-Данченко, в которой Орлова играла главную роль. Театралы тридцатых судачили, будто в Орлову был безумно влюблен руководитель студии, великий Немирович-Данченко. Но Любочка взаимностью на чувства своего художественного руководителя отвечать не спешила. «С ним же тогда жить придется, — отшучивалась она. — А я и так своего добьюсь». Встреча с Александровым доказала правоту ее слов.

Увидев 30-летнюю актрису, Григорий Александров понял, что наконец нашел свою Анюту. «На следующий день мы пошли в Большой театр на торжества, посвященные юбилею Леонида Собинова, — вспоминал режиссер. — Во время концерта, в котором участвовали все тогдашние оперные знаменитости, я острил и предавался воспоминаниям… И на банкете продолжал азартно рассказывать ей о задуманных озорных сценах будущего фильма «Веселые ребята». Она с ужасом слушала. Я говорил и говорил, надеясь убедить ее, потому что на мое предложение сниматься она сказала: «Нет». Кончился банкет, мы вышли на улицу и до рассвета бродили по Москве. В конце концов она согласилась сниматься в моем фильме, но прежде спросила: «Я чувствую, что мы часто будем спорить. Это не помешает работе?». Я и сам это чувствовал, но что мне оставалось делать? Я, конечно же, произнес расхожую мудрость: «В спорах рождается истина».

Однако, по мнению современников режиссера, рассказ Григория Васильевича выглядит слишком уж красивым. Да и склонность Александрова к сочинению всевозможных баек («Я тут Молотову звонил, и он мне по секрету сообщил…» — одна из самых частых присказок знаменитого режиссера веселила всех его друзей) заставляет усомниться в категоричности, с которой Любовь Петровна отказывалась сниматься. Знакомые актрисы, напротив, утверждали, что Орлова сама мечтала получить роль

Анюты. Но кинопробы с ее участием Александрову не понравились, и он отверг кандидатуру Орловой.

Тогда Любовь Петровна уговорила свою близкую подругу Любовь Степанову, хорошо знавшую Александрова, пригласить того в гости. Не успел Григорий Васильевич, принявший приглашение, выпить чашку чая, как в дверях степановской квартиры появилась Орлова. И еще через мгновение у хозяйки дома обнаружились неожиданные дела, и она, оставив актрису и режиссера наедине, убежала. Когда она вернулась, Любовь Петровна обратилась к ней со счастливой улыбкой: «Представляешь, Григорий Васильевич предложил мне главную роль в его новом фильме».

Как бы там ни было на самом деле, на роль Анюты Орлова действительно была утверждена. Любовь Петровна немедленно подписала трудовое соглашение, абсолютно не обратив внимание на сумму гонорара, который ей полагался за съемки в «Веселых ребятах». Когда одна из подруг указала Орловой на ничтожность вознаграждения, та лишь отмахнулась: «Да такую роль я и бесплатно готова играть».

— Ну, хоть Александрову скажите — может, он урезонит директора, — пыталась наставить актрису на путь истинный более искушенная в делах финансовых подруга.

— Ну, вот еще — жаловаться! Он может подумать, что я жадная, склочная. Еще сниматься не начала, а уже цену себе набиваю.

— Ох, Любочка, не будет вам счастья! Это — кино. Здесь никто ваши жесты не оценит. Еще и посмеются над вами. Здесь уважают характер, а вы — цирлих-манирлих.

— А вот снимусь — увидим, какая я!

Снимали «Веселых ребят» в Гаграх. Александров приехал на съемки с женой и маленьким сыном Дугласом, названным в честь американского актера Дугласа Фербекса. (Когда иностранные имена выйдут из моды, Александров «переименует» сына в Василия.)

Любовь Петровна тоже была не одна — компанию ей составлял дипломат из Австрии, роман с которым начался еще в Москве и которого все в съемочной группе считали ее мужем.

Однако все время вне съемочной площадки Орлова проводила с Александровым. Первым «поле боя» покинул австриец, вслед за ним в Москву укатила и семья Григория Васильевича. Режиссер и актриса, и до того не скрывавшие своих отношений, открыто стали жить вместе…

Вскоре после премьеры «Веселых ребят» Александров и Орлова поженились, поэтому приглашение на прием в Кремль им

доставляли уже по одному адресу.

Об их браке говорили разное. Многим не давал покоя тот факт, что друг к другу супруги обращались исключительно на «вы», а спать предпочитали в разных комнатах. При этом ни в одном из своих фильмов (а так как снималась Орлова в основном у мужа, другие режиссеры просто не решались ее приглашать) Александров не позволил ей целоваться с партнерами.

На вопрос о том, почему у них нет детей, Григорий Васильевич отвечал так: «Сначала она не хотела, а потом не могла». А Любовь Петровна отделывалась шуткой: «У меня уже есть ребенок — Григорий Васильевич даст фору ста маленьким детям, за ним тоже глаз да глаз нужен».

После триумфа «Веселых ребят» лицо Орловой стало почти иконой. Миллионы советских женщин прикладывали массу усилий, дабы хоть немного походить на любимую актрису. У психиатров даже появился специальный термин — «синдром Орловой», означавший патологическую страсть пациенток, пусть и ценой собственного здоровья стремившихся подражать Орловой. С ростом 1 м 58 см и талией в 43 см Любовь Петровна была труднодостижимым идеалом.

Даже в Иране, куда Орлова (первой из советских актрис начавшая гастролировать за рубежом) в 1942 году ездила с выступлениями, вызвала настоящий бум — черноволосые жительницы Тегерана как одна захотели стать блондинками. Рассказывают, что Лаврентий Берия, посмотрев во время войны «Боевой сборник» с участием Орловой, не удержался от реплики: «Ого! А у нее, оказывается, есть «за что» и есть «во что»!»

Кстати, за работу над «Веселыми ребятами» Григорий Васильевич и Любовь Петровна получили по ордену, а Леониду Утесову, чьи эпизоды и так были значительно сокращены в пользу Орловой, достался… фотоаппарат.

Во время торжественного приема в Кремле, который устраивался в честь деятелей искусства — орденоносцев, Сталин неожиданно подошел к Орловой и предложил: «Выполню любое ваше желание. Просите». Секретарь, стоя за спиной вождя, приготовился записывать перечень требований кинозвезды — машину, дачу, квартиру. А Любовь Петровна попросила сообщить о судьбе ее первого мужа Андрея Берзина, заместителя наркома земледелия, арестованного несколько лет назад.

Через несколько дней актрису пригласили на Лубянку. «Гражданин Берзин отбывает ссылку в Казахстане. Если хотите, вы можете отправиться к нему», — сказал принимавший Орлову чиновник НКВД. Любовь Петровна поблагодарила генерала за информацию и поспешила покинуть кабинет…

Окончательно статус первой актрисы страны закрепился за Любовью Петровной после выхода на экраны фильма «Цирк». Такого невероятного успеха, который выпал на долю этой комедии, не ожидал никто.

В течение нескольких дней актриса в буквальном смысле возвышалась над Москвой. Фигура Орловой в образе Марион Диксон была установлена на колокольне Страстного монастыря (ныне на его месте находится кинотеатр «Пушкинский») — одном из самых высоких сооружений в центре города по тем временам.

Орлова — ее портреты, голос, афиши — была везде. Нередко сама Любовь Петровна страдала от этого. Приезжая на гастроли, она не могла отдыхать ни перед, ни после концертов — по всем улицам огромной страны были развешаны громкоговорители, из которых раздавались песни в исполнении Орловой. Однажды, когда ее попросили дать внеочередной, четвертый за день концерт для чекистов, актриса поставила условие — выключить день и ночь льющуюся из «тарелок» музыку.

В Ленинграде премьерные показы «Цирка» совпали с гастролями Художественного театра. Автомобиль с корифеями МХАТа не мог свободно передвигаться по городу — центр Ленинграда был запружен поклонниками Орловой, толпы которых блокировали автомобильное движение. Попав в очередную пробку, Иван Москвин, один из ведущих актеров МХАТа, объявил сидящей рядом с ним Алле Тарасовой: «Да-а, синема!»

Во время пребывания Орловой в других городах Советского Союза киношникам приходилось чуть ли не умолять руководителей автокомбинатов выделять Любови Петровне хорошие автомобили. Дело в том, что возбужденная толпа поклонников, поджидая актрису после концертов, не раз выводила лимузины из строя, царапая их или оставляя вмятины на обшивке. В конце концов водители попросту стали отказываться возить Орлову…

Идея снять «Цирк» родилась у Александрова после того, как в московском мюзик-холле он увидел обозрение «Под куполом цирка». В качестве соавторов сценария Григорий Васильевич пригласил писателей Илью Ильфа и Евгения Петрова. А те, в свою очередь, привлекли к работе Валентина Катаева. Правда, в самом разгаре написания сценария писательский дуэт отбыл в Америку, и Александров обратился за помощью к другому легендарному писателю — Исааку Бабелю.

Кстати, именно знаменитые авторы «Двенадцати стульев» заставили Орлову произнести ставшую крылатой фразу о возрасте. «Сколько же вам лет, Любовь Петровна?» — спросили

писатели, узнав, что у актрисы хранится экземпляр повести Льва Толстого с автографом автора. «Маленькая собачка до старости щенок», — ответила Орлова и показала язык.

В основе «Цирка» лежит история об американской актрисе Марион Диксон, имеющей чернокожего ребенка и из-за этого вынужденной терпеть издевательства своего антрепренера Кнейшица. Свободу и счастье Диксон обретает после того, как оказывается в Советском Союзе и встречает бравого артиста Мартынова. Как потом написала шведская газета, героиню фильма спас «статный ариец Столяров». Надо отдать должное режиссеру, сумевшему из этой откровенно пропагандистской истории («все самое лучшее — это советское») сделать веселый фильм о любви.

Во время съемок сцены чечетки («Мэри верит в чудеса! Мэри едет в небеса!»), выбиваемой Орловой на пушке, киношники не предусмотрели, что из-за расположенных внутри орудия софитов стекло может нагреться. А ведь актрисе, облаченной в облегающее трико, предстояло не только танцевать на нем, но и сидеть. Когда сама Любовь Петровна почувствовала под собой раскаленное стекло, было уже поздно — съемка началась. Орлова честно выбила чечетку, а потом с обворожительной улыбкой уселась на обжигающую площадку и допела песню. Потом, правда, по ее собственным словам, «три дня в туалете орлом сидела». А эпизод с «раскаленными танцами» так и вошел в фильм.

Актриса вообще проявляла чудеса героизма и стойкости. Во время съемок самого первого эпизода, в котором ее героиня с младенцем на руках бежит за уходящим поездом, Орлова оступилась и на бегу упала на рельсы, уронив одеяльце с ребенком. Киношники замерли от ужаса, думая, что Любовь Петровна могла пораниться. А значит, работу придется приостановить.

Каково же было их изумление, когда Орлова как ни в чем не бывало поднялась на ноги и, потирая ушибленное колено, улыбнулась: «Как там мой маленький? Жив-здоров?» Через мгновение ей протянули сверток с завернутым в одеяло поленом, «исполнявшим» роль сына-негритенка, и съемки продолжились.

По традиции тех лет, первым зрителем новой картины стал Сталин. Ему вторая лента Александрова тоже понравилась, после чего имя режиссера стало для всех священным, а сам Григорий Васильевич — неприкосновенным. Теперь только вождь мог позволить шутить в его адрес: «Берегите Любовь Петровну. Иначе — мы вас расстреляем!»

В актерском мире к Любови Петровне относились

неоднозначно. Так, Рина Зеленая как-то сказала об Орловой: «Лицо у нее было противное, пока за него не взялся Григорий Васильевич». Говорят, Екатерина Васильевна (а именно так звучит полное имя актрисы) была влюблена в Александрова и весьма ревниво относилась к его законной супруге.

Впрочем, и Фаина Раневская, с которой Орлову связывали годы нежной дружбы, тоже не лезла за словом в карман: «Орлова, конечно, великолепная актриса. И дисциплинированность ее поражает. Но вот голос… Когда она поет, кажется, будто кто-то ссыт в пустое ведро».

В конце жизни Фаина Георгиевна рассказывала, как ее домработница, воспользовавшись тем, что Любовь Петровна засиделась в гостях у Раневской, решила пойти на свидание в роскошной шубе Орловой. Когда кинодива собралась домой и обнаружила пропажу шубы, то не стала поднимать скандал. А вернулась в комнату и проболтала с хозяйкой дома до возвращения предприимчивой домработницы. «Сказать, что Орлова — добрый человек, — заметила тогда Раневская, — это все равно что признать, будто Лев Толстой — писатель не без способностей».

«В одном провинциальном городке, — рассказывает автор одной из лучших книг об актрисе Дмитрий Щеглов, — женщина проводила на войну мужа и двух сыновей. И в честь каждого недалеко от дома посадила по тополю. Деревья прижились. А сыновья и муж погибли. Тополя растут быстро. У каждого было имя, повадки и голос, который женщина узнавала, когда налетал ветер. Прошло время, тополя стали совсем большими, они закрывали дом от дороги, от летевшей с нее пыли. Никакой другой пользы от них не было. Это женщине объяснили те, кто пришел к ней с топорами и пилами: дорогу расширяли, тополя надо было уничтожить. Но она знала, что когда начнут рубить, сердце у нее разорвется. Об этом она и написала в своем письме актрисе.

А через несколько дней в город приехала Орлова. После концерта она показала местным бонзам (устроившим ей грандиозный по районным масштабам прием) письмо вдовы, и все решилось за пару минут. Тополя оставили в покое».

Рассказывала мне об Орловой и Римма Маркова, снимавшаяся с Любовью Петровной в ее последнем фильме: «Любовь Петровну я считаю нашей главной кинозвездой. Она не была гениальной актрисой и божественной красотой тоже не отличалась. Но… Вот Дина Дурбин тоже не была красавицей, но ее так умело снимали, что все влюблялись. И Александров для Любови Петровны так выстраивал кадр, что она казалась

идеалом.

Мы встретились с ней на съемках ее последней картины «Скворец и Лира». Я играла немецкую фрау, всю в кринолинах-перчатках, а Орлова — мою домработницу.

Часть фильма снимали в Германии. И так получилось, что из женщин в группе нас было двое — я и Любовь Петровна. И она приглашала меня выпить кофе. Помню, я так мучилась в первый раз! Я же курю, но при Орловой дымить не смела. Сижу, кофе пью, а сама все думаю, когда же смогу сигарету взять. И тут неожиданно Любовь Петровна достает пачку импортных сигарет, спокойно закуривает и кивает мне: «Римма, курите».

Как-то она спросила меня: «Вы иностранные языки учите?» А какие иностранные языки, если в школе учила немецкий, в институте — французский, а потом сама пыталась заниматься английским. В результате так ничего и не выучила. «А вы, Римма Васильевна, вначале один язык выучите, а потом и за другие возьметесь, будет уже проще», — дала совет Орлова.

Каждые пятнадцать минут она совершала прогулку. Потом подходила к столику, у которого стояли два кресла, и говорила: «Григорий Васильевич, я готова поесть». Она садилась, Александров занимал второе кресло, доставал из какого-то сундучка сухарики, и Любовь Петровна макала их в кофе и ела. А если видела меня, то приглашала присоединиться к их трапезе. Григорию Васильевичу приходилось вставать у меня за спиной, кресла-то два всего было. А что мне эти сухарики? Я пиво любила, тем более что в Германии столько сортов. Только Орлова с Александровым на что-то отвлекались, официант уже кивал мне: «Айн бир?» И я ему в ответ кивала.

Любовь Петровна была очень умным человеком, с ней было интересно. Но в свою «коробочку» ни она, ни Александров никого не допускали. У них были удивительные отношения. «Вы, Любовь Петровна», — обращался к ней Григорий Васильевич. И она ему на «вы» отвечала. Жили в разных номерах гостиничных. Как они на самом деле относились друг к другу, любили — не любили, все это так и осталось тайной.

Никогда не забуду сдачу фильма на «Мосфильме». В просмотровом зале сидели всего четыре человека — Любовь Петровна, Григорий Васильевич, я и Петя Вельяминов, который играл одну из главных ролей. Я уже тогда почувствовала что-то неладное. Да и сами съемки были странными. Любовь Петровна накануне сделала пластическую операцию и довольно неважно выглядела. Ее по нескольку часов гримировали.

Я, когда оказалась за одним столиком с Орловой, на ее руки первым делом посмотрела и ахнула. У нее были ужасные руки! Не

зря же говорят, что в «Скворце и Лире» вместо ее рук Александров снимал руки восемнадцатилетней дублерши. Любови Петровне тяжело давалась роль.

А тот фильм… Как бы я ни уважала Любовь Петровну, «Скворец и лира», увы, не получился. Его ведь и по телевидению показывали всего один раз».

В сороковых – пятидесятых Орлова и Александров были одной из самых обеспеченных пар Советского Союза. Об их шикарной даче во Внуково с огромным каминным залом по Москве ходили легенды. Жалобу Любови Петровны на то, что «так хочется во Внуково, а опять приходится лететь в Париж за перчатками», передавали из уст в уста.

Для того чтобы финансировать постройку подмосковного имения (к дому прилегал 1 гектар грибного леса), Орлова начинает гастролировать по стране, требуя с организаторов концертов по 3000 рублей за выступление (в то время как высшая концертная ставка составляла 750 рублей). Поначалу перечить ей никто не смел. Но потом кто-то написал письмо в ЦК партии. Лишь благодаря высоким связям статья «Недостойное поведение», опубликованная в газете «Советское искусство», не имела для знаменитости печальных последствий.

Гостями во Внуково становились самые знаменитые люди не только Советского Союза, но и мира. Так, буквально на несколько часов к Орловой и Александрову заезжала Марлен Дитрих. Правда, потом со всех совместных фотографий Любовь Петровна аккуратно отрежет изображение Дитрих. Бывал во Внуково и великий Федерико Феллини, который вместе с Джульеттой Мазиной прилетал в Москву на международный кинофестиваль. Он оставил одно из самых лучших высказываний о красоте хозяйки дома. В тот день, по воспоминаниям очевидцев, была плохая погода и Григорий Васильевич то и дело жаловался на накрапывающий дождик. Но стоило на крыльце появиться Любови Петровне, как Феллини воскликнул: «Кто сказал, что погода плохая? Вот и солнышко!»

Друзьями Орловой и Александрова за границей была семья Чарли Чаплина. Любовь Петровна шутила: «Каждый раз лечу в Швейцарию, чтобы посмотреть, в чем одета жена Чарльза, и понять, что сейчас в моде. А на ней опять платье для беременных».

Отношения великого комика и его молодой жены нравились Любови Петровне и Григорию Васильевичу. Между собой они называли себя Чарли (это было домашнее прозвище Орловой) и Спенсер (на это имя отзывался Александров).

Ночью 23 января 1975 года в роскошной квартире на Большой Бронной раздался телефонный звонок. Звонила Любовь Орлова, умирающая от рака в кремлевской больнице. «Гриша, что же вы не приезжаете ко мне?

Приезжайте, я жду».

Александров быстро оделся, вызвал шофера и помчался к жене. Через сорок минут он был у ее постели. «Как вы долго…» — увидев его, с упреком сказала она. Это были ее последние слова…

За год до смерти Любовь Петровна начала сниматься в фильме «Скворец и лира». Согласно сценарию в одном из эпизодов семидесятидвухлетняя кинозвезда, играющая 20-летнюю девушку, должна была появиться в подвенечном платье. Фильм на экраны так и не вышел. Битва с возрастом была проиграна.

Однажды по возвращении домой с озвучания у Орловой началась рвота. Врачи Кунцевской больницы, куда доставили знаменитую пациентку, решили, что у нее камни в желчном пузыре, и назначили день операции. «Странно, что у меня такой маленький шов», — удивлялась после операции Любовь Петровна и показывала близким коробку с камнями, которые якобы у нее удалили.

Однако никаких камней у Орловой не было. Сразу после операции хирург позвонил Александрову и сообщил, что у Любови Петровны рак поджелудочной железы. Но чтобы успокоить актрису, ей показали камни, вырезанные у другого больного.

А она ничего не знала и чувствовала себя гораздо лучше. В один из дней даже попросила привезти в палату балетный станок, у которого привыкла начинать каждый свой день. Александров привез станок, и его умирающая супруга по полтора часа в день занималась гимнастикой. Стонала от боли, но продолжала.

«Абсолютно не боюсь умирать. Я устала жить», — как-то сказала Орлова знакомой, пришедшей навестить ее в больницу. А потом добавила, что прекрасно знает, ЧТО у нее на самом деле, хотя диагноз от нее скрывали…

Григорий Васильевич через год похоронил сына от первого брака. Он сам уже находился в таком состоянии, что, не увидев сына за обедом и спросив: «А где Вася?», удовлетворился ответом: «Ушел за хлебом». И больше о сыне не вспоминал.

Вскоре Александров женился на его супруге. Женщина, которую Любовь Петровна не пускала и на порог своего дома, стала полновластной хозяйкой и московской квартиры, и внуковской дачи. Считалось, что все было сделано для того, чтобы не возникло проблем с наследством, которых наверняка не возникло бы в любом случае.

Последней работой Александрова стал документальный фильм об Орловой, к которому он написал и сценарий. Любивший сочинять и приукрашивать Григорий Васильевич не изменил себе и на этот раз. За кадром звучал голос:

«И тогда Орлова встретила Александрова. Он был красив, как бог».

Когда в 1983-м не стало самого Александрова, молодая вдова не разрешила похоронить его в одной могиле с Любовью Петровной. Но все равно так получилось, что памятники Орловой и Александрова на Новодевичьем находятся по соседству и даже портреты великих партнеров обращены друг к другу.

Легенда была кончена. Вскоре из жизни уйдет и жена Григория Васильевича. Наследником станет внук, Григорий Александров-младший, которому ни до чего уже не будет дела. В квартире на Бронной первое время будут проводить экскурсии для готовых расстаться с суммой, равной цене бутылки спиртного, почитателей Орловой, а потом сдадут в аренду под офис. Дачу продадут, а бесценный архив первой советской кинозвезды выбросят на помойку…

…Весть о том, что на свалке валяются личные вещи и письма Орловой, мигом облетела подмосковный поселок. Дачники приходили, с любопытством перелистывали валяющиеся альбомы и книги. Пока во время одной из санобработок архив, который Любовь Петровна собирала всю свою жизнь, не был сожжен. Знаменитое имение первой советской кинопары стали сдавать в аренду. Поначалу в доме сохранялся интерьер, придуманный Орловой. Но со временем о былых владельцах стал напоминать лишь забытый в кладовке портрет хозяйки, пробитый чьей-то ногой.

Одиночество в розовом цвете
Певица Клавдия Шульженко
В начале восьмидесятых в парке

на улице Усиевича, что неподалеку от станции метро «Аэропорт», часто прогуливалась пожилая женщина. Иногда компанию ей составляли соседи. И тогда она спрашивала у них: «Я слышу, как у меня на балконе шелестят листья. Почему они шелестят? Ведь там нет деревьев». Ответа на этот вопрос никто не знал. Спутники лишь пожимали плечами. А к незнакомым прохожим женщина обратиться не могла. Вдруг они узнают в седой старушке знаменитую Клавдию Шульженко? Этого Клавдия Ивановна допустить не могла.

Последние годы легендарная певица прожила очень скромно. Государство платило ей 270 рублей пенсии, которых женщине, привыкшей к достатку (продукты и непременно свежую клубнику она, не желая унижаться перед директором «Елисеевского» магазина, покупала только на рынке), конечно же, не хватало. Приходилось распродавать драгоценности и антиквариат, который она собирала всю жизнь. Когда в 1984 г. она в последний раз уезжала в Центральную клиническую больницу на Открытом шоссе, в квартире оставались лишь две особо ценные вещи — диван красного дерева, купленный у Лидии Руслановой, и рояль Дмитрия Шостаковича, который композитор проиграл в карты. Самой же дорогой вещью хозяйка считала несессер с французскими духами. Даже в военные годы, скрываясь в бомбоубежищах, Клавдия Ивановна забирала этот несессер с собой. Не расставалась с парфюмерией и перед смертью…

Официально Клавдия Шульженко стала народной артисткой СССР только в 65 лет. А «народной» по-настоящему — с первых же концертов, которые шестилетняя Клава давала около раскрытого окна своей харьковской квартиры. Уже тогда горожане могли часами слушать выступление девочки. Но такая возможность выпадала редко — отец, бухгалтер Харьковской железной дороги, строго следил, чтобы дочь «не занималась ерундой».

А она и не собиралась становиться певицей, ей просто нравилось выступать. Поэтому ее решение отправиться на прослушивание в Харьковский драматический театр выглядело вполне естественным.

«Что вы умеете?» — спросил ее режиссер. «Все, — ответила

17-летняя Шульженко. — Но лучше всего — петь и танцевать».

Ее зачислили в труппу, но серьезных драматических ролей она так и не сыграла. Шульженко вообще не привлекала к себе особого внимания, пока на одном из концертов не решила спеть. Публика «капитулировала».

Из Харькова она отправилась покорять сначала Ленинград, а затем и Москву.

«Ты должна играть песню», — говорил ей еще в Харькове режиссер Николай Синельников. Его совет она помнила и воплощала всю жизнь. Шульженко стала первой певицей, чье исполнение было сродни театральному спектаклю.

В 1935 году на киностудии «Ленфильм» режиссер Эдуард Иогансон готовился к секретной операции. На студию была приглашена молодая певица Клавдия Шульженко, которой предстояло записать музыкальную композицию «Песня Тони». Завеса тайны, которой было покрыто предприятие, объяснялась просто: на экране песню должна была исполнять героиня фильма, и то, что на самом деле она лишь открывает рот, от зрителя было решено скрыть.

В истории советского кино, да и, пожалуй, всего музыкального искусства, это был первый случай использования фонограммы. Руку к нему по иронии судьбы приложила сама великая Шульженко, у которой более чем за полувековую карьеру на эстраде и мысли ни разу не возникло воспользоваться находкой режиссера Иогансона.

О том, что имя реальной исполнительницы «Песни Тони» решено сохранить в тайне, Шульженко узнала совершенно случайно. Друзья устроили певице сюрприз: принесли ей домой патефон с пластинкой, на которой, по их словам, была записана одна превосходная песня, и, не произнеся больше ни слова, предложили ее прослушать. Стоит ли говорить, что с пластинки, на которой были указаны только названия песни и фильма, где она звучит, Клавдия Ивановна услышала свой голос. Для нее это был первый случай, когда она слышала себя со стороны. Как певица сама с улыбкой вспоминала годы спустя, приятных эмоций при этом ей испытать не довелось.

Она родилась в 1906 году в Харькове и серьезно занималась в балетной студии. Ее кумиром была звезда немого кино Вера Холодная, на которую она мечтала походить. И потому, придя на прослушивание в Харьковский драматический театр, 17-летняя Шульженко была разочарована, когда после традиционных стихов и басни ей предложили что-нибудь спеть. Спасло ситуацию то, что за роялем оказался молодой концертмейстер театра Исаак

Дунаевский, который так аккомпанировал девушке, что после исполнения украинских народных песен она была единогласно зачислена в труппу театра.

Но по-настоящему первое звездное выступление состоялось у Клавдии Шульженко в 1928 году. И не где-нибудь, а на сцене прославленного Мариинского театра в Ленинграде. На концерте, посвященном Дню печати, она должна была исполнить всего одну песню. Однако публика пришла в такой восторг от неизвестной певицы с Украины, что заставила ее бисировать шесть раз.

В 35 лет у Шульженко уже был сын Игорь, первая записанная грампластинка и собственный джаз-оркестр, которым руководили она и ее муж Владимир Коралли. Ее песни, такие как «Записка», «Кирпичики» и «Синий платочек», распевала вся страна.

Конец благополучной жизни настал 22 июня 1941 года. Джаз-оркестр Шульженко и Коралли был преобразован во фронтовой джаз-ансамбль, а члены коллектива призваны на действительную военную службу. Первое время Клавдия Ивановна выступала в солдатской гимнастерке, пока после одного из концертов кто-то из солдат не попросил ее в следующий раз спеть в платье.

С тех пор певица выходила на импровизированную сцену, будь то опушка леса или кузов полуторки, в красивом концертном платье. Рассказывали, что, попав однажды под налет фашистской авиации и укрываясь в окопе, Клавдия Ивановна прижимала к себе чемодан с платьем и кофр с духами и вполголоса умоляла: «Только не в это, только не в это».

За один 1942 год Шульженко дала более 500 концертов. Юбилейное, 500-е выступление состоялось в осажденном Ленинграде. Пройдет время, и певицу наградят медалью «За оборону Ленинграда».

9 мая 1945 года Клавдия Шульженко была награждена боевым орденом Красной Звезды. Вскоре ей было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР.

Шульженко всегда знала себе цену. «Я стала эпохой в нашей культуре», — как-то сказала она своему концертмейстеру. Тот возразил, что такой вывод должен сделать народ. «Народ может и забыть», — ответила Клавдия Ивановна.

Среди поклонников певицы были не только простые граждане. В первую послевоенную новогоднюю ночь в доме Клавдии Ивановны раздался телефонный звонок. «С вами будет говорить генерал Василий Сталин», — услышала Шульженко в телефонной трубке. Получив приглашение выступить на вечеринке у сына вождя, Шульженко показала характер, ответив, что такие предложения надо делать заранее, а сейчас у нее совсем другие планы. «И потом, по Конституции я тоже имею

право на отдых», — сказала певица и повесила трубку. Как ни удивительно, но никаких печальных последствий этот отказ спеть сыну генералиссимуса для нее не имел.

Зато неприятностями закончился для певицы развод с мужем, случившийся в 1954 году. Владимир Коралли стал жить отдельно, а в двух из четырех комнат их совместной квартиры в районе Патриарших прудов поселились чужие люди. Неожиданно для себя знаменитая певица оказалась в коммуналке. Шутливая эпиграмма — «Шульженко боги покарали: у всех мужья, у ней Коралли» — теперь звучала особенно актуально.

Но, разумеется, в скором времени народная артистка переехала в новую отдельную квартиру. Она много работала: выступала, записывала пластинки.

Самой большой любовью своей жизни Шульженко называла кинооператора Георгия Епифанова, бывшего на 12 лет ее младше. Епифанов был давним поклонником певицы — влюбившись в голос Шульженко, он долгие годы посылал ей открытки, подписываясь лишь инициалами «Г.Е.», и о большем не смел и думать.

Получив после случайного в общем-то знакомства приглашение в гости, он долго не верил своему счастью. Когда часы пробили 11 вечера, Шульженко сказала: «Вот что, вы или уходите, или оставайтесь».

И мужчина остался. На восемь лет, которые, по его словам, были одним большим медовым месяцем…

В конце жизни Клавдия Ивановна осталась одна. Она сама понимала, что с таким характером, как у нее, другого финала быть просто не могло. Чего стоила одна ее привычка непременно разругаться с кем-нибудь в пух и прах перед очередным выходом на сцену. В Театре эстрады даже была специальная штатная единица, которую нанимали перед концертом Шульженко и так же благополучно — к удовлетворению ставившей вопрос ребром певицы: или он, или я — увольняли.

Удивительно, но одна из самых любимых народом певиц получила высшее актерское звание только в 1971-м, когда ей уже исполнилось 65 лет. Говорили, что все дело было в неблагосклонности тогдашнего министра культуры Екатерины Фурцевой, про которую прямолинейная Шульженко сказала, что та «дурно воспитана». Причем сказала не за спиной, а попросив секретаршу министра передать ее слова самой Фурцевой, в приемной которой она просидела больше часа и так и не удостоилась обещанной аудиенции.

Ситуация изменилась после встречи Шульженко с Леонидом Брежневым. В мае 1971 года генеральный секретарь ЦК КПСС

отправился с визитом на Малую Землю, под Новороссийск, где воевал во время Великой Отечественной. Увидев среди членов делегации Клавдию Ивановну, Брежнев обрадованно воскликнул: «Здравствуй, хохлушка!» — и попросил спеть ее знаменитые «Синий платочек» и «Давай закурим!».

В итоге Шульженко дала настоящий концерт, во время которого генсек не раз подносил к глазам носовой платок. На следующий же день певицу молва записала в любимые артистки Брежнева.

Последний концерт Клавдии Шульженко состоялся в 1976 году в Колонном зале Дома союзов. Она сама понимала, что это ее прощание со сценой. Позвонив Георгию Епифанову, она так и сказала: «Приглашаю на мой концерт. Последний. Придешь?» Концерт был записан на пленку, его и сегодня иногда показывают по телевидению. Завершила его Клавдия Ивановна своим знаменитым поклоном до земли, которым была обязана ежедневной гимнастике.

Частыми гостями в ее квартире на улице Усиевича бывали молодые звезды советской эстрады. Вахтанг Кикабидзе приносил в подарок хорошую косметику, которую Шульженко обожала, Иосиф Кобзон — красивые вещи, а Алла Пугачёва старалась незаметно оставить где-нибудь деньги. Обнаружив потом купюры, Клавдия Ивановна сетовала на склероз и довольно замечала, как кстати нашла деньги.

Впрочем, с памятью у нее и вправду были нелады. Первый звонок прозвенел на юбилейном концерте Шульженко, состоявшемся в Колонном зале 10 апреля 1976 года. То ли от волнения, то ли еще почему, она вдруг забыла слова одной из самых популярных песен своего репертуара «Три вальса». Телевизионная запись концерта позволяет и сегодня увидеть, как после начальных слов первого куплета «Помню первый студенческий бал» певица сбилась и начала импровизировать. И хотя потом слова вспомнились и песня была допета до конца, больше «Три вальса» Шульженко не исполняла. А вскоре и вообще перестала выступать.

Под конец жизни она неожиданно полюбила слушать свои записи и каждый день ставила пластинку то с «Синим платочком», то с «Давай закурим». Раньше же, когда кто-то, желая сделать ей приятное, заводил патефон с песнями певицы, Клавдия Ивановна вздыхала: «Боже, как мне надоела эта Шульженко».

В последние годы она осталась совсем одна. Иногда к ней заходил Коралли, живший по соседству. Его приходу предшествовало неизменное предупреждение Клавдии Ивановны: «Володя, только на полчаса. Больше я тебя не выдержу». Когда

бывший супруг ровно через тридцать минут уходил, Шульженко задергивала розовые — это был ее любимый цвет (даже кошке она сшила розовый чепчик) — шторы в своей розовой спальне, садилась в розовое кресло и в который раз принималась перечитывать «Сагу о Форсайтах».

Великой певицы не стало 17 июня 1984 года. Ее нет уже не одно десятилетие, а у памятника на Новодевичьем кладбище всегда цветы. И синий платочек…

Просто Екатерина Фурцева
Министр культуры СССР Екатерина Фурцева

Поздним вечером 24 октября 1974 года около элитного «цековского» дома на улице Алексея Толстого остановился правительственный лимузин. Вышедшая из машины немолодая, красиво одетая женщина уставшим голосом отпустила водителя: «Завтра можешь отдыхать, я буду работать дома. Спокойной ночи».

— Зин, я перезвоню, тут Фурцева приехала, — сказала дежурная по подъезду и положила трубку. — Добрый вечер, Екатерина Алексеевна.

— Здравствуйте. Николай Павлович уже дома?

— Дома, дома, с полчаса как вернулся.

…Заместитель министра иностранных дел Николай Павлович Фирюбин давно готовился к этому вечеру, ждал его и в то же время боялся. Обманывать жену он больше не мог. Во-первых, элементарно надоело, а во-вторых, Катерина, кажется, и сама обо всем догадалась.

— Коля, ты почему молчишь? Я уже минут пятнадцать тебя зову, — раздался из прихожей голос Фурцевой.

— Здравствуй, какие новости?

— Да все по-старому. А у тебя? Почему не приехал на юбилей Малого театра? Я из-за тебя и на прием не осталась. Так, поздравила и тут же домой.

— И правильно сделала. Нам надо серьезно поговорить. Катя… Екатерина Алексеевна, вы меня слушаете?.. Катя, я полюбил другую женщину. Пойми меня и, если сможешь, прости. Если хочешь, я сейчас же уеду.

— Не торопись, Коля. Мне тоже надо тебе кое-что рассказать. Подожди.

Фурцева, которой пришлось выслушать признание мужа прямо в коридоре, положила на маленький столик сумочку и, не разуваясь, прошла в свою комнату. Плотно закрыла за собой дверь и… рухнула на кровать.

— Господи, за что мне все это? — шепотом спросила Екатерина Алексеевна саму себя. — Мало, что ли, меня жизнь била? Даже не била, а избивала! Изо всех сил, изо всей мочи!

На днях один «доброжелатель» рассказал по секрету, что в Политбюро принято решение не рекомендовать ее в Верховный Совет. А это… Это конец. Да, правильно мать говорила, что

никому мы в этой жизни не нужны. Ни-ко-му. Мудрой женщиной была Матрена Николаевна, а она, дура, с ней спорила. И все что-то доказать пыталась. Например, когда первый раз замуж выходила. Как же, летчика встретила. Он, правда, первое время любил, цветы дарил, слова красивые по ночам шептал. А потом, за несколько месяцев до рождения дочери, другую нашел. Но ничего, Светку на ноги она и сама подняла. Вон та ей какую внученьку подарила. Красивой будет, когда вырастет. Вся в нее.

А что? Себе-то самой можно признаться: всю жизнь мужики к ногам падали. Сам Хозяин приметил. Как он тогда в Большом театре во время празднования его 70-летия на нее посмотрел! И Хрущев потом подтвердил, что приглянулась она Сталину. Никита даже передразнил Хозяина: «Надо выдвыгать маладых спецыалыстов». Вот и выдвинули — сначала вторым секретарем Московского горкома партии, а потом и первым. Хозяйкой столицы была, ни больше ни меньше. Тогда и познакомилась с Николаем Фирюбиным.

Николай Павлович в то время за границей работал — то в Чехословакии, то в Югославии. Женатым человеком был, а все равно в Катерину влюбился. Вся Москва обсуждала, как она по нескольку раз в месяц летала к нему то в Прагу, то в Белград. Но первой любовью все равно был не он. И даже не супруг сбежавший. Больше всех любила она Петра Богуславского, первого секретаря Фрунзенского райкома партии, объяснившего ей, что такое любовь и какая она бывает. Не рассказал только, какие сволочи начальственные телефоны подслушивают. Она как-то разоткровенничалась и «прошлась» по Никите. Хрущев уже на следующее утро знал, что Фурцева «не разделяет политику партии и правительства». И к обеду Екатерина Алексеевна из влиятельных секретарей ЦК КПСС стала рядовым (после члена Президиума-то!) министром культуры.

Она пыталась как-то сопротивляться. Даже самоубийство имитировала — пригласила в 4 часа дня подругу и за десять минут до ее прихода вскрыла вены. Но Никиту это не тронуло. «У Фурцевой обыкновенный климакс», — заявил он на Пленуме.

С Брежневым отношения тоже как-то не складываются. Перед всеми членами ЦК чихвостил ее за то, что купила (деньги, между прочим, заплатила, в отличие от многих) дешевые стройматериалы для дачи. Спасибо, Алексей Николаевич заступился. Если бы не Косыгин, была бы она сейчас персональной пенсионеркой. А так — министр. Была им, есть и будет.

Хотя будет ли? Если действительно не выберут в Верховный Совет, тогда все — на проклятую дачу ромашки поливать. И кто

потом вспомнит, что успела сделать министр Фурцева? А ведь, если подсчитать, получится немало: именно в годы ее «правления» стали проводиться Международный конкурс им. Чайковского, Международный конкурс артистов балета, новые помещения получили Театр оперетты и Театр им. Моссовета, началось строительство спортивного комплекса «Лужники», родился Театр на Таганке, МХАТ возглавил Олег Ефремов.

Работа, пожалуй, и являлась смыслом всей ее жизни. А личное… У Николая была другая женщина, Светлана тоже отдалилась, у нее своя семья. И Екатерина осталась одна. Знала, что в нее влюблен директор миланского Ла Скала, но что могло быть у них общего? Да и не любовь со стороны итальянца это была, а так, скорее, увлеченность. Вот и получилось, что никому она оказалась не нужна…

— Катя, Катенька, открой! Слышишь, открой немедленно! Я считаю до трех и выбиваю дверь. Один, два, три. Екатерина Алексеевна, последний раз прошу, открой!

Фирюбин всем телом навалился на дверь и ворвался в спальню. Екатерина Алексеевна с открытыми глазами лежала на кровати. Врачи «кремлевской» больницы констатировали смерть. «От сердечной недостаточности».

Николай Павлович закрыл за санитарами, выносящими тело Фурцевой, дверь и набрал телефонный номер ее дочери. «Екатерины Алексеевны больше нет», — сказал он и заплакал…

Хоронили Екатерину Фурцеву на главном кладбище страны. Надгробие из белого мрамора выполнил знаменитый Лев Кербель. По просьбе дочери на камне не стали выбивать даты жизни, сама Екатерина Алексеевна этого не любила. Бывая на прощании с выдающимися деятелями культуры, удивлялась — зачем указывать, что актриса или, скажем, певица прожила аж девяносто лет. Правда, сама Фурцева успела отпраздновать лишь свой 63-й день рождения.

Но ее волю услышали: на Новодевичьем кладбище на надгробии бывшего 1-го секретаря МГК КПСС, затем секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС, министра культуры СССР выбито просто три слова: «Екатерина Алексеевна ФУРЦЕВА».

Единственная дочь министра, ее любимая и отдалившаяся в последние годы жизни матери, Светлана тоже успеет отметить лишь 63 дня рождения. Она была серьезно больна, но не придавала болезни должного внимания. И ее уход тоже стал отчасти осознанным.

В 2005 году на белоснежном надгробии Фурцевых добавилось еще три слова «Светлана Петровна Фурцева».

Часть четвертая
Эпоха парижских муз

Та самая
Татьяна Яковлева

В июле 1941 года над Средиземным морем фашистами был сбит самолет французского лейтенанта дю Плесси. Орден Почетного легиона из рук Шарля де Голля получила его вдова.

Это была легендарная Татьяна Яковлева, последняя любовь Маяковского, ближайшая подруга Марлен Дитрих и муза Кристиана Диора…

Между тем в России о Татьяне Яковлевой почти ничего не было известно.

О романе с Владимиром Маяковским, случившемся в Париже в 1928 году, стали говорить только спустя сорок лет.

А поэт был по-настоящему влюблен.

С Яковлевой его познакомила сестра Лили Брик Эльза Триоле. В своих мемуарах сама Эльза напишет, что сделала это для того, чтобы Маяковский не скучал в Париже. Но существует мнение, что встреча была организована с другими целями — отвлечь поэта от родившей ему дочь американки Элли Джонс и задержать в столице Франции, где он щедро оплачивал житье-бытье Эльзы и ее спутника Луи Арагона.

Финал этой истории известен: Маяковский влюбился в Татьяну и настойчиво принялся уговаривать ее выйти за него замуж. Чуть ли не сам думал перебраться в Париж. В итоге ему было отказано в выезде за границу.

Впрочем, сегодня уже известно, что поэт за визой и не обращался. Но как бы то ни было, за границу он больше не ездил. Может, если не «запрещено», то было «рекомендовано» остаться в России?

Одна из подруг Маяковского Наталья Брюханенко вспоминала: «В январе 1929 года Маяковский сказал, что влюблен и застрелится, если не сможет вскоре увидеть эту женщину». Эту женщину он не увидел. А в апреле 1930 года нажал на курок.

Есть ли какая-нибудь связь между этими событиями — точно не скажет никто. Развязка случилась весной. А еще в октябре 1929 года Лиля в присутствии Маяковского вслух прочитала в письме сестры Эльзы о том, что Татьяна собирается замуж за виконта дю Плесси. Хотя на самом деле речь о свадьбе зайдет лишь месяц спустя.

Яковлева до последнего дня не забудет Брик случая с письмом. И с горькой иронией однажды признается, что даже

благодарна ей за это. В противном случае она, искренно любя Маяковского, вернулась бы в СССР и сгинула в мясорубке 37-го года.

Кстати, в Москве Яковлева все же окажется — за несколько лет до своей смерти. И даже побывает в квартире на Кутузовском проспекте, где жила легендарная Лиля Брик. Но все это случится уже в девяностые…

Выехать в Париж Татьяне удалось в 1925 году благодаря своему дяде, популярному во Франции художнику Александру Яковлеву. Выпускник императорской Академии художеств, Яковлев за год до приезда Татьяны был удостоен ордена Почетного легиона. Оформить вызов для племянницы ему помог господин Ситроен, владелец автоконцерна, с которым художник согласился сотрудничать в обмен на ходатайство о Татьяне.

Первые месяцы 19-летняя девушка провела на юге Франции, где лечилась от туберкулеза, заработанного в голодные послереволюционные годы в Пензе. А затем вернулась в Париж и поступила в школу моды. Вскоре Татьяна пробует свои силы в моделировании шляпок и преуспевает в этом. Никого не оставляет равнодушным и ее красота: афиши с лицом Яковлевой, рекламирующей тот или иной товар, развешаны по всему городу.

Дядя вводит ее в мир светского Парижа. На ее глазах разворачивается роман Коко Шанель с великим князем Дмитрием Павловичем, она играет в четыре руки на рояле с Сергеем Прокофьевым, знакомится с Жаном Кокто, которого через несколько лет спасет от тюрьмы.

Кокто, поселившегося в одном гостиничном номере с Жаном Маре, арестует полиция нравов. И Яковлева примчится в полицейский участок Тулона и заявит, что ее любовника Кокто арестовали по ошибке. Великого драматурга немедленно освободят.

Общаясь с самыми выдающимися представителями русской культуры — за ней ухаживает Федор Шаляпин, свои рисунки дарят Михаил Ларионов и Наталья Гончарова, — встречу с Маяковским Татьяна восприняла совершенно спокойно.

Но даже после своей гибели Маяковский все равно не уходил из жизни Яковлевой. Накануне отъезда в Советскую Россию поэт оставил большую сумму денег в цветочном магазине и попросил, чтобы каждое воскресенье на адрес Татьяны приносили корзину цветов с его визитной карточкой. Подарки от пребывающего уже в ином мире влюбленного поступали и многие годы спустя после его смерти.

Однажды к Татьяне в гости пришел кто-то из русских. Разговор, как всегда, зашел о Маяковском. Несмотря на то что в

Советском Союзе о самом существовании Татьяны Яковлевой стали говорить лишь в конце шестидесятых, истинные почитатели Маяковского о ней, конечно же, знали. Тем, кто внушал доверие, Татьяна даже показывала письма Маяковского. Кстати, письма самой Татьяны к поэту были уничтожены Лилей Брик после смерти Маяковского. Сама Татьяна о Брик предпочитала не говорить. Хотя ее отношение к этой женщине было весьма однозначным и легко прочитывалось в междометиях, которыми Яковлева сопровождала свои рассказы о поэте, обстоятельствах их встречи и расставаниях.

Очередной гость, навестивший Яковлеву, попросил хозяйку развеять миф о том, что Маяковский продолжает присылать ей цветы.

«Вы не торопитесь?» — обратилась Татьяна к гостю. И услышав отрицательный ответ, пригласила к столу и предложила выпить чаю. Когда через час в дверь квартиры позвонили, Яковлева попросила именно гостя пойти и открыть ее. На пороге стоял посыльный с корзиной цветов, в которой лежала визитная карточка: «Татьяне от Владимира».

Брак с виконтом Бертраном дю Плесси стал для Яковлевой, по ее словам, «бегством от Володи». Она понимала, что Маяковского больше не выпустят за границу, и хотела нормальной семьи. И так же честно признавалась, что никогда не любила дю Плесси.

В 1930 году у них родится дочь Фрэнсин. А еще через год Татьяна застанет в постели мужа другую женщину. На развод она не станет подавать только из-за дочери. Но семейная жизнь с Бертраном отныне будет лишь номинальной.

К тому же у самой Яковлевой в скором времени появится новое увлечение — Александр Либерман. По иронии судьбы, знакомство с двенадцатилетним Алексом произойдет в первый год ее пребывания в Париже. У дяди Татьяны был роман с матерью Алекса Генриеттой Пакар, и сам Александр Яковлев попросил племянницу присмотреть за мальчиком.

Следующая встреча случится в 193 8 году, когда Алекс и Люба Красина, дочь советского посла во Франции, на которой он собирался жениться, приедут отдохнуть на юг. Там же восстанавливала свои силы и Татьяна, попавшая за год до этого в автокатастрофу. Увечья женщины были такими страшными, что ее тело отправили в морг. Там она пришла в себя и, к ужасу санитаров, начала стонать. В больнице Яковлевой пришлось пережить тридцать пластических операций. Одним словом, поездка на море была весьма и весьма кстати.

Внимание приехавших на тот же курорт молодых привлекли

антикварные стулья, которые, по словам продавца, уже были приобретены мадам дю Плесси. Красина сама разыскала Татьяну и еще раз познакомила с Александром, уже возмужавшим и симпатичным молодым человеком. Как потом будет вспоминать Либерман, между ними «мгновенно возникло притяжение». И больше они не расставались.

Официально женой Либермана Татьяна станет в 1941 году после гибели дю Плесси. Вместе с Алексом и дочерью Фрэнсин Яковлева переедет в Соединенные Штаты.

Судьба всегда была к ней благосклонна. Недаром в 20-х годах Татьяна писала матери: «Мне на роду написано «сухой из воды выходить». Даже во время оккупации, когда Яковлева организует приют для 123 беспризорных детей, ей удастся получить помощь от самих немцев. Генерал Готлиб Херинг был поражен красотой Татьяны и… фамилией дю Плесси, которая, по его мнению, указывала на прямое родство с кардиналом Ришелье.

В первые месяцы пребывания в Нью-Йорке дворянская фамилия еще раз сыграла Татьяне на руку. Ей удалось устроиться дизайнером женских шляп как «графине дю Плесси». Ее шляпки носили Марлен Дитрих, Эдит Пиаф, Эсте Лаудер и другие состоятельные женщины. Секрет ее успеха дочь Фрэнсин объясняет «культурным уровнем и знанием законов общества, которые намного превосходили ее дизайнерский талант. Она была талантливым самодеятельным психиатром и могла убедить любую, что она красавица». Татьяна соглашалась с дочерью. «Они уходят от меня, уверенные в себе, как призовые лошади», — говорила она о своих клиентках.

Алекс, бывший в Париже сначала художником, а затем главным редактором модного журнала «Уи», получил предложение из американского журнала «Vogue». В течение последующих пятидесяти лет он будет арт-директором холдинга Conde Nast и автором самых выдающихся журнальных обложек. Так, в 1989 году именно ему пришла в голову идея поместить на первой полосе знаменитое фото обнаженной Деми Мур, находившейся на тот момент на восьмом месяце беременности.

Это была настоящая сенсация! Потом про чету Яковлевой — Либермана говорили: «Ну что вы хотите, они же из России. А потому не могут без революций».

Семейство Либерманов было довольно состоятельным. В Нью-Йорке они занимали многоэтажный дом на Лексингтон-авеню и владели роскошным поместьем в Коннектикуте, которое Джордж Баланчин называл страной Либерманией.

Гостями Либермании становились многие известные русские, приезжавшие в Штаты. Знаменитый историк моды Александр

Васильев так вспоминает о своем визите в дом Яковлевой — Либермана:

«Это было накануне Рождества 1986 года. В их поместье в Коннектикуте меня привез Геннадий Шмаков, секретарь Яковлевой, автор известной в Америке книги «Звезды русского балета». Без него она не могла и шагу ступить. Геннадий готовил ей по утрам каши и другие вкусные вещи и находился при ней неотлучно. Говорил все время «мы»: «Мы с Татьяной ездили в город», «Мы легли спать»…

Яковлева производила впечатление строгой женщины, ее можно было испугаться. Прямая, величественная. И это можно было понять — ведь ее муж Алекс занимал очень высокое положение: был одним из руководителей издательства «Конде-наст» и скульптором, который пользовался в Америке такой же поддержкой властей, как у нас в свое время Церетели.

Татьяна была крашеной блондинкой, носила прическу а-ля Мирей Матье и очки-стрекоза в стиле 70-х. Из одежды предпочитала брюки и блузку. У нее был прекрасный маникюр, длинные ухоженные ногти с ярким лаком.

Дом был оформлен в стилистике 30-х годов: все было белым. Я обратил внимание, что на столике лежала подшивка журналов «Дом и усадьба» за 1914–1917 годы. На стенах висели рисунки Михаила Ларионова, на которых были изображены Дягилев и Нижинский. Когда я заметил хозяйке, что рисунки выцветают на ярком свету, Яковлева ответила: «На мой век хватит».

Я ей не понравился — был в высокой шапке из куницы, а в волосах носил черный бант в стиле XVIII века. «Как у ненавистного Лагерфельда», — сказала Татьяна.

Оттаяла она только на третий день, когда согласилась сфотографироваться со мной и поболтать. Но фаворитом я ее не стал. Меня приблизил Алекс, который пригласил в свою мастерскую, показал работы, а потом дал заказ для журнала «Vogue».

Яковлева была знаменита своими афоризмами. «Норка — только для футбола, а для леди — только соболя», — как-то сказала она. Имелось в виду, что в норковой шубке можно ходить только на стадион, а в свет выходить позволительно в соболях.

Она дружила с музами других русских поэтов. Была лучшей подругой Валентины Николаевны Саниной, музы Вертинского. Была близка с леди Абди, урожденной Ией Ге, племянницей художника Ге, музой Алексея Толстого, который вывел ее в образе героини романа «Аэлита». Одним словом, подруг она выбирала себе под стать.

К заслугам Татьяны Яковлевой относится восхождение

Кристиана Диора и появление Ив Сен-Лорана. Талантом своим они обязаны, разумеется, не ей. Но пресса заговорила об этих кутюрье после того, как Яковлева сказала мужу, что гении — именно они.

Она дружила с Иосифом Бродским, Александром Годуновым, Михаилом Барышниковым, Натальей Макаровой. Охотно принимала у себя беглецов из советской России.

Дома была прислуга, которая говорила по-английски. Когда я остановился у Яковлевой, утром следующего дня горничная спросила у меня, не хочу ли я киселя. Я удивился предложению, так как кисель последний раз пил на полднике в детском саду. «А Татьяна всегда пьет его по утрам», — ответили мне.

Вкусы в еде у нее остались русскими. Что меня поразило — это огромная тарелка с черешней, привезенной из Чили, которая ярким пятном выделялась на рождественском столе».

Чета Татьяны и Александра была одной из самых известных в Нью-Йорке. Гостями на их шикарных приемах становились все сливки города. Одной из ее ближайших подруг была Марлен Дитрих. Когда кто-то начинал восхищаться красотой ее ног, Марлен отвечала: «Да, они ничего. Но у Татьяны — лучше». А сама Яковлева, когда Дитрих приходила к ней в гости и забиралась на диван с сигаретой в руках, строго говорила: «Марлен, если ты прожжешь мой диван — я тебя убью. Имей в виду».

Семейная жизнь Яковлевой и Либермана тоже казалась идеальной. Автор книги «Татьяна. Русская муза Парижа» Юрий Тюрин, первым проливший свет на судьбу Татьяны Яковлевой, так описывает свои впечатления от супругов: «В обыденной жизни Алекс был консервативен: сорочки шьются только у портного в Англии, красное вино заказывается во Франции, тридцать лет по утрам овсянка на воде, полвека одна женщина.

«В течение прожитых лет в общей сложности мы не были вместе пять дней, — признается Алекс. — Но это были самые черные дни моей жизни».

Его глаза всегда светились любовью. Они даже ссорились удивительно спокойно и уважительно. Алекс недоволен тем, что Татьяна не притронулась к завтраку. Он ворчит, что она уже и так потеряла за неделю три фунта. В ответ протяжно-просительное: «Алекс, не начинай». И все. Никаких эмоциональных взрывов, обиженных глаз, надутых щек. Даже если кто-то из них на чем-нибудь зацикливался, другой умело переводил ситуацию в юмор…

Татьяна жалуется, что Силия положила на стол не те салфетки. Алекс примирительно: «Дорогая, ты дрессируешь ее

уже семнадцать лет, и она, слава богу, научилась отличать бумажные от текстильных. Еще через семнадцать все будет по правилам». Татьяна в ужасе: «Ты думаешь, что мне еще так долго мучиться на этом свете? Нет, если ты настоящий джентльмен, то пропусти даму вперед».

Накануне 85-го дня рождения у Татьяны произошло кровоизлияние в кишечник. Операцию было делать бессмысленно. Через несколько дней Яковлевой не стало.

Отпевание прошло в русской церкви, а похороны — в Коннектикуте, где на надгробном камне жены Алекс Либерман приказал выгравировать: «Татьяна дю Плесси-Либерман, урожденная Яковлева, 1906–1991».

Александр хотел быть похороненным в одной могиле с Татьяной и даже приготовил надпись для себя: «Александр Либерман, 1912 — …» Но жизнь распорядилась по-другому. После перенесенных инфаркта и клинической смерти он женился на филиппинке Милинде, одной из медсестер, ухаживавших в последние годы за Татьяной. И завещал развеять свой прах над Филиппинами. В 1999 году его воля была выполнена…

Золотая маркиза Луиза Казати

В 1957 году на Кенснигтонском кладбище в Лондоне появился скромный памятник.

Три слова, выбитые на могильном камне, — «Маркиза Луиза Казати» — в начале XX века повергали в трепет всю Европу. Дружбой с этой женщиной гордились вдохновитель и организатор «Русских сезонов» Сергей Дягилев и пианист Артур Рубинштейн, балерина Анна Павлова и модельер Эльза Скьяпарелли, ее портреты писали Джованни Болдини и Пабло Пикассо, костюмы для нее создавали Поль Пуаре и Лев Бакст. Получить приглашение на балы и карнавалы, устраиваемые маркизой в лучших дворцах мира, было делом чести для самых знатных фамилий…

Титул маркизы Луиза Ад еле Роза Мария получила в 19 лет, выйдя замуж за двадцатитрехлетнего Камило Казати Стампа. Впрочем, еще неизвестно, кто от этого брака выиграл больше — знатное, но обедневшее семейство Казати Стампа или богатейшая фамилия итальянских промышленников Аман, в поместьях которых часто гостил король Умберто I. Детство будущей маркизы проходило между миланскими музеями и соборами, по которым ее и старшую сестру Франческу водили гувернантки, и старинной виллой «Амалия» с потолочными росписями великого Луини. Гордостью родителей была красавица Франческа.

Младшая Луиза ни внешностью, ни сообразительностью в детстве не отличалась. Единственное, что привлекало в девочке, были ее огромные изумрудные глаза, которые она прятала за челкой рыжих волос. О том, что судьбу надо брать в свои руки, Луиза поняла очень скоро. В семнадцатый день рождения девушка сама остригла свои роскошные волосы, повергнув все семейство в состояние шока. Зато ее глаза, и до того притягивавшие взоры, казалось, стали еще больше, и никого теперь не оставляли равнодушным.

Маркиз Казати стал одной из многочисленных жертв дьявольской, как отмечали все вокруг, притягательности Луизы. И единственным, кому она ответила взаимностью. Через год молодые люди поженились.

Медовый месяц супруги решили провести в Париже, где в это время как раз проходила Всемирная выставка. Внимание светской публики привлекали входящее в моду искусство ар-нуво и черная магия, которую олицетворяла Кристина Тривульцио. Об этой

женщине в Париже ходили легенды, ею восхищались Шопен и Бальзак, а еще рассказывали, что в своей квартире она хранила забальзамированный труп 17-летнего любовника.

На одном из балов маркизу Казати, внешне очень похожую на Тривульцио, приняли за колдунью. Восхищение публики пришлось молодой женщине по вкусу. Теперь она нарочно старается подчеркнуть свое сходство с Кристиной, а на светских вечеринках во время шарад неизменно получает задание изобразить Тривульцио. Ее главное увлечение — книги по черной магии и оккультизму.

Когда через год у нее родится дочь, она даст ей имя своего знаменитого двойника. И тут же отправит в пансион, где девочку до 13 лет будут одевать в чепчики и панталоны, чтобы мать, приезжая ее навестить, не чувствовала собственного возраста.

Отношения с мужем вскоре перестают интересовать маркизу. Камило спокойно относится к ее многочисленным увлечениям, посвящая все свое время собакам и лошадям. Однако супруги расстанутся лишь в 1924 году. При этом Казати станет первой католичкой в мире, получившей официальный развод.

Главным человеком ее жизни на долгие годы становится самый знаменитый поэт и драматург того времени Габриэль Д'Аннуцио. Их знакомство состоялось на охоте, и первое впечатление маркизы от поэта было чудовищным. «Он был лыс и походил на яйцо, сваренное вкрутую и установленное в подставку от Фаберже», — так описывали внешность Д'Аннуцио. Но мужчина был настолько учтив и обаятелен, что недостатки его наружности забывались через секунду после того, как он начинал говорить. Недаром среди покоренных им дам была сама Элеонора Дузе.

Казати тоже не остается равнодушна к чарам драматурга. Об их романе судачат все кому не лень, а газеты публикуют карикатуры на тройственный союз Луизы, Камило и Габриэля. Но скандальная слава не только не расстраивает влюбленных, но и, кажется, наоборот, вдохновляет. А вскоре о маркизе Казати начинают говорить как и о самой элегантной женщине Европы. Миллионы мужа, проводящего время в конюшне или на псарне, открывают для нее двери лучших портных. Во время карнавальной недели в Риме Луиза каждый день появляется в свете в новом наряде, потрясая воображение публики их роскошью и элегантностью. Газеты сменяют гнев на милость, а затем и вовсе переходят на восторженный тон, описывая костюмы маркизы.

«В первый вечер маркиза Казати появилась в наряде Сары Бернар. Во второй — в точной копии одеяния византийской

императрицы Феодоры. В третий — в платье из белых кружев и черной атласной накидке, отороченной горностаем. Что дальше?»

А дальше маркиза обращает свое внимание на обустройство дворцов, на покупки которых супруг не жалеет денег. Первым делом Казати приобретает огромный дом в Риме, интерьер которого оформляет в черно-белой гамме. Белоснежные стены украшали венецианские зеркала, окна — белые бархатные портьеры, пол — мрамор и шкуры белых медведей. «В этом доме хотелось говорить шепотом и ходить на цыпочках, как в церкви», — вспоминала о римском жилище маркизы ее племянница.

Для Казати не существует мелочей — она муштрует прислугу, объясняя, под каким углом должен бить фонтан в холле, чтобы создавался специальный музыкальный эффект. На входе устанавливает двух отлитых из чистого золота газелей. И заводит экзотических животных — черного мастифа Анжелину, признававшего только команды хозяйки, персидских и сиамских котов. Ее главными любимцами становятся черная и белая борзые, расхаживающие по дворцу в серебряных ошейниках, украшенных бриллиантами.

Внешность маркизы обсуждается так же широко, как и ее дома. На публике она появляется в венецианских кружевах ручной работы, ее наряды отличают пышные рукава, длинные шлейфы и парчовые пояса, отделанные бриллиантами. Природную бледность лица она подчеркивает пудрой, а глаза обводит углем, делая их неестественно огромными и пугающими. Ее любимые цвета — черный и белый.

Основная деталь туалета — длинная нитка жемчуга, в несколько слоев обвивавшая шею.

Вскоре маркизе наскучивает Рим. Она вообще довольно быстро устает от любых, даже приводивших ее некогда в восторг вещей. Вместо римского дворца Казати решает взяться за обустройство венецианского палаццо. Тем более что Д'Аннуцио в каждом письме уговаривает ее перебраться в этот город — «творение искусства и любви, который изнывает от желания». Поначалу в Венеции Луиза останавливается в одном из самых дорогих отелей «Даниэли». Как-то во время завтрака, к которому маркиза, как обычно, спустилась в роскошном черном наряде из венецианских кружев и в традиционной нитке из белого жемчуга, ее внимание привлек невысокий пожилой мужчина, сидящий за соседним столиком.

«Позвольте представиться, — произнес незнакомец, — художник Джованни Болдини. Вы позволите написать ваш портрет?» «А что вы умеете?» — Маркиза протянула ему руку для

поцелуя. В этот момент нитка жемчужных бус неожиданно лопнула, и крупные камни горохом посыпались по всему ресторану. Болдини, несмотря на свою тучность, проворно принялся собирать жемчужины и через несколько мгновений выложил на столик маркизы целую пригоршню драгоценностей. «В свободное от поцелуев время я ловец жемчуга», — почтительно склонив голову, произнес великий художник.

Первые наброски портрета Казати были сделаны в Венеции. Завершать работу пришлось в Париже, куда маркиза перебралась специально для того, чтобы позировать знаменитому портретисту. Каждое утро она приезжала к нему в студию, облаченная в облегающий туалет от Поля Пуаре из черного атласа, отороченный горностаем. К поясу был приколот букетик шелковых фиалок, а руки маркизы в шелковых перчатках обвивал лиловый шарф. В ногах маркизы сидела черная борзая в серебряном ошейнике.

Через год портрет был выставлен на парижском салоне. Героиня «Портрета молодой дамы с собакой» становится притчей во языцех. С Казати хочет познакомиться вся Франция. Но она, заплатив художнику 20 ООО франков, сумасшедшие по тем временам деньги, уже далеко: в Венеции начинается самая интересная глава ее жизни.

Старинное палаццо, принадлежавшее на протяжении нескольких столетий семейству Веньер, маркиза приобретает в 1910 году. Прежние владельцы, трое представителей которых были венецианскими дожами, мечтали превратить свое палаццо в самый большой дворец города. Однако во время строительства финансовые дела семейства пошатнулись и стройка так и не была завершена.

Биографы Луизы Казати Скот Д. Райерссон и Майкл Орландо Яккарино в своей книге «Неистовая маркиза» описывают, как новая владелица поставила перед реставраторами необычную задачу — укрепить полуразрушенное здание изнутри, но сохранить внешние признаки увядающего великолепия. Внутреннее убранство было выдержано в традиционных черно-белых тонах. Каждый сезон, приезжая в Венецию из Рима, маркиза перевозила черно-белое мраморное покрытие полов. Лишь одна комната выделялась по оформлению среди других залов — ее стены украшали пластины из старинного золота.

В разбитом во дворе палаццо саду Казати устраивает зоопарк. На ветвях деревьев сидят дрозды-альбиносы, которых каждый день перекрашивают под цвет волос маркизы, по дорожкам разгуливают белые павлины. Компанию самой хозяйке дома составляют змеи и два гепарда, вместе с которыми она на гондоле

прогуливается по венецианским каналам. Однажды она даже вызвала гнев городских властей, позволив себе перекрасить гондолу из традиционного черного цвета в белый. Прохожие, завидевшие с мостов приближение гондолы маркизы, неизменно встречали ее бурными аплодисментами.

Поселившись в Венеции, маркиза отказывается от традиционных кружев. Теперь она боготворит Марианно Фортуни, великого мага венецианской моды. Первое явление Казати городу состоялось в плаще с капюшоном из красной парчи от Фортуни. Впереди хозяйки шествовали черная и белая борзые в ошейниках из бирюзы, а позади — черный слуга с опахалом из павлиньих перьев. На следующее утро маркиза стала главной темой разговоров, превратившись для всех в «ту самую Казати».

Тем более что в героине только что опубликованного романа Габриэля Д'Аннуцио «Быть может, да, быть может, нет» легко узнавалась маркиза. «Она завернулась в длинный восточный палантин из тех материй, что маг Марианно Фортуни погружает в свои красильные чаны и вынимает окрашенными в цвета грез… Ей нравилось подчеркивать свою двадцатипятилетнюю свежесть красным и черным: густо чернить веки над горящими глазами и кровенить уста киноварью… При всем при том ее хрупкость, гибкость и сладострастие были сродни творениям Микеланджело. Платья были неотделимы от нее, как зола неотделима от угольев… Всем своим существом она демонстрировала, что колдовство есть искусно внушенное помешательство».

Гостями венецианского палаццо маркизы становятся все великие гости прекрасного города. В один из вечеров на ужин Казати пригласила компанию знаменитых русских — Александра Бенуа, Льва Бакста, Сергея Дягилева и Вацлава Нижинского. Трапеза состоялась по просьбе Айседоры Дункан, мечтавшей попасть в труппу Сергея Дягилева.

Дягилев, несмотря на мировую славу Дункан, принять ее в свою труппу отказался. Но воспоминания о вечере у всех его участников остались незабываемые. Как потом напишет в своих мемуарах Ромола Нижинская, «на хозяйке вечера не было ничего, кроме змеи». После двух бокалов вина Дункан пригласила Нижинского на вальс. «Да, — произнесла она после танца. — Жаль, что этот мальчик не встретился мне, когда ему было года два. Уж я бы его научила танцевать». Закончился прием ссорой. Д'Аннуцио, подойдя к Нижинскому, предложил: «Станцуйте-ка что-нибудь для меня!» В ответ великий танцовщик не растерялся: «А вы напишите-ка что-нибудь для меня!»

Для самой Казати русский ужин не прошел бесследно — она начинает одеваться у Бакста. «Я не вдова, чтобы ходить в черных

одеяниях», — заявляет она и отказывается от привычной черно-белой гаммы. Для Казати самое главное — не быть, как все. Пока весь мир стоит в очереди к Фортуни, она заказывает костюмы Льву Баксту, провозглашая моду на «варварский Восток». Всего художник создаст для нее около 4 тысяч нарядов.

Но иногда для прогулки по площади Сан-Марко маркизе достаточно лишь мехового палантина, который едва прикрывает ее обнаженное тело. Впереди себя, как обычно, она выпускает гепарда в бриллиантовом ошейнике, а позади позволяет шествовать мавру с факелом в руке. «Из одежды на ней были только духи» — эта популярная шутка венецианцев была посвящена именно маркизе.

Получить приглашение на легендарные балы Казати было пределом мечтаний для любой уважающей себя знаменитости начала века. Иногда власти позволяют маркизе устраивать празднества на главной площади Венеции. В такие дни все окна выходящих на Сан-Марко домов сдаются любопытным горожанам в аренду.

В месяц Казати устраивает по несколько балов и карнавалов. Вся Европа обсуждает миллионы, которые она тратит на увеселения. «Машина по имени Луиза Казати ежедневно пожирала тонны денег, словно тюки спрессованного сена», — напишет о ней Дарио Чекки.

Светский обозреватель тех лет Габриэль Луи Пренгуэ так описывает в своих мемуарах вечера Казати: «Дверь в комнате, где мы сидели и беседовали, вдруг распахнулась и вошла покойница. Ее великолепная фигура была туго обтянута платьем из белого атласа с длиннющим шлейфом, грудь прикрывал букет белых орхидей. Огненно-рыжие волосы подчеркивали алебастровую бледность лица, которое полностью пожирали два огромных глаза; расширенные угольно-черные зрачки составляли зловещий контраст с ярко-алыми губами, казавшимися открытой раной на фоне этой бледности. На руках у нее примостился детеныш леопарда.

Она поглядела на гостей в маленький, усыпанный бриллиантами лорнет и пригласила всех на маскарад, который должен был состояться через несколько дней в ее дворце на берегу Большого канала… В ночь карнавала маркиза прислала гондолы с разодетыми в пух и прах гондольерами, чтобы перевезти приглашенных (человек двести) на небольшую пристань, выделенную ей по особому распоряжению городского головы… Там гостей уже ожидал оркестр. По всему периметру площади стояли на расстоянии метров десяти друг от друга черные великаны в алых шелковых одеяниях. Между ними была

натянута золотая цепь, преграждавшая доступ толпе…

Гордостью маркизы были 130 ее портретов. Одним из самых любимых она называла полотно Ромейн Брукс, написанное в 1920 г.

Под восторженные выкрики собравшихся маркиза Казати вышла из гондолы. Гигантские черные и белые перья фламинго колыхались на атласном платье цвета лунного сияния, перехваченном в талии черным бархатным поясом; одной рукой она обхватила букет черных ирисов, в другой держала на поводке двух леопардов. Вечер был сказочным».

Когда маркиза устраивала приемы в своем палаццо, то гостей первым делом проводили через сад с диковинными зверями. Однажды Казати спросили, зачем она держит обезьян, ведь из их клеток раздается довольно неприятный запах. В ответ хозяйка подошла к одной из клеток, сунула внутрь ветку сирени и, указывая на то, как горилла остервенело принялась раздирать цветочные бутоны, произнесла: «Разве это не чудесно? Похоже на китайскую живопись!»

Только один раз карнавал у Казати закончился скандалом. Выкрашенный в золотую краску слуга-негр от недостатка воздуха потерял сознание и едва не погиб. Наутро горожанам снова было о чем поговорить. Маркиза давно уже стала такой же достопримечательностью города, как его каналы и собор Святого Марка. Но вскоре Луизе надоело и это, и она выбрала для себя новую мишень — Париж.

Первым делом там она приобретает роскошный дворец Пале-Роз, выстроенный из розового мрамора по точному подобию королевского Большого Трианона. Особая ценность ее нового жилища — библиотека, состоящая из книг по черной магии, и собрание портретов, написанных величайшими художниками.

Очень скоро Казати становится некоронованной царицей Парижа. В городе останавливалось автомобильное движение, стоило маркизе появиться на его бульварах. Хотя неизвестно, что больше поражало водителей и пешеходов — облаченная в парик с бараньими рогами Луиза или крокодил, которого она вела на поводке. На балах в парижской Опере она часто появлялась в платье из перьев белой цапли, облетавших с нее при каждом движении так, что из здания театра она выходила почти обнаженная.

В 1924 году Пабло Пикассо создает для нее необычный костюм, главным элементом которого были электрические лампочки. Но поразить публику на сей раз маркиза не успела — головной убор застрял в дверном проеме и его обладательницу

ударило током. Да так сильно, что какое-то время Казати в конвульсиях билась на полу.

Во Франции полку ее известных друзей прибыло. Знаменитый Феликс Юсупов с восхищением описывает в своих мемуарах вечер, проведенный им во дворце у маркизы. Больше всего русского графа поразил костюм хозяйки, состоящий только из золотой диадемы. Самым притягательным в Казати по-прежнему оставались глаза, которые она специально расширяет с помощью капель, состоящих из ядовитого растения белладонны. Художники-футуристы считают Луизу своей музой и пишут ее портреты, центром которых являются ее «взгляд ягуара, только что прогрызшего свою клетку».

Она по-прежнему живет на широкую ногу и не желает замечать изменившуюся моду, из-за разразившейся Первой мировой войны диктующую скромность и дешевизну. Основной темой разговоров обедневшего Парижа долгое время был обед у Ага-хана Третьего, на котором платье маркизы занимало шесть стоящих рядом с ней стульев.

Принимая гостей у себя, она приказывает слугам бросать в камин горсти меди, чтобы их зеленые всполохи подчеркивали рыжий цвет ее волос. Украшения маркиза теперь заказывает не у Лалика, а у Луи Картье, который изготавливает специальные золотые футляры для ее любимых змей.

Несколько лет Луиза живет между тремя городами — Римом, Венецией и Парижем, периодически совершая кругосветные путешествия. Балерина Анна Павлова долго не могла забыть, как на ее выступлениях в Риме в ложе неожиданно появилась Казати в шлеме из страусиных перьев.

Моделью для скульптора Энрико Маццолани маркиза стала в 1915 г.

Для того чтобы поездки были веселее, по Европе маркизу сопровождает оркестр музыкантов. Стоит ей в своих вызывающих ярких нарядах появиться в городском саду, как к ней сбегаются все обитающие там павлины, принимая Казати за свою повелительницу.

Скульптор Екатерина Барятинская в своей автобиографии «Портреты на фоне» оставила такое описание маркизы: «Я увидела скорее не женщину, а произведение искусства… Широкие персидские шаровары из тяжелой золотистой парчи, туго стянутые у щиколоток бриллиантовыми застежками искусной работы. На ногах золотые босоножки на высоких алмазных каблуках. Декольте кончалось у широкого парчового пояса; изумительно вылепленная грудь была чуть прикрыта кружевом тончайшей работы. В ушах красовались массивные

жемчужные серьги. Огромная черная жемчужина переливалась на пальце одной руки, такого же размера белая — на другой. Лебединую шею несколько раз обвивала жемчужная нить.

Воистину явление из «Тысячи и одной ночи», однако в этом не было ничего сверхъестественного. Сказочный наряд удивительно шел ей. Она так резко отличалась от всех прочих женщин, что представить ее в обыкновенном платье было совершенно невозможно».

Увы, но любой сказке рано или поздно приходит конец. 1002-я ночь маркизы Казати произошла в 1927 году, когда она решила устроить бал в честь графа Калиостро. В погоне за удовольствиями она не заметила, что экстравагантность давно вышла из моды и вызывает лишь раздражение. Разыгравшаяся непогода и агрессивное поведение крестьян, забросавших гостей маркизы тухлыми помидорами, тоже сделали свое дело: вызвали панику, и праздник был сорван.

Для того чтобы замолить грехи, маркиза приглашает во дворец архиепископа. А когда тот ссылается на болезнь, притворяется умирающей. Отказать в последней воле страждущей священник не мог и, несмотря на воспаление легких, явился исповедовать маркизу. «Умирающая», облаченная в белое платье и жемчуга, встретила архиепископа на носилках, которые несли четверо обнаженных слуг.

Исповедь не состоялась, а мнимую больную по распоряжению властей на полгода приговорили к лечению в клинике для душевнобольных. Но ее странное поведение объяснялось, скорее всего, значительно проще — кокаин и опиум в те годы были легкодоступны и считались чуть ли не признаком хорошего тона. Да и на вечеринки маркиза являлась с неизменной тростью, из золотого набалдашника которой в разгар банкета наливала себе крепчайший абсент.

Для того чтобы оплатить счет за бал в честь Калиостро, составлявший полмиллиона франков, маркизе приходится сдать в аренду свое венецианское палаццо. На тот момент на ее счетах находилось около 25 млн сегодняшних долларов. Однако к деньгам она всегда относилась довольно беспечно. Расплачивалась с таксистами кольцами с бриллиантами, а за уголь могла отдать золотую статуэтку. В итоге она осталась фактически ни с чем.

Чтобы как-то поправить свое состояние, Казати решает выйти замуж за американского миллионера. Узнав, что избранник женат, она телеграфирует подруге: «Ничего, увидит меня и разведется. Я выезжаю».

Приехав в Нью-Йорк и собираясь на судьбоносное свидание,

маркиза обнаружила, что ее любимый питон мертв. За любые деньги она требует арендовать животное в местном зоопарке. Когда ее просьба была выполнена и огромный питон возлежал на ее плечах, в комнату пригласили долгожданного богача. Однако мужчина не успел сказать ни единого слова — увидев змею, он немедленно обратился в бегство.

Отдав последние сбережения за аренду питона, Луиза Казати ни с чем возвращается в Париж, где ее уже ждут кредиторы. Аукцион личных вещей (портрет работы Болдини приобрел Рокфеллер, а фигурки борзых — Коко Шанель) лишь частично покрыл долги эксцентричной маркизы. По приговору суда ее на два месяца лишают свободы. Правда, учитывая мировую славу подсудимой и заслуги в области меценатства, осуждение было условным.

«Жилище маркизы Казати превратилось в дом с привидениями, — вспоминал в своих мемуарах «Тяготы бытия» Жан Кокто. — Когда оно принадлежало ей, все было иначе…

Она вышла из своей комнаты под аплодисменты, достойные великой трагической актрисы. Оставалось сыграть трагедию. Но она ее не сыграла. Вот в чем ее трагедия. Вот почему дом ее ныне заселен привидениями…»

Перед тем как навсегда перебраться в Лондон, маркиза совершает последний визит в Венецию. Теперь она сама несет канделябры со свечами, а впереди нее семенит маленький пекинес, ставший смыслом ее жизни в последние годы. Новое поколение венецианцев, не признавших в женщине легендарную маркизу, переговаривается: «Кто эта старая ведьма?»

Первое время в английской столице маркиза за пять фунтов в месяц арендует дом, в котором прежние жильцы отказывались жить из-за его огромных размеров. А потом перебирается в маленькую комнатку в квартире, расположенной неподалеку от магазина «Хэрродс». Оставшись без денег и одна, Казати наконец начинает общаться с дочерью и внучкой. «Бабушка приезжала к нам на такси, — вспоминала девочка. — Но мне казалось, что на метле. Уж очень она походила на злую колдунью». Кстати, называть себя «бабушкой» маркиза не позволяла…

В Англии ее ближайшим другом становится художник Огастес Джон, к которому она приходит в поношенном бархатном костюме и полуистлевшей леопардовой шкуре. «Слой пудры на ее лице становился все толще, — вспоминал Джон. — Сказки об Италии — все длиннее, а костюмы — все тоньше».

Однако, несмотря на бедность, манеры у Казати остались прежними. «Подать напитки», — гордо распоряжалась она. И старый гостиничный лакей вносил полбутылки пива.

За два года до смерти легендарной женщины на книжных прилавках появилась книга модного фотографа Сесила Битона «Зеркало моды», в которой среди прочего были опубликованы фотографии 73-летней маркизы. Битон немедленно возглавил список ее врагов, который она составила в последний год своей жизни. Больше всего Луизу обидели даже не фото, которые Сесил обещал не публиковать, а рассказ о том, как во время примерки костюма Святого Себастьяна маркиза требовала чай и кофе. «Стану я просить напитки, от которых портится цвет лица. Если бы мне хотелось пить, я заказала бы шампанское. Как можно так нагло врать?» — возмущалась Казати.

Умерла она в возрасте 76 лет после кровоизлияния в мозг, случившегося с ней во время спиритического сеанса. На похоронах светской королевы Европы присутствовало всего шесть человек. Некогда одна из самых богатых женщин мира оставила после себя набитый конским волосом матрас, сломанные часы с кукушкой и букетик искусственных цветов…

Грустное веселье
Мисия Серт

Она родилась под именем Мария София Ольга Зинаида Годебска. А в историю вошла как Мися Серт, любимая модель Ренуара и Тулуз-Лотрека, муза Стравинского и Равеля, героиня Марселя Пруста и Жана Кокто.

Мисия, или просто Мися, как все называли ее на русский лад, родилась в Санкт-Петербурге в 1872 году. Поначалу мать, Эжени Софи Леопольдин Сервэ, собиралась рожать в Брюсселе. Но, получив анонимное письмо о том, что ее супруг, скульптор Сиприен Годебски, весело проводит время в Петербурге в имении князей Юсуповых, решила отправиться к мужу и узнать, с кем он развлекается.

Путешествие по занесенной снегом России стало для находящейся на 9-м месяце беременности женщины роковым. А известие о том, что отец ее будущего ребенка изменяет ей с ее же теткой, добило окончательно. В первый же день своего прибытия Эжени Софи умерла во время родов.

Поначалу Мисю, проведшую в России всего пару дней и никогда не говорившую на русском, воспитывала бабушка, владелица огромного поместья под Брюсселем, одна из ближайших подруг королевы Бельгии. На старинной вилле всегда было множество гостей; семь роялей, расположенных в бальных залах, не умолкали, казалось, ни на минуту. Неудивительно, что нотной грамотой Мися овладела намного раньше, чем азбукой.

В один из дней она была удостоена чести музицировать перед самим Ференцом Листом: великий композитор посадил очаровательное дитя себе на колени и попросил сыграть Бетховена. Пожелание Листа девочку не смутило, чего не скажешь о бородавках на лице композитора, о которых она до последнего дня своей жизни вспоминала с содроганием.

Когда девочке исполнилось пятнадцать лет, от королевы она получила приглашение на придворный бал. Прибыв во дворец и увидев в зеркале красивую девушку в платье из бледно-голубого тюля с широким муаровым поясом, Мися пришла в такой восторг, что захотела поцеловать ее. Что немедленно и сделала: подошла к зеркалу и коснулась губами собственного отражения.

В это время она жила в монастыре Сакре-Кер, куда ее отправили отец и его третья супруга. После успеха на балу Мися отказывается возвращаться в монастырь. И, заняв у друга отца

деньги, сбегает из Парижа в Лондон. Впрочем, про это Мися напишет в мемуарах. А знакомые семьи судачили, что в английскую столицу девушка бежала со своим любовником, который был на 40 лет ее старше.

Как бы то ни было, через два месяца в Париж вернулась уже совсем другая Мися — взрослая, независимая, знающая себе цену. Средства на жизнь зарабатывала уроками музыки, которые давала Бенкендорфам — семье русского посланника в Париже.

А вскоре вышла замуж за своего кузена Тоде Натансона, журналиста, владеющего на паях с братом журналом «Ревю бланш». 300 тысяч франков, полученных от бабки в качестве приданого, Мися истратила за один день, оставив их в лучшем бельевом магазине Брюсселя.

Первое время семейная жизнь складывалась как нельзя лучше. В загородном имении супругов каждые выходные собиралось интересное общество — «Ревю бланш» был одним из самых популярных среди парижской богемы изданий. Излюбленным развлечением Миси было устроиться в тени деревьев с книгой, в то время как Тулуз-Лотрек кисточками щекотал ее голые пятки, рисуя на них «невидимые пейзажи».

Но вскоре у Тоде начались финансовые проблемы. Для того чтобы поправить ситуацию, Натансон нашел инвестора — владельца самой популярной на тот момент во Франции газеты «Матен» Альфреда Эдвардса. Магнат как раз приобрел в Венгрии угольные копи и нуждался в управляющем, место которого и предложил Тоде. Мися, почувствовав недвусмысленный интерес Эдвардса к себе, пыталась отговорить супруга от поездки. Но тот лишь отмахнулся: «Тебе вечно кажется, что в тебя все влюбляются». И уехал.

А Эдварде принялся забрасывать Мисю приглашениями. Получив с посыльным 81-е по счету письмо, мадам Натансон все-таки отправилась на ужин к Эдвардсам, во время которого бизнесмен неожиданно встал из-за стола и скрылся в кабинете, оставив гостью наедине со своей женой. Та, внимательно посмотрев на Мисю, помолчала и произнесла: «Альфред влюблен в вас, вы должны стать его любовницей».

Возмущенная подобным предложением, мадам Натансон почти бегом покинула роскошную квартиру Эдвардсов и решила отправиться к мужу в Венгрию. Каково же было ее удивление, когда ее соседом по купе оказался не кто иной, как… Альфред.

Пока поезд вез попутчиков до Вены, Эдварде поведал Мисе о том, что Тоде, решив воплотить на угольной фабрике свои социалистические идеи и устроив рабочим райскую жизнь, влез в долги, платить по которым предстояло в ближайшие дни.

«Да вот, кстати, и его телеграммы», — мужчина протянул Мисе пачку бумаг. Среди просьб об отсрочке долга, обращенных к Эдвардсу, она нашла записку, адресованную ей: «Мися, уладь все!» Оказалось, что сделать это было очень просто: бизнесмен был готов простить долги Натансона в обмен на то, чтобы Мися стала его женой. Поняв, что выбора у нее, по большому счету, нет, она согласилась стать мадам Эдвардс.

В феврале 1905 года Альфред и Мися сыграли свадьбу. Главным увлечением новоиспеченного супруга, бывшего на 16 лет старше Миси, стала покупка вееров и драгоценных камней для молодой жены. А Мися, обожавшая наряжаться в перья и кружева, ломала голову над тем, как остудить пыл коммерсанта. Ей казалось, что в подарках Эдвардса она будет напоминать торговку подержанными вещами.

Несмотря на то, что она никогда не любила Альфреда («Во время занятий любовью с ним я составляла меню завтрашнего обеда», — признавалась Мися подругам), красивая жизнь ей пришлась по вкусу. Супруги владели огромной квартирой в Париже на улице Риволи и одними из первых обзавелись роскошной яхтой.

Музыкальный салон на плавучем доме Эдвардсов был таким удобным, что распеваться туда приходил сам Энрико Карузо. Правда, в конце концов Мисе надоели неаполитанские арии, и она выставила Карузо за дверь. Проводить время на яхте она предпочитала в одиночестве.

По вечерам женщина выходила из своей квартиры на Риволи, доходила до набережной Сены, где была пришвартована яхта, поднималась на палубу и, устроившись в кресле-качалке с бокалом белого вина, вздыхала: «Неужели и дальше моя жизнь будет такой же беспросветной?»

Благодаря деньгам и влиянию мужа дом Миси становится одним из самых популярных в Париже. Марсель Пруст пишет ей письма, а она даже не распечатывает их, приказывая складывать в коробку из-под шляп. Знаменитый летчик-ас Ролан Гаррос берет ее с собой в полет над Парижем. Пабло Пикассо предлагает ей стать свидетельницей на его свадьбе с русской балериной Ольгой Хохловой и крестной матерью новорожденного сына.

Ренуар лично приезжает на Риволи, чтобы написать портрет Миси. В конце жизни великий художник был почти парализован из-за артрита, и специально для него в квартире Эдвардсов был сооружен лифт. Ренуар на каталке въезжал в будуар Миси, резинкой прикреплял кисть к скрюченной руке и начинал писать. Прерываясь лишь для того, чтобы попросить свою модель… приоткрыть прекрасную грудь: «Вы не должны скрывать то, чем

вас наградила природа». В благодарность за портрет Мися послала художнику чек с пустой графой «сумма», предлагая вписать любую цифру. Ренуар оценил свою работу в 10 тысяч франков.

Скромность живописца удивила Мисю и обрадовала Эдвардса. За день до этого он проиграл в казино почти полмиллиона франков и пешком был вынужден добираться до дома. Когда супруга пожурила его за прогулку под дождем, Эдварде горестно воскликнул: «Ты никогда не считаешь деньги. Поездка на такси стоит полфранка, я не могу бросаться такими деньгами!»

Впрочем, Эдвардса теперь больше волнуют не деньги, а театр. А точнее — актриса Лантельм, для которой он написал пьесу «Потерянный попугай». Как и положено драматургу, Эдварде влюбился в исполнительницу главной роли. И не придумал ничего лучшего, как отправить к Лантельм… Мисю, поручив ей уговорить актрису стать его любовницей.

Лантельм приняла Мисю и поставила условие: жемчужное ожерелье, миллион франков и сама Мися, в которую, как оказалось, была влюблена актриса. Но через день она одумалась и согласилась принять ухаживания Эдвардса.

Мися к измене мужа отнеслась более чем спокойно. Во-первых, она и сама была увлечена испанским художником Хосе-Мария Сертом, за которого вскоре вышла замуж. А во-вторых, в ее жизни появился «безумный русский». Речь идет о Сергее Дягилеве, с которым Мися познакомилась в 1908 году во время премьерного показа «Бориса Годунова» в парижской Опера. Спектакль так потряс женщину, что она скупила все нераспроданные билеты, чтобы у Дягилева сложилось впечатление финансового успеха и он вновь вернулся в Париж.

Их дружба продолжалась больше 20 лет. Дягилев говорил, что Мися Серт (к тому времени у нее была уже эта фамилия) — единственная женщина, на которой он мог бы жениться.

Серт знала все нюансы личной жизни своего друга. В 1913 году, оказавшись в Венеции в номере Дягилева, она стала свидетельницей того, как он узнал о женитьбе Нижинского, своего главного любимца.

Дягилев пригласил Мисю к себе, чтобы послушать в ее исполнении «Волшебную лавку» Россини. Серт пришла с зонтиком, который во время ее игры на рояле Дягилев то открывал, то закрывал. Закончив игру, женщина попросила Сергея Павловича оставить вещь в покое: «Разве вы не знаете, что это дурная примета — открывать зонт в комнате?»

Суеверный Дягилев побледнел и отложил зонт. В этот момент

раздался стук в дверь: доставили телеграмму о женитьбе Нижинского. Через несколько мгновений вся гостиничная мебель была разгромлена. И только Серт было под силу успокоить взбешенного Дяга, как друзья называли между собой Сергея Павловича.

Не раз деньги Миси выручали «Русские сезоны» от неминуемого, как казалось, краха. Именно благодаря 4 тысячам франков, которые женщина подарила Дягилеву, состоялась премьера балета «Петрушка». Без этой суммы служащие Гранд-опера отказывались выдавать русским артистам костюмы.

Друзья Дягилева только Мисе могли пожаловаться на прижимистость Дяга. «Этот грязный эксплуататор», — возмущался Лев Бакст. «Он свинья и вор», — вторил ему Игорь Стравинский. Сергей Павлович тоже изливал подруге свои обиды: «Я узнал, что мой первый сын Стравинский посвятил себя двойному служению — Богу и деньгам».

Мися всех слушала, всем сочувствовала и за все платила. На средства Серт и похоронили Сергея Павловича. В 1929 году, словно почувствовав что-то неладное, Мися вместе с Коко Шанель приехали в Венецию. Первым делом Мися отправилась навестить Дягилева и застала его уже при смерти. «Мися, как тебе идет белый цвет. Носи только его», — были последние слова Сергея Павловича.

Оплатив погребение своего друга, Мися выполнила его последнюю просьбу: на похороны на кладбище Сан-Микеле черная гондола доставила облаченную в белое платье женщину.

Саму Мисю в последний путь провожала Шанель, с которой ее связывали тридцать лет близкой дружбы. При этом в мемуарах Миси имя Коко не встречается ни разу. Таково было желание самой Шанель. «Я сама напишу о себе», — сказала она. «А тебе и писать ничего не надо, — ответила Мися. — Просто опубликуй свои бухгалтерские книги».

Однако несмотря на обмен колкостями, Шанель и Серт до последнего оставались самыми близкими людьми. Мися помогала Коко залечивать душевные раны после неудачных романов. А Шанель пришла Серт на помощь, когда обожаемый ею Хосе-Мария увлекся грузинской художницей Русей Мдивани и попросил Мисю о разводе.

Серт не только дала согласие на развод, но и помогла Хосе-Мария выбрать обручальное кольцо для Руси. Она ни на минуту не оставляла молодых супругов наедине друг с другом, дав таким образом повод для разговоров о «тройственном союзе». Мися, одинаково любя и Русю, и Хосе-Мария, признавалась, что чувствует себя «то ли тещей, то ли свекровью».

Когда Хосе-Мария Серт ушел из жизни, Мися написала в дневнике: «Вместе с ним для меня исчез всякий смысл существования». Результатом пережитого шока стала почти полная потеря зрения. Незадолго перед тем, как окончательно ослепнуть, Мися совершила последнюю поездку в Венецию, где в галерее Академии простилась с любимыми полотнами, по памяти вслух описывая то, что на них изображено.

Утешением ее последних дней стал морфий. Она в открытую употребляла наркотики, делая себе уколы прямо на улице. Однажды ей даже пришлось сутки провести в полицейском участке среди проституток и бродяг, так как ее имя было обнаружено в списке торговцев наркотиками.

Конец наступил в 1950 году. Коко Шанель пыталась вытащить подругу из депрессии, отправившись с ней в санаторий в Швейцарию. Но все уже было бесполезно.

В возрасте 78 лет Миси не стало. Незадолго перед смертью она призналась подруге: «А знаешь, жизнь все-таки не так прекрасна!»

Эпизоды Катрин Денев

Вы когда-нибудь видели женщину, которой любовь известных, привлекательных, состоятельных, талантливых, в общем, «самых-самых» мужчин доставляла одни неудобства? Думаете, нет? Ошибаетесь — видели. Потому что имя этой женщины — Катрин Денев.

Эпизод 1. Год 1963. Париж, маленькое кафе около Лувра

За столиком — молодая девушка лет двадцати. Она явно кого-то ждет, то и дело поглядывая в сторону дверей.

Убедившись, что никто пока не появился, достает из сумочки зеркальце и придирчиво рассматривает прядь белоснежных волос, то и дело выбивающихся из-под газового платка. Девушка не так давно стала блондинкой и, кажется, не вполне доверяет новомодной краске для волос, которую ей буквально насильно всучил ее возлюбленный, утверждая, что для женщины быть блондинкой — это 50 процентов успеха. А для начинающей актрисы и все 100. Был бы рядом хороший режиссер, а он — знаменитый Роже Вадим — как раз таковым и являлся.

Можно подумать, все знаменитые актрисы были блондинками. Конечно, Катрин Дорлеак восхищалась Мэрилин Монро, но была уверена, что талант актера и цвет волос никак не связаны. Смогла же она сняться вместе с сестрами Франсуазой и Симоной в кино. И ничего, ее темные волосы всех, кажется, вполне устраивали.

Всех, но не Роже Вадима, модного режиссера и супруга не менее модной Брижит Бардо, с которым Катрин познакомила сестра Франсуаза. У самой Франсуазы в то время был страстный роман с другим выдающимся режиссером — Франсуа Трюффо, так что Вадим, несмотря на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте и не отпускающую его от себя ни на шаг Бардо, с легкостью завоевал сердце семнадцатилетней Катрин. Которой и сделал сразу два предложения — сняться в его новом фильме «Порок и добродетель» и стать блондинкой.

«А вы не думаете, — спросила Катрин Роже Вадима, к которому, несмотря на близость, обращалась исключительно на «вы», — что «порок» ассоциируется все-таки с черными волосами?» «Я в этом уверен, — ответил режиссер. — Поэтому

Добродетель и должна быть блондинкой».

Совсем недавно фильм вышел на экраны. И вот у молодой актрисы уже назначено интервью с одним из самых влиятельных французских журналов.

— Бонжур, мадам. Прошу извинения за небольшое опоздание.

— Ничего страшного. Но вы ошибаетесь, я — мадемуазель.

— Вот как? А я почему-то был уверен, что вы давно мадам Вадим.

— Если вас интересует Роже Вадим, то я предпочитаю говорить о нем как о режиссере моего нового фильма…

— …и отце вашего будущего ребенка?

— Приятно было с вами познакомиться. Жаль, что вы опоздали всего на тринадцать минут. Еще бы две минуты, и я была бы лишена радости знакомства с вами.

Эпизод 2. Год 1966. Лондон. Ресторан гостиницы «Интерконтиненталь»

Метрдотель, кажется, в сотый раз дает наставления официантам и проверяет, хорошо ли накрыт стол и расставлены цветы.

Через несколько минут здесь должно произойти почти историческое событие — первое интервью английскому телевидению французской актрисы Катрин Денев, прославившейся главной ролью в фильме «Шербурские зонтики». А у жителей туманного Альбиона есть и еще один повод восторгаться красавицей-актрисой — на днях она вышла замуж за их соотечественника, известного фотографа Дэвида Бэйли.

Когда пара молодоженов появилась в дверях ресторана, ассистент режиссера смущенно спросил Катрин, как ее следует называть — миссис Бэйли, мадам Денев или — а кто ее знает — по-прежнему мадемуазель Дорлеак. Судьба оскандалившегося во время интервью французского журналиста, о которой, разумеется, были наслышаны и в Лондоне, никого не прельщала.

— Мое имя — мадам Денев. Я считаю, что в истории мирового кино должна остаться одна Дорлеак — Франсуаза. Но я еще не готова говорить о страшной аварии, унесшей Франсуазу от нас.

— Конечно-конечно, мадам Денев, мы будем говорить только о вас.

Французские газеты сообщили, что накануне свадьбы с мистером Бэйли вы получили от месье Вадима письмо. Он осуждает ваш поступок?

— Вообще, это довольно личная тема. Но так и быть, для журналистов родной моему Дэвиду Англии я открою этот секрет. В письме было всего одно предложение: «Прости, что не понимал, как дорога ты мне. Твой Роже».

— Значит, он по-прежнему любит вас?

— Когда прошла страсть, любовь между нами стала естественной. А любовь для меня важнее славы, а счастье важнее успеха.

— А как же ребенок? Мистер Бэйли усыновит Кристиана?

— У Кристиана есть отец. И его имя — Роже Вадим. Когда я приняла решение родить ребенка, я уже знала, что мы расстанемся с Вадимом, но это не имело никакого значения. Мне важен был Вадим не как муж, а как отец будущего ребенка. После долгих раздумий я решилась. И могу сказать, что счастлива. Я — мать, а мать никогда не бывает одинокой. Материнство приносит радость. Правда, оно есть некоторый вид взвешенного жертвования собой. Но, освободившись от опекунства Роже, я смогла ощутить в себе внутренние силы. Знаете почему? Потому что стала сама зарабатывать.

— Наверное, и за позирование журналу «Плейбой» вы получите неплохой гонорар? Для вас так важны деньги?

— Господа, мой английский еще не так совершенен. Поэтому давайте прервемся. На сколько? Я бы предпочла лет на десять.

Эпизод 3. Год 1980. Париж, маленькое кафе в Латинском квартале

Официант, ставя на стол очередную чашечку кофе, пытается сделать вид, что ему безразлично, кто сидит за столиком, и в то же время внимательно рассмотреть лицо потрясающе красивой женщины, которое, несмотря на прикрывающую его вуаль, кажется ему очень знакомым. Наконец, устав ломать голову, перебирая имена знакомых женщин, официант обращается к хозяину: «Кто та мадам? Нет, не та, что около окна. Мадам Лябель я и так знаю. А вот имени дамы с вуалью, убей, не могу вспомнить». «Ты что, совсем одичал? — довольно улыбается хозяин. — В кино тогда после работы сходи, что ли. Не узнать мадам Денев! Только — цыц! Никто не должен знать, что она завтракает в нашем кафе. Сама просила. Хотя было бы, конечно, здорово дать в «Фигаро» объявление — «Любимое кафе любимой женщины».

Денев действительно любила это маленькое кафе. И не только за вкусный кофе, который она наряду с сигаретами

позволяла себе в неограниченных количествах. Даже будучи беременной дочерью Кьярой, она не могла отказаться от двух (а вместо привычных пяти это почти подвиг) чашечек божественного напитка. От сигарет на время беременности Марчелло ее отучил.

Новая любовь, накрывшая Катрин во время съемок фильма «Это случается только с другими» (Мастроянни тогда как раз переживал расставание с актрисой Фэй Данауэй, а Денев — с режиссером Франсуа Трюффо, поэтому актеры смогли понять и почувствовать друг друга без лишних слов), вообще заметно изменила жизнь Денев.

Мастроянни всячески пытался переделать Катрин. Приучал ее к шумным застольям, столь дорогим и привычным его итальянскому сердцу, заставлял меньше работать и больше отдыхать. Даже подарил ей роскошную виллу в Ницце, в глубине души надеясь, что когда-нибудь эта вилла станет их общим домом. Но Катрин, отвечавшая чувствам Марчелло взаимностью, на его ухаживания реагировала довольно оригинально. Так, получив в подарок ключи от особняка на побережье, она через несколько дней вручила Мастроянни ключи от роскошного авто. «Когда ты родишь мне ребенка, я не смогу ответить тебе в твоем стиле», — шутя предупредил Катрин обладатель новенького лимузина. «А не слишком ли ты самоуверен?» — смеясь, ответила вопросом Денев. И через год родила дочь Кьяру.

Однако на предложение Мастроянни выйти за него замуж ответила отказом. «У тебя уже есть жена», — ответила Катрин. «Но она отпускает меня. А у нас с тобой растет дочь», — растерянно сказал Мастроянни, которому стоило немалых усилий добиться развода. «В той семье у тебя тоже растет дочь. И что-то менять я не вижу никакого смысла».

Поначалу они действительно ничего не меняли. Вернее, делали вид, что в их отношениях ничего не изменилось. Марчелло так же делил себя на два дома — неделю жил в Риме, неделю — в Париже. Пока однажды Катрин не сказала: «Наши отношения себя исчерпали. Прости и… прощай». И почему-то отвернулась к окну…

Мастроянни вернулся в Италию. А Катрин продолжала приходить в Латинский квартал Парижа, чтобы в одиночестве (черный парик и солнцезащитные очки изменяли ее внешность до неузнаваемости) побродить по узеньким улочкам района, где снимал квартиру Мастроянни. И где счастье было так возможно.

Катрин отпила остывший кофе и, поставив чашку на стол, поднялась. Черные очки, шляпка, вуаль — кажется, она сможет спокойно перейти улицу. В расположенном через два дома кафе Денев уже ждали журналисты.

— Мадам Денев, — начали репортеры, как только актриса присела за столик и заказала кофе. — Только что вы снялись в потрясающем фильме Франсуа Трюффо «Последнее метро». В каждой своей работе вы такая разная, такая не похожая на себя. Кто вы, мадам Денев?

— Я? Ну, для начала — мадемуазель. А еще… Эгоистка. И мой эгоизм заключается в том, что я делаю то, что мне нравится. И делаю это с интересными мне людьми. Если бы я создавала одни и те же вещи, это быстро бы мне наскучило. Поэтому главное для меня — не останавливаться на достигнутом.

— Позвольте мне, мадемуазель Денев, не согласиться с моим коллегой, заявившим, что вы во всех фильмах разная и не похожая на себя. На мой взгляд, в каждой роли есть одна вещь, которая следует за вами из фильма в фильм. Это ваша красота!

— Благодарю вас за комплимент. А знаете, — неожиданно ей вдруг захотелось поговорить, — очень долго меня считали не то чтобы робкой, а просто-напросто недалекой. Представьте хорошенькую девушку, которая ничего не в состоянии сказать — очень быстро за ней закрепляется соответствующая этикетка. Я не любила игр. Рано сама научилась читать. Больше всего любила патетичных героинь Эмилии Бронте и вздрагивала от женщин Франсуа Мориака…

— А мемуары Роже Вадима вам не попадались? Нет? Тогда позвольте, я зачту вам всего одно предложение — о вашей работе в «Пороке и добродетели». «Она была девственницей, — это месье Вадим пишет, не я, — но даже если бы и не была, то выглядела бы как девственница. А это очень сексуально».

— Вы, кажется, собирались прочесть только одно предложение. Ну да ладно. И что вы хотите услышать от меня?

— Ваше отношение к мемуарам?

— Воспоминания Роже, судя по всему, несколько пространнее того, что вы только что зачитали. А значит, мои комментарии последуют позднее. И не на встрече с журналистами, а в суде. А теперь, господа, — всего доброго. Я так и думала, что больше всего вас будет интересовать моя последняя работа.

Эпизод 4. Год 1991. Лос-Анджелес. Бар в холле пятизвездочного отеля «Четыре сезона»

Накануне очередной церемонии награждения премией «Оскар» отель полон кинозвезд, их агентов, телохранителей и журналистов. Все о чем-то переговариваются, спорят, смеются. И неожиданно как по команде замолкают. По лестнице, убранной

роскошным ковром ручной работы, спускается очаровательная женщина. Заметив, что внимание всех присутствующих обращено на нее, она обворожительно улыбается: «Бонжур, господа». Это Катрин Денев, прилетевшая в Штаты специально на церемонию «Оскара», так как фильм «Индокитай» с ее участием выдвинут на соискание главной кинопремии в номинации «Лучший иностранный фильм». Денев уже ждет съемочная группа канала CBC, купившего права на эксклюзивные интервью номинантов. Пока устанавливают камеры и свет, Денев вручают небольшой сувенир, который она принимает с дежурной улыбкой и… страхом, промелькнувшим в ее глазах. Так, по крайней мере, показалось репортеру.

— Мадемуазель Денев, этот подарок — знак нашей любви к вам и вашему таланту. Так что вы зря испугались. То есть, простите, я неправильно выразился…

— Не стоит извиняться. Я ведь действительно пугливый человек. В детстве я была болезненным ребенком, смерть матери и потом любимой сестры навсегда вселила в меня опасение, что я сама заболею и умру. Я боюсь любви, как боюсь боли. Потому что оборотная сторона любой любви — всегда боль. И в конечном счете — смерть.

— Вот уж никогда бы не подумал, что вы многого боитесь.

— А вы нет? А еще я боюсь старости. Как, впрочем, наверное, и все женщины. Было бы ложью уверять в обратном.

— Вам, наверное, известен главный секрет любви. Не поделитесь им?

— Если говорить о любви мужчины к женщине, то все очень просто. Лучший способ сохранить чувства — не выходить за него замуж.

— Кажется, у нас с вами получается классное интервью. Режиссер только что сказал мне, что камеры готовы. Давайте попробуем повторить все то, что вы только что говорили.

— Что вы, молодой человек. Это абсолютно невозможно. Я не говорю о личном. Я люблю все хранить в секрете. На мой взгляд, личное должно личным и оставаться. Бывает, что во время какого-нибудь интервью я иногда проговорюсь, скажу что-то сугубо личное. Редко случается, чтобы я потом не пожалела об этом. А за подарок спасибо. Он будет мне вместо «Оскара», который — я в этом уверена — достанется другим достойным претендентам. Для Америки я не актриса, а модель, рекламирующая Chanel № 5. А теперь давайте лучше о фильме…

Муза и кухарка
Саломея Андроникова

Она появилась на свет в Тифлисе в октябре 1888 года в семье агронома Ивана Андроникашвили и Лидии Плещеевой, внучатой племянницы знаменитого поэта, друга Пушкина.

Родись она хотя бы на пару лет раньше, ее биографию мог бы украсить факт встречи с Петром Чайковским, который был частым гостем в доме ее дяди и где даже играл на скрипке.

Впрочем, судьба и без того подарила ей знакомства и дружбу с великими. Случилось все это уже не в ее родном городе, а в Петербурге, где у главы семейства была огромная квартира на Васильевском острове. Именно там Саломея приобрела славу одной из первых красавиц.

В столицу двоюродные сестры — Саломея Андроникашвили (на русский лад ее фамилия звучала как Андроникова) и Тинатин Джорджадзе — приехали в 1906 году, чтобы поступить на Бестужевские курсы. Но главным университетом для юных грузинок стали петербургские светские салоны.

Во время одного из вечеров Саломея познакомилась с Зиновием Пешковым, приемным сыном писателя Максима Горького, который принялся за ней активно ухаживать.

При рождении Зиновий был наречен именем Иешуа Соломон. После того как юноша принял православие, его стали называть Зиновием.

Отец-гравер (кроме старшего Иешуа у него был и другой сын, вошедший в историю под именем Якова Свердлова, одного из главных соратников Ленина) не смог простить сыну предательства веры и проклял его. Тогда-то Зиновия и усыновил Максим Горький, давший ему свою фамилию — Пешков.

Молодой человек работал как секретарь Горького и даже пробовал себя на подмостках Московского Художественного театра, куда его пригласил сам Немирович-Данченко, впечатленный тем, как юноша читает пьесу Горького «На дне». Но судьбой Зиновию было предначертано совсем другое будущее…

На момент встречи с Саломеей Зиновий был беден. И замуж она в итоге вышла за богатого владельца чайных плантаций Павла Андреева, который был в два раза старше ее.

Сестра Тинатин тоже недолго оставалась в невестах. Она стала женой Сергея Танеева, чей отец возглавлял канцелярию Николая Второго. Несмотря на столь значительную должность, главным человеком в новой семье Тинатин был не свекор, а его

старшая дочь — Анна Вырубова. Та самая Вырубова, любимая подруга и доверенная фрейлина последней российской императрицы.

Получалось, что теперь одна из сестер часто проводила время во дворце (сама императрица в своих письмах Вырубовой не раз интересовалась «как там Сергей и Тина»), а другая — в светских гостиных.

Популярная в те годы писательница Надежда Тэффи писала в 1913 году: «Украшением вечеров, как всегда, была Саломея Андроникова — не писательница, не поэтесса, не актриса, не балерина, не певица — сплошное «не». Но она была признана самой интересной женщиной нашего круга».

Саломея и правда была интересным человеком. Своими неожиданными поступками она заставляла говорить о себе весь город. Чего стоили одни ее полеты на аэроплане! Она сумела уговорить знакомого летчика взять ее с собой и стала едва ли не первой женщиной, облетевшей Петербург на самолете.

Внимания Андроникашвили добивались, дружбой с нею дорожили, а о любви не могли и мечтать. Не было, пожалуй, ни одного художника, который бы не хотел написать ее портрет. Среди тех, кому это удалось, — Зинаида Серебрякова и Кузьма Петров-Водкин, Василий Шухаев и Савелий Сорин.

Анна Ахматова подарила ей книгу «Четки» с надписью: «В надежде на дружбу». А поэт Осип Мандельштам посвятил стихотворение, назвав «Соломинкой».

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нет, соломинка скорей.

Летом 1917 года из Петербурга Андроникашвили уехала в Алушту. Тогда она еще не знала, что поездка на дачу в Крым станет для нее спасительной. Влюбленный в нее адвокат Александр Гальперн сообщит в письме об отречении Николая Второго и убедит не возвращаться в Петербург (тогда столица уже патриотично именовалась Петроградом), а ехать к родителям в Грузию.

На тот момент Саломея была разведена с оказавшимся излишне любвеобильным чаевладельцем Павлом Андреевым, пытавшимся ухаживать то за кузиной жены Тинатин, то за ее родной сестрой Марией.

Адвокатом со стороны Андрониковой был петербургский юрист Луарсаб Андроников, чей сын Ираклий в будущем станет

известным писателем и телевизионным рассказчиком.

Развод с Андреевым дал возможность Андрониковой не беспокоиться о хлебе насущном: она получила от мужа солидное содержание и огромную квартиру в центре Петербурга.

Правда, теперь возврата к прежней жизни уже не было.

А потому Гальперн был уверен, что в Грузии свершится его счастье, и Саломея наконец станет его женой. Но судьба в который раз распорядится иначе.

После большевистского переворота в России Грузия получила независимость. В качестве посла Франции при меньшевистском правительстве Грузии в Тифлис приехал майор Зиновий Пешков. Тот самый, который столь безуспешно ухаживал за Саломеей в Петербурге. Теперь он был кавалером французского ордена Почетного легиона. Как владеющий русским языком, Пешков был идеальной кандидатурой для работы политическим консультантом Верховного комиссара Франции.

Между Саломеей и Зиновием вновь возник роман. Однажды французский дипломат сумеет даже вызволить Андроникову из харьковской тюрьмы. Правда, не благодаря своему положению, а при помощи Максима Горького. Узнав о том, что на пути в Тифлис Саломею арестовали в Харькове, он даст приемному отцу телеграмму: «Отец, звони Ленину, Троцкому или самому Карлу Марксу! Но Саломея Андроникова должна быть освобождена». Неизвестно, кому из трех адресатов сумел дозвониться пролетарский писатель, но грузинская красавица была освобождена и благополучно приехала в Тифлис.

Когда в Грузию готовилась войти Красная армия и независимость молодой республики вот-вот должна была пасть, Пешков снова придет на помощь Андрониковой и пригласит ее поехать с ним в Париж. Поехать просто так, чтобы купить, например, новую шляпку.

— Но у меня с собой даже нет документов, — растерялась Саломея.

— Зачем вам документы, когда у вас есть я, — успокоил ее будущий генерал Франции.

И Саломея согласилась — и поехать, и стать гражданской женой дипломата.

До французского корабля влюбленные добрались на простой шлюпке. Когда матросы отказались поднять на борт не имевшую документов грузинку, Зиновий Пешков достал револьвер и добился того, чтобы его Саломея все-таки взошла на корабль…

«Как всякая обыкновенная аристократка, я не хотела ни о чем глубоко задумываться. И покатила», — будет вспоминать она спустя годы о своем отъезде из Грузии. Она действительно тогда

не задумывалась ни о чем. Поэтому, наверное, и оставила в Батуми свою дочь Ирину, которая только через несколько лет смогла присоединиться к матери.

В Париже Саломея поселилась в районе Елисейских полей на улице Колизе и стала работать в журнале мод. А вскоре все-таки вышла замуж за Александра Гальперна. Его, как секретаря Временного правительства, выслали из России, и он тут же приехал во Францию. Семейная жизнь не мешала Саломее переписываться с Зиновием Пешковым. Бывший гражданский муж писал Андроникашвили отовсюду. И неизменно подписывался: «Целую тебя от всего сердца и от всей моей старой и любящей тебя души».

В столице Франции Саломея познакомилась с Мариной Цветаевой. Между двумя женщинами сразу же завязалась самая трепетная дружба. Именно грузинская красавица стала спасительницей гениальной русской поэтессы от нищеты. Из тысячи франков, которые Саломея получала за работу в модном журнале, четыреста она отдавала Марине. Ей же посылала одежду и обувь, из-за чего та называла себя ее «иждивенкой».

В одном из своих писем Саломее Цветаева писала: «Дорогая Саломея, большая просьба: не могли бы Вы дать мне вперед половину иждивения или, если нельзя, франков двести. Я рассчитывала на деньги за статью, а там задержка.

Мне очень совестно беспокоить Вас, особенно в неурочный срок…

Целую Вас. МЦ.»

Из переписки Андроникашвили и Цветаевой вообще может получиться отдельная книга. Саломея сохранила более трех десятков писем Марины Цветаевой, которые, когда стало возможно, вернула дочери поэтессы Ариадне Эфрон. Та, по согласованию с Саломеей, сдала их в Центральный архив литературы и искусства в Москве.

«3-го окт. 1920 г. Дорогая Саломея! Огромное спасибо за чудные чулки, — как раз по мне и уже на мне. Ходила вчера за ними на почту под отъездный колокольный звон».

Последнее письмо Цветаевой к Андроникашвили и вовсе можно считать прижизненным памятником ее адресату, лучше всяких портретов и воспоминаний объясняющего уникальность Саломеи.

«Милая Саломея, письмо не кончается, оно единственное, первое и последнее от меня (во всем охвате вещи) к Вам (во всем охвате — Вашем, которое знаете только Вы)…

Милая Саломея, лучше не отвечайте. Что на это можно ответить? Ведь это не вопрос и не просьба — просто лоскут неба

любви. Даю его Вам — вы ответ на все целое, которое в том (уже — там!) сне дали мне — Вы.

Знаю еще одно, что при следующей встрече — через день — или через год и день (срок для найденной вещи и запретный срок всех сказок!) — на людях, одна, где и когда бы я с Вами не встретилась, я буду (внутри себя) глядеть на Вас иначе, чем все эти семь лет глядела, может быть, вовсе потуплю глаза — от невозможности скрыть — от безнадежности сказать».

Вскоре Цветаева вернулась в Советскую Россию и больше их пути с Андроникашвили не пересекались…

За несколько дней до начала Второй мировой войны проницательный Гальперн предложил Саломее и ее дочери Ирине перебраться подальше от охваченной войной Европы. Однако в Америку с ним согласилась поехать только Андроникашвили. Ирина, состоявшая в рядах коммунистической партии Франции, осталась в Париже. Где была арестована фашистами и чудом уцелела в концлагере.

В 1945 году Гальперн получил назначение в Лондон и семья переехала в Англию. Когда в конце жизни Александр признает себя банкротом и будет вынужден продать дом, он выставит условие: его жена должна жить там до своей смерти. Новый владелец особняка, знаменитый писатель и философ Исайя Берлин, согласится на это.

Кстати, когда в конце пятидесятых годов Берлин окажется в Ленинграде и случайно сможет попасть в дом Анны Ахматовой, первой темой их разговора станет именно Саломея Андроникова.

— Она еще жива? — удивится великая поэтесса, когда англичанин поведает ей о том, что в его доме живет грузинка из Петербурга. Реакция самой Андрониковой на рассказ Берлина о встрече с Ахматовой будет похожей. В Лондоне Саломея продолжала вести светскую жизнь — принимала гостей, устраивала приемы. Но даже когда она оставалась одна, к ужину неизменно спускалась в вечернем платье. Среди ее друзей была жена английского премьер-министра Уинстона Черчилля и актер Питер Устинов. Самой же близкой подругой стала баронесса Будберг, бывшая муза и гражданская жена Максима Горького.

Как-то две женщины получили приглашение прокатиться на яхте миллиардера Аристотеля Онассиса. Восхищенная обивкой розового дивана в салоне, Саломея спросила, из какой кожи она изготовлена. И получила от Аристотеля не совсем литературный ответ.

В Лондоне под присмотром Андроникашвили учился Шалва Зданевич, сын поэта Ильи Зданевича, который в начале века был влюблен в Саломею и с которым она, как и со всеми бывшими

мужчинами, сохранила добрые отношения. Тем более что все ее возлюбленные были людьми исключительными. Об Андроникашвили Зданевич оставил такие строчки:

На улице парижской Колизея
Жила годов пятнадцать Саломея.
Порядок домовой 4 дважды,
Прохожий, снимите шляпу каждый.

Илья Зданевич был не просто поэтом и писателем. В течение нескольких лет он создавал эскизы тканей для Дома Шанель, а после был его директором. Он стал одним из первых, кто сумел открыть гений Пиросмани и попытался облегчить жизнь погибающего от нищеты грузинского живописца.

Узнав о том, что его Саломея вышла замуж, Зданевич тоже решил жениться. Его избранницей стала принцесса Нигерии, которая родила ему сына. Юный Шалва переехал в Англию, а его мать умерла вскоре после освобождения из фашистского концлагеря…

В конце пятидесятых годов стало возможным общение с родственниками в Советском Союзе. В Тбилиси у Саломеи жила родная сестра Мария.

«Мария родилась в 1892 году, — рассказал мне племянник Андроникашвили Илья Ломидзе. — Вообще все Андроникашвили прожили достойную жизнь. Мать Саломеи, Лидия Плещеева, прожила почти 100 лет.

Мария впервые увидела сестру только в 60-х годах. В те годы встречи с иностранцами, а тем более выезд за рубеж были весьма проблематичными. Марии помог племянник Константин, сын их с Саломеей родного брата Яссе, который вместе с матерью в 1916 году уехал в Париж».

Тогда же, после смерти Сталина, стало известно о трагической гибели родного брата сестер Андроникашвили — Яссе. В тридцатых годах Саломея через знакомого, направлявшегося в Москву, передала для брата письмо. Которое, как оказалось, стало основанием для ареста Яссе, обвинения в шпионаже и расстрела.

А его сын Константин Андроникашвили (во Франции он известен как Константин Андроников) окончил Сорбонну и работал переводчиком сразу у трех президентов Франции. В 1967 году он приезжал в СССР с Шарлем де Голлем, в 1973 году принимал во Франции Леонида Брежнева и присутствовал на его переговорах с Жоржем Помпиду, а затем работал в аппарате у Жискара Д'Эстена. Собственно, через Константина и удавалось

поддерживать связь с Саломеей.

«Когда Константин во время хрущевского правления приехал в СССР и сказал, что хочет поехать в Тбилиси, где живут его родственники, все были в шоке — никто не знал, что у советника президента Франции есть родственники в СССР, — вспоминает Илья Ломидзе. — Здесь его принимали на высшем уровне, включая представителей заинтересованных органов. Благодаря Константину Марии Андроникашвили потом удалось выехать в Париж, увидеться с Саломеей и начать переписку».

Сама Саломея в конце жизни увлеклась кулинарией и даже выпустила книгу рецептов. «Всю жизнь думала, что я — муза, а под старость поняла, что на самом деле — кухарка», — шутила она. Когда же разговор принимал серьезный характер, Андроникашвили признавалась, что одной из главных ошибок ее жизни стал отъезд из Грузии. «Я совершила глупость, что оставила родину в такой трудный момент».

Она пережила почти всех. Уже не было на свете ни Александра Гальперна, ни генерала армии Франции Зиновия Пешкова. Даже оказавшаяся такой же долгожительницей, как и она, подруга императрицы Анна Вырубова, сумевшая выбраться из революционной России и стать монахиней в Финляндии, в возрасте 80 лет покинула этот бренный мир.

Андроникашвили категорически отказывалась писать книгу воспоминаний. О своей жизни Саломея немного рассказала лишь в письмах Папуне Церетели, который стал инициатором их переписки.

«Мать моя русская (Плещеева) была женщиной удивительной, вполне незаурядной. Воспитывались мы ею в русских традициях. Отца любили, любовались им, но он в нашем воспитании никакого участия не принимал. Я — старшая — выдалась наиболее русской. И хотя физически в отца, нравом и характером очень похожа на мать.

Сестра Машенька (Маруся) гораздо более грузинка. Яссе — брат — половинка на половинку. Все трое мы были очень связаны. Любили друг друга и были близки и дружны. Я — старшая — их пережила.

Я прожила почти 90 лет и, следовательно, надо готовиться к смерти. Завещание мое очень простое — ВСЕ, что у меня есть, что мне принадлежит, оставляю моей дочери. Упоминаю в завещании, что мой портрет Серебряковой завещаю Грузии (условие: музей должен сам озаботиться получением портрета, оплатить надлежащие налоги (если таковые требуются) и переслать в Тбилиси. Срок — 3 месяца. О моей смерти моя дочь сообщит министру культуры Грузии.

Слепок моей руки, сделанный стариком Гинсбургом, постарайтесь получить от моих родственников тоже для музея… Тот, что принадлежал мне, остался в Петербурге, в моей квартире, как и все мне принадлежащее. Все это было растаскано, распродано моими друзьями, а то и уничтожено в тяжелые годы Петербурга. Ни оплакивать, ни вспоминать не стоит. Прожили бурную и неповторимую (не так ли?) эпоху…

Поваренную книжку я действительно написала, почти как шутку, в пору, когда мы в Лондоне были сурово ограничены военным пайком. Однако там я давала рецепт чахохбили. Курицу все же можно было купить. Вместо масла — маргарин. Яйцо полагалось ОДНО в неделю на человека. Выворачивались.

Книжку уже давно нельзя купить. А мой экземпляр (авторский) кто-то зачитал. У меня больше НЕТ моей же книжки.

…Живу я в Англии, где мало эмигрантов из России. Не так как в Париже, где их засилие. Тэффи (тоже моя давняя приятельница) говорила, что в Пасси (часть Парижа) некий француз покончил с собой в тоске по родине. Я очень любила Париж, где прожила 18 лет, который очень изменился в наше столь вульгарное время и который больше не люблю. Лондон — последний барский (относительно, конечно, т. к. «наша» эпоха и его коснулась) город. И я его люблю. Здесь можно жить очень спокойно и даже красиво и по-человечески.

ТАК я и живу. В доме совершенно прелестном с большим садом, окруженном большими деревьями, без телевизора и даже без радио. Ненавижу эти говорящие коробки. Зато читаю.

…Я не хочу со всеми моими картинами и книгами расстаться ДО моей смерти. Смерть недалека, ибо мне 90 лет! Хотела бы жить вечно, но это заказано натурой…

Никто не верит в мой возраст, который я не скрываю. Отличная фигура, и говорят, что я красива!! Подумайте!! Какие чудеса. Выгляжу лет на 70, все могу, все ем, все пью и собираюсь жить лет до ста…

Все, все умерли, а я вот все жива. И не хочу умирать…»

Она уехала за границу из Тифлиса и никогда не бывала в Тбилиси. Но в свой родной город Саломея все же вернулась. Благодаря той самой работе Зинаиды Серебряковой, которую она завещала Грузии. Кстати, в свое время именно Андроникашвили помогла художнице в 1926 году выехать из Советской России в Париж и спасла ее от голодной смерти.

Другой портрет Саломеи, работы Александра Яковлева, был выставлен на аукцион Сотбис в Лондоне, приобретен графом Лобановым-Ростовским и передан в музей Марины Цветаевой в Москве.

Свой портрет кисти Петрова-Водкина Андроникова еще в 1970 году подарила Третьяковской галерее в Москве. Сегодня он выставлен в постоянной экспозиции наравне с портретом Андрониковой работы Василия Шухаева.

…В последние годы жизни Саломея жила одна. Ее племянник, сын Константина Андроникова Марк, рассказывал мне, что несмотря на свой солидный возраст Андроникова находилась в хорошей форме.

«Только очень плохо слышала и все время возилась со слуховым аппаратом. Жила она достаточно скромно и все время сдавала комнату на верхнем этаже своего дома».

Последний раз она устроила большой прием в честь своего 90-летия. «Трагедия моей старости в несоответствии желаний и возможностей», — произнесла она в ответ на тост одного из друзей.

Ни в Грузию, ни в Россию Саломея так и не смогла приехать. Когда в очередной раз она получила приглашение от писательницы Ларисы Васильевой, навестившей ее в Лондоне, она ответила:

«Нет, и не уговаривайте меня слетать в Россию туристкой. Знаю, знаю, встретите, обласкаете. Но как подумаю, что утром проснусь в Петрограде — Ленинграде и вокруг русская речь — у меня уже здесь сердце разрывается. А что там будет? Умру от счастья…»

8 мая 1982 года лондонская «Таймс» сообщила о смерти Саломеи Андроникашвили, «последней из самых блистательных женщин» и «одной из самых известных красавиц эпохи Серебряного века».

Согласно завещанию легендарной женщины, ее прах был развеян над Трафальгарской площадью Лондона…

Часть пятая
Эпоха большой любви

Киномама
Актриса Любовь Соколова

Несколько лет назад писательница Виктория Токарева закончила работу над повестью «Дерево на крыше». В ее основе — история актрисы, которая полюбила режиссера, родила от него сына, а потом осталась одна…

Сведущие в жизни киношного мира легко узнали в главной героине актрису Любовь Соколову, а в режиссере — ее гражданского мужа Георгия Данелию. И хотя писательница своим героям дала другие имена — Вера и Александр, в повести даже использованы некоторые выражения Соколовой, которыми та рассказывала о событиях своей жизни.

Прототип одной из героинь сочинения — сама писательница. О романе Токаревой и Данелии говорила вся Москва. Не скрывала эту историю и Любовь Сергеевна.

Она вообще была открытым человеком. И безусловно любимой всей страной актрисой. В повести Токаревой несчастную жену увлекающегося режиссера тоже обожают миллионы.

Вообще, удивительно — она появлялась на экране всего на несколько минут, а ее запоминали.

Любовь Соколова играла в основном матерей главных героинь — и в «Иронии судьбы…», и в «Самой обаятельной и привлекательной», и в «Доживем до понедельника».

Всех картин не перечислишь — Соколова снялась более чем в трех сотнях фильмов и, справедливости ради, достойна записи в Книге рекордов Гинесса. Всего три главные роли и сотни эпизодов. При этом Соколова никогда не оставалась незамеченной. Не зря про нее говорили — появляется в «мелочах», но каждая из них — «золотая».

Удивительно: Любовь Сергеевна была очень открыта, даже можно сказать — разговорчива, но никто не догадался подробно записать ее воспоминания. Я, увы, не стал исключением.

Соколова была одной из моих первых собеседниц. Очень мне нравилась эта актриса. Наверное, я и сам воспринимал ее, если не как свою киномаму, то уж кинобабушку точно. Тем более что Любовь Сергеевна и правда была похожа на мою бабушку. А потому я очень хотел взять интервью именно у нее.

Нас познакомила Лидия Смирнова, тоже знаменитая актриса, народная артистка СССР, легендарная сваха из «Женитьбы Бальзаминова». Узнав, что я хочу побеседовать с Соколовой, Смирнова тут же набрала телефонный номер своей подруги,

организовала встречу и предупредила: «Имейте в виду, после аварии Люба стала немного странной».

Не забуду, как на следующий день позвонил в дверь квартиры Соколовой и вздрогнул, когда мне открыли. Передо мной стояла та самая киномама, какой она представала с экрана. И казалось, что с этого самого экрана она только что и сошла.

Мы виделись с ней только один раз, но забыть тот вечер не могу до сих пор.

Любовь Сергеевна жила в небольшой однокомнатной квартире на последнем этаже киношного дома возле станции метро «Аэропорт».

Помню, в лифте встретил народного артиста СССР Ивана Рыжова, любимого актера Василия Шукшина (он сыграл в фильмах «Калина красная» и «Печки-лавочки»), Иван Петрович практически ничего не слышал, а потому наш короткий диалог был довольно непростым.

Но меня буквально возродила улыбка Любови Соколовой. Ей тогда было уже хорошо за семьдесят, но о возрасте хозяйки дома думалось в последнюю очередь. Вообще, Соколова и фраза о годах — это вещи из разных опер. Не потому, что она как-то особенно молодо выглядела или следила за собой. Просто Любовь Сергеевна была Актрисой, а в этом случае календарь не имеет никакой власти.

На подоконниках стояли горшочки с цветами, которые Соколова принесла из Кремля. Как-то Наина Ельцина пригласила ее на обед вместе с другими легендарными женщинами кино. И во время экскурсии по зимнему саду Любовь Сергеевна не удержалась и попросила отростки.

Вспоминая сегодня наш разговор, я не удивляюсь откровенности Соколовой. Хотя, казалось бы, барьер с начинающим журналистом можно вполне оправдать — народная артистка СССР и прочее, прочее, прочее, Любовь Сергеевна была обожаема миллионами и по праву могла позволить себе «звездные моменты». Впрочем, тогда, наверное, ее и не любило бы столько зрителей… А ее любили — за простоту, талант. И, наверное, за то, что ей самой довелось пережить слишком много.

— Мой первый муж, Георгий Араповский его звали, погиб во время блокады Ленинграда. Я сумела добраться из блокадного города до Москвы, причем без пропуска, что в 1943 году было строжайше запрещено. Добилась встречи с тогдашним главным киноначальником Большаковым, который распорядился принять меня во ВГИК. Полмесяца ехала до Алма-Аты, где находился эвакуированный институт. И стала учиться на курсе у Ольги

Пыжовой и Бориса Бибикова. В 1948 году вышел мой первый фильм — «Повесть о настоящем человеке».

Мне везло на встречи с прекрасными людьми. Меня привечал сам Сергей Апполинарьевич Герасимов.

Но самой важной считаю встречу с Николаем Чудотворцем. В день моего рождения это случилось, только-только война началась. Такой он был, знаете, в кепочке, с бородкой. Сказал мне: «Хлеба будешь есть по чуть-чуть, но жива будешь. А зовут меня — дядя Николай». Когда я свекрови о том разговоре рассказала, она сразу догадалась, кто это был. Я и не придала значения ее словам. Лишь когда блокада началась, я о том человеке стала часто вспоминать. И, видите, выжила.

Любовь Сергеевна не боялась смерти. Когда в одной из медицинских клиник ей сказали о необходимости сделать операцию на сердце (коронарное шунтирование) и выставили при этом солидный счет, актриса отказалась: «Таких денег у меня нет, а просить не стану. Сколько Бог даст, столько и проживу».

Сидя в комнате ее уютной квартиры, мы говорили обо всем. Конечно же, я не мог не спросить об отношении актрисы к негласному титулу киномамы, которым ее величали.

— Первым так окрестил меня режиссер Ниточкин. Помню, во время съемок услышала за спиной: «Ну где же наша всесоюзная киномама?» Поначалу и не подумала, что про меня это. А потом так и приклеилось. Называли и «всесоюзной», и «вселенской». Только не забывайте, что я еще и кинобабушка.

О своих работах в кино Любовь Сергеевна говорить как-то не очень любила.

«Да я всех своих ролей и не помню. Сколько их было? Сотни три, наверное, наберется».

Одним из своих самых любимых фильмов считала «Доживем до понедельника» Ростоцкого, в котором сыграла эпизодическую роль матери непутевого ученика, которую вызывает в школу герой Вячеслава Тихонова.

— Я настолько отдалась работе, что потом два дня голова просто раскалывалась. По сценарию должна была дать сыну подзатыльник. Мальчишечка снимался такой забавный. Перед тем как режиссер скомандовал «Мотор», мальчонка попросил меня: «Вы не очень-то дуплите, ладно?» Думал, наверное, что я ему в кадре голову оторву.

Странно, но Соколова, будучи прирожденной актрисой, никогда не стремилась к главным ролям. Мало того, едва не бежала от них. Сама она объясняла это тем, что должна была заниматься семьей и надолго отлучаться из дома просто не могла.

При этом Любовь Сергеевна никогда не бралась за отрицательных персонажей.

«В жизни и так много плохого, а тут еще на себя такой груз вешать».

Она и в реальной жизни была сугубо положительной. Наверное, никто не вспомнит, чтобы у Соколовой на людях было плохое настроение. На лице всегда улыбка, в глазах — озорной блеск. Не зря Сергей Герасимов называл ее Соловей-разбойник.

— Конечно же, я оптимист. Ведь я пережила блокаду, а это… Жила в Ленинграде, в сороковом поступила в институт на актерский факультет к Герасимову. В институте встретила будущего мужа. В мае расписались, а в июне — война. А потом обрушилась и блокада… И не думала, что выживу. На Фонтанке садилась умирать — не смогла… В этой блокаде потеряла мужа — красавец был, высоченный, Черкасова дублировал. Схоронила свекровь. После такого мне теперь ничто не страшно. Был бы хлеб, а остального человек сам добьется, если есть здоровье.

Личная жизнь у народной любимицы так и не сложилась. Ее вторым мужем стал начинающий тогда свой путь кинорежиссер Георгий Данелия. Они познакомились в 1958 году на съемках фильма «Хмурое утро».

— Поначалу мне никаких отношений не хотелось. Но не влюбиться в Георгия Николаевича было невозможно. А какая у него была замечательная мама! Мери Анджапаридзе, родная сестра знаменитой грузинской актрисы Верико Анджапаридзе, оказалась чудной свекровью. Мы ведь жили одной семьей — я переехала в их квартиру на Чистых прудах. Мы очень дружили.

Семья была для меня на первом месте. Несколько раз я отказывалась от главных ролей, не представляла, как смогу оставить дом и уехать на съемки. А через год у нас родился сын Коленька.

Когда у Георгия Николаевича начался роман с писательницей Викторией Токаревой (они вместе работали над сценариями фильмов «Джентльмены удачи» и «Мимино». — Прим. И.О.), именно Мери убедила меня закрыть на это увлечение глаза. Ради

семьи. И оказалась права, все закончилось.

Ну а потом у мужа появилась другая женщина. У целительницы Джуны он познакомился с нею. В итоге мы расстались. Я ничего не сказала мужу, поцеловала в щеку и отпустила. А сама перебралась жить к маме, она в этой квартире на Черняховского оставалась. Так все и закончилось…

Любовь Сергеевна прочитала мне стихотворение, которое написала вскоре после расставания с Данелией. Романс на свои стихи Соколова потом исполняла во время творческих вечеров («Полюбила его навсегда, навсегда я его полюбила, и добра я была и верна, это было давно, давно это было»). Увы, я дословно тех строк не запомнил. Сочинение Соколовой было простым, самодеятельным.

Но от души, таким же, как посвящение своему соседу Ивану Рыжову.

Его строки могу процитировать, ибо записал:

Я Ване позвонила.
А он обрадовался и сказал:
«Сейчас приду, моя любимая!»
Поднялся на восьмой этаж
И мне блины принес —
Вкусные, горячие, с вареньем…
«Сейчас же кушай, радость ты моя!»
И я обрадовалась и с вдохновеньем
Всю эту кучу сожрала!
Спасибо, Ванечка, ты никогда не забываешь.
Придешь, бывало, и порадуешь меня…

В 26 лет при «загадочных обстоятельствах», как говорила сама Соколова, погиб их сын Коля. Его нашли мертвым с телефонной трубкой в руке. К счастью, в 17 лет Коля женился и у него успела родиться дочь.

Внучка и оставалась единственным утешением для Любови Сергеевны. В ней бабушка пыталась воспитать главные, на ее взгляд, человеческие качества — терпение и выдержку.

— Без этого сегодня не выжить. Иной раз смотрю на людей и плачу: так их жалко. Готова выйти и как те, кто 600 лет назад преградил дорогу воинству Тамерлана, крикнуть: «Люди, остановитесь! Что вы делаете?» Не понимаю, как можно убивать себе подобного? Ведь каждый человек настолько красив!

У Любови Соколовой действительно был ангел-хранитель. Пережив блокаду, она могла погибнуть в октябре 1994 года, когда автомобиль, в котором она вместе с подругой, актрисой Майей Булгаковой, ехала на встречу со зрителями, попал в страшную аварию. Водитель и Булгакова погибли. А Любовь Сергеевна очнулась в больнице.

Когда интервью было закончено и я собрался уходить, Любовь Сергеевна удивленно спросила:

— А как же чай? Я специально перед вашим приходом в магазин сбегала, пирожных купила. Да такой забавный случай вышел. Я по пути зашла на рынок и взяла десяток яиц. Прихожу домой, а в пакете на два яйца больше. Ошибся продавец, думаю, и понесла лишние яйца обратно. А оказалось, он нарочно так сделал. Подарок, говорит…

Соколова признавалась, что в последнее время с удовольствием перечитывала Чехова. Ей нравился монолог Ольги из «Трех сестер», которую она играла в Театре киноактера: «Пройдут годы, мы уйдем, нас забудут, забудут наши имена, голоса. Но наши страдания перейдут в радости для тех, кто будет жить после нас. Если б знать, если б знать…»

Любови Сергеевны Соколовой не стало в 2001 году. Ее похоронили на Кунцевском кладбище, рядом с могилой сына…

Завершить этот короткий рассказ о светлой женщине и актрисе хочу строками из открытого письма Ни Савиной (они вместе снимались в фильме Андрея Кончаловского «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж»), опубликованного в 1968 году в журнале «Советский экран»:

«Судьба свела нас на съемочной площадке картины «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж». В деревне под Горьким мы прожили три месяца в одной хате. Усталая, измученная поездками, пораженная личным горем — теперь можно на «ты», — ты почти никогда не думала о себе. Не встретила нерасторопная администрация — ты приехала на перекладных: успеть в кадр! Даже жаловаться ты не умела…

Я прожила до тебя в доме две недели и от тебя первой узнала о судьбе хозяйки и шести ее детях. Ты восхищалась ею, ты была своим человеком в этом доме, ты успевала отругать меня, и пожалеть, и покормить, ты болела за туфли для Сони — дочери хозяйки, и за лекарство для кого-то в деревне, и за режиссера, которому многие, и я в том числе, портили нервы и работу. Я

увидела человека, так полно, так безраздельно отдающего себя людям, и тогда по-настоящему поняла тебя на экране. Ты не подлаживалась к «народу», ты вошла в него как часть неотделимая. Ты в фильме — «как сто тысяч других в России», и все же — ты единственная, ни на кого не похожая. Ты приносишь хлеб на стол, пьешь первую рюмку, запеваешь старинную «Во субботу, в день ненастный…» А когда-то так же основательно и терпеливо, как теперь режешь хлеб, выносила на себе раненых и стирала бинты… И когда провожают в армию молодых ребят, когда пляшут и поют, ты смеешься, смотришь и вдруг, рыдая, выходишь, протискиваясь из толпы. Я никогда не смогу забыть этот кадр. Объяснять его — кощунство, это нельзя объяснить. Это надо почувствовать… Ну вот, я призналась публично в любви к твоему большому таланту, творческому и человеческому. Теперь буду ждать новой роли»…

Новые роли у Соколовой были. И самое главное, что они остались…

Диалоги о любви
Писательница Виктория Токарева

Я люблю книги Виктории Токаревой.

Не скажу точно, какая повесть или рассказ писательницы влюбили меня, но имя автора, кажется, присутствовало в моей жизни всегда.

Слава к Токаревой пришла сразу же после выхода в свет ее первого рассказа «День без вранья». За ним последовало еще множество замечательных произведений, сценарии к фильмам «Джентльмены удачи», «Мимино», «Шла собака по роялю».

Токареву часто называют «писательницей для женщин». Не думаю, что это действительно так. Ведь главная тема всех ее книг — любовь — пола не имеет и близка всем без исключения.

Почти круглый год писательница Виктория Самойловна живет на даче, куда вход посторонним категорически воспрещен. Все мои попытки напроситься в гости оканчивались ничем. Лично познакомиться со знаменитой писательницей, которая очень редко дает интервью, удалось лет десять назад на фестивале «Киношок».

Во время гуляний в одной из казачьих станиц Токарева неожиданно предложила: «Ладно, давайте поговорим. Где? А вон какие кусты шикарные».

И правда, мы уединились за небольшим столиком, укрытым в зарослях дикого винограда.

— Какая разница, где разговаривать, — было бы о чем. Дома мне не до бесед. Там я должна работать, а значит — «идти на погружение». Я потому и не готовлю. Этим надо заниматься утром, а с одиннадцати до двух я как раз сажусь за свой стол. После этого рука сама останавливается, и дальнейшая работа теряет смысл. А если я в это время буду резать свеклу, морковку и картошку для борща, то будет уже не до сочинительства.

— А во что вы одеты, для вас важно?

— Мне довольно трудно одеться, потому что в нормальных магазинах у меня последний размер. А он не всегда бывает. В магазинах для толстых я слишком худая. Поэтому я одеваюсь в Швейцарии. Раз в два года выезжаю туда — у меня уже есть свои места — и закупаюсь по полной программе. Дешевую одежду не люблю в принципе — она плохо сидит, мало носится. К тому же такую одежду противно носить. То, что я езжу в Швейцарию и

покупаю там дорогие вещи, — это комплекс. Мы все совки. Мое поколение выросло при советской власти, когда ничего было невозможно купить. Было слово «достать». Сейчас я рассчитываюсь за свое прошлое.

— У вас много комплексов?

— Достаточно. Всякое творчество — комплекс. Человек без комплексов — либо больной, либо скучный. Комплексы — это то, что движет душой.

— Художник должен быть уверен в себе или, наоборот, сомневаться?

— Однажды я прочитала у Рене Клера — это французский режиссер — замечательную фразу: «Никогда не бойся провалиться». Меня это ужасно вдохновило.

— Сегодня вы в себе абсолютно уверены?

— Главное, о чем я беспокоюсь, — это то, чтобы мне захотелось сесть за стол. Чтобы было желание труда. В чем конкретно выражается талант? В желании труда.

— Невзирая на вознаграждение?

— Вознаграждение к творчеству не имеет никакого отношения. Это другое. Известна фраза: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Все зависит от того, сколько ты стоишь.

— Вы себе цену знаете?

— Да, я, пожалуй что, себе цену знаю. Примерную. На моем дне рождения Сергей Михалков сказал замечательный тост: «Пишут-то все, но ее хотят читать». Хотят купить и прочитать. А если хотят купить, значит, что-то происходит. А что происходит? Я происхожу. Токарева. Словосочетание «Виктория Токарева» имеет большой рыночный спрос.

— Значит, ваше имя — «победа» — оправдывается?

— Бывает так называемая судьба-катастрофа. У моего отца было так. Он умер в 36 лет, а заболел, когда ему было 31 год. Это судьба-катастрофа. Мне было тогда 7 лет. Может, мне воздается за раннюю смерть моего отца? Он совсем ничего не получил, и мне было дано немножко побольше.

— Вы себя ощущаете учителем жизни?

— Писатель — всегда немножко учитель, проповедник. Поэтому поднятый палец обязательно существует в этой профессии. Но задача хорошего писателя — этот поднятый палец убрать. А то из-за пальца книгу не купят. Для меня интересно — значит легко. Поэтому я пишу в день только две страницы, а на другой день переписываю эти две страницы. Тогда это будет легко. И когда меня читаешь, то полное ощущение: «Ой, и я так могу. Как просто».

— А вы какие книги, каких писателей предпочитаете?

— Скажем так — направление Довлатова мне гораздо интереснее направления Набокова. Довлатов ничем не перегружает. Как Пиросмани в живописи.

На фестивале среди гостей была и писательница Людмила Петрушевская, в компании с которой Токарева, кажется, только и появлялась. А как же ревность? — спросил я Викторию Самойловну. И услышал в ответ, что настоящие таланты не завидуют. Они восхищаются. Я это запомнил.

— Что для вас в человеке самое страшное?

— Меня пугает, когда человек готов на преступление. Самое страшное в человеке — это отсутствие страха преступить. Он должен иметь внутреннюю границу. До каких пор он может дойти и остановиться. Где он остановится — это самое главное. Страх преступить — это страх, который мы и называем совестью. Это благородный страх. Я думаю, что страх преступить — значит остановиться там, где ты начинаешь посягать на чужое — жизнь, территорию.

— А вы многого боитесь?

— Одного — если я открою дверь ключом, толкну, а там будет стоять человек с направленным на меня револьвером. Прямая угроза моей жизни и угроза жизни родных меня пугает.

— А критики не боитесь?

— А меня все близкие критикуют. По всем параметрам. Кроме внука. Он меня уважает. Когда я однажды испекла капустный пирог к их приезду, он попробовал, а потом сказал: «Чем печь плохие пироги, лучше пиши хорошие рассказы». Он такой демагог, с ним совершенно невозможно разговаривать. Но при этом он очень умный человек, с врожденным чувством справедливости.

— Как складываются ваши взаимоотношения с деньгами?

— Как сказал Жванецкий: «Поначалу я бываю жаден. Потом мне становится стыдно за это чувство, и я начинаю деньги тратить». Вообще же я уважаю финансистов. Это не только люди, которые умеют считать деньги. Они видят, где их можно поднять с земли.

— Вы завидуете кому-нибудь?

— Ревность и зависть — это чувства, которые посещают дилетантов. А профессионалы не ревнуют и не завидуют, они восхищаются.

Наш следующий разговор с Викторией Токаревой случился

несколько лет спустя. Но тоже на фестивале, в этот раз — сочинском «Кинотавре». В этот раз мы говорили, удобно расположившись за столиком в прибрежном ресторане. Заказали по чашечке турецкого кофе и… Виктория Самойловна неожиданно спросила мое имя. Я напомнил о нашей встрече в кубанской станице. Писательница улыбнулась: «Теперь запомню. И буду за вами следить».

Тема беседы — любовь — тоже не отличалась оригинальностью. Но, в конце концов, кого расспросить про таинства этого чувства, как не Викторию Токареву. Правда, она этому удивлялась.

— А почему вы меня про любовь спрашиваете? Я что, гуру?

— У вас столько книг про любовь — вы должны о ней знать все. На ваш взгляд, это подлость, когда ты позволяешь себя любить, сам при этом не любя?

— Есть один французский фильм о мужчине, который своей любовью погубил любимую женщину. Правильно ли позволять любить себя из милости? Я таких отношений не встречала. Иногда женщина, не получая того максимума, что ждет от жизни, не встречая своей великой любви, идет на компромисс и общается с человеком, которого любит вполсилы.

У меня всегда была мечта изобрести компьютер, который выдавал бы человеку его половинку. Ведь это же Бог разделил людей на две половинки, и хорошо бы появился компьютер, который помогал бы этим людям найти друг друга.

В жизни не так много Любовей, как думается молодым людям. Им кажется, что можно накрыть стол, а потом сдернуть скатерть и накрыть снова. А потом еще и еще раз. На самом деле больше, чем два-три раза, любовь человеку не предлагается.

— Говорят, влюбленность длится только три года. А потом начинается проза…

— Есть люди, которым присуще чувство семьи. А есть те, у кого этого чувства нет. Первые семьи не разрушают, для них это не органично. Я вижу много режиссеров, не желающих разрушать свои семьи, но при этом чувствующих себя свободными — и физически, и духовно — от жен. Они никому ничем не обязаны. Они — творцы и позволяют себе все, что хотят. Но семья — это то, что было, есть и будет. Это как бы их тыл, взлетная полоса, с которой взлетает их самолет. У любого самолета должен быть аэродром, откуда он отправляется в путь. Человек не может все время летать в небе, ему нужен керосин. Надо где-то отдохнуть, а потом — снова в небо.

— А как же одиночество? Считается, что оно обязательно для

творца.

— К нему, как ни странно, привыкаешь.

— Человек ко всему привыкает…

— Нет. К боли не привыкает. Физической и душевной.

— Разве любовь не всегда боль?

— Нет, только если люди несвободны.

Ресторанчик, в котором мы говорили, находился на пляже, в нескольких метрах от моря. Беседуя, мы то и дело бросали взгляд в сторону, а точнее, на шум накатывающих на берег волн, параллельно замечая и людей, которые шествовали мимо нашего заведения.

Несколько раз, очевидно, совершая прогулку, прошел Георгий Данелия — прекрасный режиссер, для двух фильмов которого Токарева стала соавтором сценария. И с которым, это не было секретом, много лет назад у нее случился серьезный роман.

Обстоятельства того периода через несколько лет она опишет в своей книге. А тогда мы просто смотрели на отмеряющую шаги фигуру Данелии и говорили о любви. Правда, один раз Виктория Самойловна заметила, что, бывает, люди становятся несчастными. И кивнула в сторону аккурат в этот момент вновь представшего подле нашего ресторанчика Данелию. Но перевести разговор в личное русло я не решился.

И, возможно, оказался прав. Во-первых, не переступил черту. А во-вторых, спустя годы Токарева сама обо всем написала…

— Ваши книги переведены во многих странах мира, в Германии их даже изучают в школе. Значит, любовь везде одинакова?

— Да. Любовь придумана природой как самая серьезная приманка. Главная задача природы — не прекращать человеческий род. Сейчас ведь почти доказано, что жизнь есть только на нашей планете. И главная задача эксперимента, называемого жизнью, заключается в том, чтобы женщины рожали.

— Любовник, по-вашему, — это кто?

— Я думаю, что это человек, не связанный узами брака.

— Ну, это общепринятое определение. А вообще, это подарок или наказание?

— И то и другое в равной степени. Женщина, у которой не было любовников, ничего не стоит.

— Разница в возрасте между влюбленными играет роль?

— Основную. Как я сейчас понимаю, молодость — это главная ценность человека. Поскольку я не вчера родилась, то легко могу понять, что держит вместе тех или иных людей. Идут, например, старая баба и молодой мужик. Значит, он либо алкаш,

либо педрила.

— А почему алкаш?

— Да это то же самое. Огромное нездоровье. Пожилая жена для него как мать, она ему необходима. А он нужен ей. Она любит его как сына, заботится о нем. И вроде как при деле.

— Убийство, совершенное из-за любви, может быть оправдано?

— Нет, конечно. Это разновидность эгоизма — мне и больше никому. А ты что, купила? Иди и страдай.

— А купить любовь можно?

— Я с этим не сталкивалась. Не знаю. Но мужчина, который продает свою любовь, отвратительней, чем женщина. Проститутку еще можно понять. А мужика…

— Расстроившиеся отношения лучше ломать сразу или постепенно?

— Любовь не стоит на месте, она развивается. И в какой-то момент нужно либо жениться, либо расстаться. Ведь когда плод созревает, он должен родиться. Невозможно все время находиться во чреве.

— Боль при этом неизбежна?

— Она обязательна. И очень сильная. Каким было счастье, такой же будет и боль. Поэт сказал: «Была без радости любовь, разлука будет без печали». А когда любовь была серьезной, то и разлука будет такой же.

— Дети — это действительно сдерживающий фактор? Правы те, кто только из-за них не разводится?

— Такие люди только говорят, что не расстаются из-за детей. А на самом деле здесь сказывается чувство семьи. Я где-то услышала невероятную мудрость: отношение к семье передается по наследству. Вот какие отношения были у моего мужа между его отцом и матерью, так же он строил и модель нашей семьи. И как бы я себя ни вела, он знал, что наша семья не может быть разрушена. И я знала.

Я очень рада, что не разрушила свою семью, потому что у моей дочери есть отец, а он ведь нужен человеку в любом возрасте. И у моих внуков есть родной дед. Кровная связь очень важна. Без нее — одно притворство.

Этот разговор был записан несколько лет назад. А потом свет увидела та самая повесть «Дерево на крыше», которую я уже упоминал.

Прочитав книгу, я вспомнил свои встречи и с Любовью Сергеевной Соколовой, о которой пишу в предыдущей главе, и разговоры с Викторией Токаревой.

А еще понял, что писательница не лукавит. И притворства в ее словах и творчестве нет.

Потому, наверное, ее так хочется читать…

Та, которая ждала
Актриса Валентина Серова

Декабрьским утром 1975 года в фойе Театра киноактера внесли гроб. Несколько десятков собравшихся, половина из которых пришла на панихиду из чистого любопытства, с ужасом разглядывали раны на лице умершей, которые не смог скрыть даже толстый слой грима. Поверить в то, что в гробу лежит Валентина Серова — некогда ослепительная красавица, популярнейшая актриса, прославившаяся фильмами «Девушка с характером», «Сердца четырех», «Жди меня», не мог никто. Лишь выставленный в изголовье портрет смеющейся кинобогини заставлял это сделать…

Она стала суперзвездой в 1939 году, когда на экраны вышел фильм «Девушка с характером». В титрах Валентина Половикова, дочь известной в те годы актрисы Клавдии Половиковой, значилась уже под фамилией своего знаменитого мужа, «сталинского сокола», Героя Советского Союза Анатолия Серова. Однако красивый роман Валентины и Анатолия (Серов мог вечером проводить жену в Ленинград, а потом сесть в самолет и утром с огромным букетом цветов встречать ее уже на перроне Московского вокзала или всего на несколько минут прилететь к ней в Москву с учений) длился недолго. В мае 39-го при испытаниях новой модели самолета летчик погиб, оставив беременную 22-летнюю женщину вдовой. Сына, родившегося через три месяца после смерти отца, Валентина в его память назвала Анатолием.

Актриса становится частой гостьей в Кремле, где на правительственных приемах Сталин сажает ее и вдову Валерия Чкалова рядом с собой. Во время одной из встреч с сильными мира сего Валентина неожиданно попросила предоставить ей новую квартиру вместо той, в которую она с Анатолием въехала незадолго до его гибели. Просьба актрисы была, разумеется, удовлетворена. Знакомые удивлялись — как можно пятикомнатные хоромы в Лубянском проезде, принадлежавшие ранее репрессированному маршалу Егорову, поменять на двухкомнатную квартиру на Никитской. Валентина молчала в ответ. Не объяснять же каждому, как это больно — возвращаться в квартиру, где каждый угол напоминает о так трагически закончившейся любви. Даже улица теперь была переименована в проезд Серова.

Чтобы забыться, все свое время Валентина старалась проводить в Театре имени Ленинского комсомола, где ее очень ценили и доверяли только главные роли. В 1940 году она начала играть в спектакле «Зыковы». Роль Павлы удалась ей, как никакая другая. Но что-то мешало актрисе полностью отдаваться чувствам своей героини.

Впоследствии она вспоминала, что ей очень мешал один из зрителей. На каждом спектакле «Зыковы» этот молодой человек с букетом цветов сидел в первом ряду и испытующим взором следил за ней. Как позже выяснилось, он не пропускал вообще ни одного ее спектакля. Это был начинавший тогда входить в моду поэт Константин Симонов. Ему было 24 года.

Их роман стал, впервые за всю новейшую историю Союза, достоянием всей страны. А после опубликования в январе 1942-го в «Правде» стихотворения Симонова «Жди меня», посвященного Серовой, их любовь стала использоваться пропагандистской машиной государства в своих целях. И небезуспешно. Так, историки Великой Отечественной причисляют появление стихотворения «Жди меня» и одноименного фильма с Валентиной Серовой в главной роли к таким же достижениям, повлиявшим на исход войны, как разгром немецкого наступления под Москвой и Сталинградская битва.

Однако любовь Симонова к Ваське (поэт не выговаривал буквы «л» и «р» и именно так называл свою музу и будущую жену) не была взаимной. Да, Валентина принимала его ухаживания, была с ним близка, но говорить «люблю» и становиться женой не торопилась. Поэтому когда весной 42-го года во время выступления в госпитале для высшего командного состава она познакомилась с генералом Рокоссовским, то почувствовала, что влюбилась. Сильно, безумно, без оглядки на мнение окружающих, которые, разумеется, не упустили возможности посплетничать о верности той, которая «ждет».

Будущий маршал на момент встречи с Серовой был свободен: его жена и дочь пропали без вести. Страстный роман бравого военачальника, бывшего старше кинозвезды на двадцать один год, развивался на глазах у всех. Однако это не помешало Симонову, конечно же, обо всем знавшему, сделать в 1943 году Валентине предложение, а ей, искренне любившей Рокоссовского, принять это предложение и стать женой входившего в большой фавор поэта и драматурга.

Что заставило ее так поступить, осталось загадкой. Может, верно утверждение, что женщины любят ушами, а устоять перед действительно блестящими стихами Симонова было невозможно. А может, Валентине захотелось простого человеческого, как ни

банально это звучит, счастья, уюта, отца для подрастающего сына. К тому же объявилась семья Рокоссовского, и любовный треугольник, которые светские шутники называли «ССР» (Серова — Симонов — Рокоссовский) был обречен.

Симонов, часто выезжающий в командировки, писал Валентине каждый день. «Нет жизни без тебя. Не живу, а пережидаю и считаю дни, которых, по моим расчетам, осталось до встречи 35–40. Верю, как никогда, в счастье с тобой вдвоем. Я так скучаю без тебя, что не помогает никто и ничто…»

Поначалу Симонов и Серова производили впечатление действительно счастливой семейной пары. В роскошной квартире на улице Горького, где только один зал занимал около шестидесяти квадратных метров, собирались веселые компании, на даче в Переделкине специально для Валентины был построен бассейн. Супруги вместе ездили за границу. Правда, взглядов на жизнь они придерживались разных: во время визита во Францию Симонов пытался уговорить Ивана Бунина вернуться в СССР, а Серова, когда муж на мгновения отлучался от стола, шептала великому писателю: «Не возвращайтесь ни в коем случае».

В 1945 году цензура разрешила выход картины «Сердца четырех», запрещенной ранее как «не соответствующей генеральной линии по патриотическому воспитанию масс». А еще через год вышел фильм «Композитор Глинка», за работу в котором Серова получила Сталинскую премию и звание заслуженной артистки. Ей было всего 29 лет, и она вряд ли могла предположить, что на этом счастливая, по крайней мере внешне, полоса ее жизни подошла к концу.

«Что с тобой, что случилось? — напишет ей в одном из писем Симонов. — Почему все сердечные припадки, все внезапные дурноты всегда в мое отсутствие? Не связано ли это с образом жизни? У тебя, как я знаю, есть чудовищная русская привычка пить именно с горя, с тоски, с хандры, с разлуки…»

Валентина и в самом деле все сильнее и сильнее увлекалась алкоголем. Дошло до того, что суд лишил Серову родительских прав и родившуюся у них с Симоновым в 1950 году дочь Машу воспитывала бабушка.

Клавдия Михайловна Половикова оказалась дамой со стальным характером и в борьбе то ли за внучку, то ли за алименты от ушедшего в 57-м году к другой женщине Симонова заняла круговую оборону, не подпуская Валентину к собственной дочери ни на шаг. Серова умоляла, требовала у матери, которую она уже ненавидела, ставя слово «мать» в своих письмах в неизменные кавычки, обращалась к бывшему мужу и в суд, чтобы ей дали возможность видеться с Машей.

Но ей такой возможности не давали. Уж слишком убедительно звучали объяснения Клавдии Михайловны, что ее спившаяся дочь, упустившая сына (Анатолий действительно был хроническим алкоголиком и закончил жизнь в 35 лет), не сможет достойно воспитать девочку. И Серова, которая, казалось, еще вчера, сидела на кремлевских приемах рядом со Сталиным, уже ничего не могла сделать.

«Запах пыльных книг, пролитого вина, папиросного дыма и высыхающего актерского грима — это запах моего детства, — будет позже вспоминать дочь актрисы Мария. — Это ее комната… Над ворохом бумаг сидит женщина с копной изведенных пергидролем волос. Опухшие веки, резкие морщины. Над ее головой портретный снимок: красивое лицо, ненатуральность позы, улыбки, взгляда — чуть-чуть. Типичный снимок актрисы в роли. Как предсказано было: «…и постарев, владелица сама/ Себя к своим портретам приревнует…» И эти два лица принадлежат одному человеку — не так давно актрисе в зените славы и теперь забытой почти всеми, исстрадавшейся, спившейся женщине. Моей матери… Мать была в жизни такой, какой была в его стихах: «Злой и бесценной, проклятой — такой нет в целой вселенной другой под рукой». И он любил в ней эти «две рядом живущих души» одинаково страстно, потому что они составляли одно-единственное — сумасшедшее, из огня в полымя существо, понять которое было трудно, а не любить — невозможно».

Опустившуюся женщину старались не замечать. Даже обожавший ее Константин Симонов напишет в письме: «Люди прожили четырнадцать лет. Половину этого времени мы жили часто трудно, но приемлемо для человеческой жизни. Потом ты начала пить… Я постарел за эти годы на много лет и устал, кажется, на всю жизнь вперед…»

Он еще долго писал ей, объяснял, что разлюбил, сообщал, что если встретит человека, которого полюбит, то, не колеблясь, свяжет с ним свою жизнь, советовал и ей выйти замуж, желал ей счастья и того, чтобы она «не разрушила еще одну жизнь так, как уже разрушила один раз».

Лирических стихов он больше не сочинял, с дочерью Машей был нарочито сух, имя Серовой не произносил никогда. Все было давно кончено. У него был свой дом, новая семья, жена, дети. Только почему-то, когда Алла Демидова, готовясь к съемкам в фильме Алексея Германа «Двадцать дней без войны» по сценарию Симонова, сделала себе грим Серовой, он разозлился не на шутку, разволновался, требовал, чтобы Демидову сняли с роли. Нику в фильме сыграла Людмила Гурченко…

На дворе стоял 1975 год, а последняя серьезная работа в кино

осталась у Серовой в 46-м. Она числилась в штате Театра киноактера, в котором у нее не было работы. Съемки всегда подстегивали ее, тогда она держалась. Но в последнее время кино не было, и она изо дня в день слышала на киностудии только одно: «Нет, Валечка, для вас нет ничего».

А Серова верила — или хотела верить — что она все еще нужна. «Простите меня за настырность, — будет писать актриса в ЦК КПСС, — но больше нет сил висеть между небом и землей! Всю грязь, которую на меня вылили, я не могу соскрести с себя никакими усилиями, пока мне не помогут сильные руки, которые дадут работу и возможность прежде всего работой доказать, что я не то, чем меня представляют. Я готова на любой театр, только бы работать. Я недавно прочла несколько отрывков и статей о бывших преступниках, возвращенных к жизни, которым помогли стать людьми дружеские руки, добрые человеческие отношения, доверие. Неужели я хуже других? Помогите… Глубоко уважающая Вас В. Серова».

Но ответа не было. И тогда женщине приходилось снова распродавать личные вещи, драгоценности. Все деньги уходили на выпивку.

10 декабря Валентина Васильевна отправилась в театр за зарплатой. На улице услышала за спиной: «Это кто, Серова? Та самая? А я думала, она умерла». Что было дальше, не знает никто. Приятельница актрисы Елизавета Конищева, безуспешно пытаясь дозвониться до Валентины, отправилась к ней домой. Открыла дверь своим ключом и в ужасе отшатнулась. В коридоре полупустой, как будто нежилой квартиры, лежало некогда божественное тело некогда безумно обожаемой женщины. Символу верности, любви и того, что все будет хорошо, было 58 лет…

Симонов, отдыхавший в Кисловодске, на похороны не приехал, прислав 58 красных гвоздик. Но забыть Серову не мог. Незадолго до смерти попросил дочь привезти ему в больницу архив Валентины Васильевны.

«Я увидела отца таким, каким привыкла видеть, — вспоминает Мария Кирилловна. — Даже в эти последние дни тяжкой болезни он был, как всегда, в делах, собран, подтянут, да еще шутил… Сказал мне: «Оставь, я почитаю, посмотрю кое-что. Приезжай послезавтра»… Я приехала, как он просил. И… не узнала его. Он как-то сразу постарел, согнулись плечи. Ходил, шаркая, из угла в угол по больничной палате, долго молчал. Потом остановился против меня и посмотрел глазами, которых я никогда не смогу забыть, столько боли и страдания было в них.

«Прости меня, девочка, но то, что было у меня с твоей матерью, было самым большим счастьем в моей жизни… И самым большим горем…»

Такова жизнь: проходят годы и те, чьи имена некогда заставляли восхищаться, забываются. Так было и с Валентиной Серовой.

Вспомнили об актрисе лишь в двухтысячных, когда о ней сняли многосерийный художественный фильм.

Одну из ролей должна была играть Римма Маркова. Она сходила на кинопробы, но о том, что не утверждена, узнала лишь, когда съемки уже начались.

Марковой было обидно, ведь она лично знала Валентину Васильевну. К счастью, мне удалось записать воспоминания Риммы Васильевны о встречах с Серовой:

— Я Валю очень хорошо знала. Мы с ней долго в одной гримерке (в Театре имени Ленинского комсомола. — Прим. И.О.) сидели и были дружны. Какая это была женщина! Представьте себе — послевоенная Москва, лето, жара жуткая стоит. Из театра в шикарном сиреневом платье выпархивает Валя с букетом цветов и садится в открытую машину. Загляденье! А какой она доброй была, все время кому-то то квартиру выбивала, то больницу, то пенсию. Константин Симонов, бывший тогда ее мужем, написал пьесу «Доброе имя». Я играла в этом спектакле. После премьеры Симонов в «Метрополе» устроил банкет. Мы, молодые актеры, сидели где-то на задворках. А Симонову, видно, такие лошадяги, как я, нравились. Неожиданно он указывает на меня: «Я хочу танцевать с этой девушкой». Начинаем мы танцевать, а у него ничего не получается. «Я обожаю танцевать, — сказал он мне картавя. — Но жутко бездаген».

Закончились танцы, мне все завидуют — как же, сам Симонов заметил. А мне-то этого не надо, я взяла и ушла с приема. Бреду по утренней Москве, вдруг сзади визг тормозов. Оглядываюсь — из машины Мишка Пуговкин, который играл моего мужа, высовывается: «Римма, иди сюда». Только я наклонилась к нему, как меня — р-раз — и буквально втащили в набитую машину и положили поверх сидящих на заднем сиденье. Симонов оборачивается с переднего: «Едем пгодолжать». Серова рядом сидит, ржет.

Приехали мы в их квартиру на улице Горького. В лифт все не поместились, и Симонов пошел пешком. На каждой лестничной клетке он подходил к лифту, открывал дверь, тот останавливался, и Симонов просил: «Валя, скажи, что любишь меня». Серова отвечала: «Ни-ког-да!» Лифт проезжал еще один этаж, Симонов снова подходил к двери: «Ну скажи, что любишь». А Валентина

Васильевна стояла на своем: «Ни-за-что!» В общем, ездили мы так вверх-вниз. Наконец, приехали. Вошли в их огромнейшую, в полэтажа, наверное, квартиру. Валя эффектно так туфли с ног сбросила и упала на диван. Она когда выпивала, у нее становились алыми уши. И вот сидит красавица блондинка, ушки алые, глаза горят. А Симонов смочил салфетку холодной водой, нежно положил ей на лицо. И начал читать стихи…

Из Лейкома Валя ушла сначала в Малый театр, потом в Театр им. Моссовета. Помню, шел там спектакль «Рассказ о Турции» Назыма Хикмета. Дерьмо жуткое, но как же — Хикмет, надо ставить. И Валя там играла. Я пришла посмотреть и в антракте зашла за кулисы. А в этом же спектакле роль матери, у которой расстреляли сына, играла Фаина Георгиевна Раневская. Захожу я за кулисы и первую, кого вижу, — это сидящую во всем черном Раневскую. «Я надеюсь, вы не купили билет?» — спросила она у меня. Я ответила, что нет, у меня контрамарка. «Ну и как вам я? — продолжает Фаина Георгиевна. — Вам правда нравится? Ну слава богу. А мне казалось, что эта роль без заднего прохода».

После расставания с Симоновым Валя все серьезнее начинала пить. Был у нас такой спектакль — «Анфиса». Я вхожу в гримерку и чувствую запах спиртного. Вместе с Зиной, однокашницей Серовой, пока Валя была на сцене, начинаем проверять ее вещи. Так и есть — в шубе из обезьяны, которую Вале из-за границы привез Симонов, обнаружили тайный карман, а в нем полупустую бутылку коньяка. Только Зина забрала бутылку, входит Серова. Я выбежала из гримерки, а она меня через минуту зовет: «Римма! Отдай бутылку!»

Женский алкоголизм ведь неизлечим. Да ей никто и не хотел помочь. Сколько раз я ходила на «Мосфильм», в Театр киноактера. Гибнет человек, говорила, спасите. Но куда там… Серова и сама понимала, что это конец. Но ей уже было все равно. Она сильно изменилась, одна кожа да кости остались. Когда она жила в Оружейном переулке, я нередко помогала ей дойти до дома. Вводила пьяную, в разных ботинках, в квартиру. Выскакивала дочь Маша и с такой ненавистью смотрела на меня, думала, я пью с ней. А я ведь вообще не по этому делу. «Маша, иди в свою комнату», — говорила ей Валя.

Валя начала пить, когда вышла замуж за Толю Серова. Летчик-герой любил выпить, и Валя, которая до встречи с ним к спиртному не притрагивалась, стала пить за компанию, чтобы ему меньше досталось. И втянулась. Потом Толя погиб, Серова вышла замуж за Симонова. Популярность, приемы, поклонники. И все… Ну а когда Симонов ушел от нее, то Валя вообще сорвалась. Толя, сын ее, бандитом стал, дачу сжег. Однажды Валентина

Васильевна позвонила мне: «Римма, приезжай, спаси меня». Оказалось, Толя разбушевался, двери в квартире начал рубить. Мне и самой страшно стало, думала, а ну как он и мне саданет топором.

А когда Толю посадили, у Серовой стал жить какой-то мальчик. Помню, пьяная Валя открывает мне дверь и говорит: «Познакомься, Римма, это Сюся. Моя последняя любовь».

На ней был синий спортивный костюм, нос, который и так был большим, от болезненной худобы стал еще больше. Ничего похожего на прежнюю Серову. Ее и на улице уже не узнавали.

Страшный конец…

Любовь с препятствиями
Актриса Алла Ларионова

В один из первых весенних дней 1953 года в столичном аэропорту «Внуково» творилось что-то невообразимое. Шумная толпа, состоящая преимущественно из молодых людей, с огромными букетами цветов встречала рейс из Италии. Больше всех суетился стройный невысокий юноша в надетой не по погоде фетровой шляпе.

Двадцатидвухлетний студент ВГИКа Николай Рыбников с замиранием сердца ждал выхода членов советской делегации, возвращающихся с Венецианского кинофестиваля, на котором картина «Садко» получила первый приз. Правда, приехал Рыбников не только «поболеть» за своих. Главной целью его приезда была очаровательная сокурсница Аллочка Ларионова, сыгравшая в «Садко» главную роль.

Рыбников влюбился в красивую девушку еще на первом курсе. Но та не обращала никакого внимания на ничем, в общем-то, не выделяющегося паренька, приехавшего покорять Москву из Волгограда.

Да он, скромняга, ни на что и не претендовал. Вот и сейчас, увидев появившихся в зале прилета коллег, передал Ларионовой, увлеченно обсуждавшей что-то с актером Иваном Переверзевым (с которым у нее был страстный роман), букет цветов и отправился в студенческое общежитие ВГИКа в подмосковный Бабушкин.

Вот здесь Рыбников был настоящей звездой. На такие розыгрыши, какие он устраивал соседям по этажу, во ВГИКе больше не был способен никто. Однажды излишняя веселость едва не сломала юному студенту всю жизнь. Дело в том, что кроме блестящих актерских способностей Рыбников обладал еще и даром имитирования голосов известных людей. И в один из дней, собрав в своей комнате чуть ли не половину общежития, он, спрятавшись в шкаф, голосом Левитана зачитал правительственное сообщение о снижении цен. Народ ликовал: по радио объявляли, что с 1 апреля цены на хлеб снижаются в 5 раз, на водку — в 7, а спички и соль вообще становятся бесплатными. Через несколько дней за компанией шутников во главе с Рыбниковым пришли люди из органов. За окном был 1951 г., и подобный «розыгрыш» чекистов почему-то не рассмешил. Рыбникова исключили из комсомола и собирались исключить из ВГИКа. Спасла будущую звезду советского кино роль Петра I,

которую Николай блестяще играл в студенческом театре. За Рыбникова вступилось руководство курса и отстояло его право продолжить обучение.

Жизнь Аллы Ларионовой в это время шла параллельно жизни Рыбникова. Студенты виделись только во время занятий, и Николаю приходилось довольствоваться ролью стороннего наблюдателя за успехами обожаемой им Аллочки.

В год окончания института она снялась в фильме «Анна на шее» и стала одной из самых известных актрис страны. Вместе со славой пришла наконец и материальная обеспеченность. О своих слезах во время поездки в Италию Ларионова теперь вспоминала со смехом. Тогда, увидев на горничной их отеля модные чулки — предел мечтаний всех советских женщин той поры, Алла, которую по распоряжению тогдашнего партначальника Анастаса Микояна специально для поездки на Венецианский кинофестиваль одели в казенное платье из белого ситца, не сдержалась и разрыдалась.

Но вскоре ей вновь придется много плакать: о себе заявили вечные спутницы популярности — сплетни и зависть. В газете «Правда», каждая статья которой имела такую же силу, как статья какого-нибудь закона, появился фельетон о только что снятом с должности министра культуры Александрове, известном своими любовными похождениями. В список «гарема» бывшего министра молва занесла и Аллу Ларионову. Завистники утверждали, что Александров купал актрису в ванне с шампанским. Разбираться в том, правда это или нет, никто не стал. И на все киностудии было разослано уведомление, согласно которому приглашать Ларионову на съемки отныне запрещалось.

Однако капитуляция без боя в планы актрисы не входила. Узнав о том, что она попала в «черный список», Ларионова написала письмо новому министру культуры Михайлову и «как комсомолка» попросила разобраться с «порочащими ее имя сплетнями». И ведь разобрался министр! Даже ответ молодой актрисе написал, в котором сообщал, что все выяснил и «уже отдал все соответствующие распоряжения».

Одним из первых, кто поздравил Ларионову с «реабилитацией», был Николай Рыбников. Он по-прежнему был влюблен в Аллу и, несмотря на уговоры друзей, все еще таил надежду стать ее мужем. Тогда, наверное, Ларионова впервые и обратила внимание на своего поклонника, оказавшегося самым верным. А многие «друзья», прослышав о негласном решении «не пущать» больше актрису в кино, куда-то исчезли, бросив на прощание: «Ты, Аллочка, еще радуйся, что Берию расстреляли. А то бы ты не к Александрову, а к нему в гарем угодила».

Рыбников к тому времени уже стал по-настоящему известным

актером. Пока вся страна смотрела «Весну на Заречной улице» и распевала песни его героя, Николай снимался в «Высоте» — другом культовом фильме пятидесятых.

В один из съемочных дней Рыбникова пригласили к телефону и по секрету сообщили, что у Ларионовой несчастье: Иван Переверзев, ребенка которого она носила, женился на другой женщине. «Где она? — спросил Рыбников. — В Минске? Я вылетаю».

Предложение стать его женой он сделал Ларионовой в новогоднюю ночь 1957 года. И 2 января, как только открылся минский ЗАГС, молодые расписались. На премьерном показе «Высоты» в московском Доме кино они уже сидели рядом. И когда герой фильма, которого тоже звали Николай, произнес с экрана: «Эх, прощай, Коля, твоя холостая жизнь!» — зал взорвался аплодисментами.

Пара Ларионова — Рыбников была одной из самых красивых семейных пар Советского Союза. Жили они в роскошной пятикомнатной квартире с камином в центре Москвы, воспитывали двух дочерей, много снимались и, как и положено, представляли советское кино на зарубежных кинофестивалях и встречах «деятелей партии и правительства с деятелями культуры».

Однажды их вместе с Нонной Мордюковой и Вячеславом Тихоновым, бывших тогда мужем и женой, и Федором Бондарчуком и Ириной Скобцевой пригласил к себе на дачу Никита Хрущев. После обеда Никита Сергеевич решил поговорить с артистами о планах повышения урожайности на полях страны.

Минут через двадцать увлеченно говорящего что-то «о кукурузе и свекле» Хрущева перебил Рыбников: «Да ладно, Никита Сергеевич. Вы лучше нам что-нибудь про Кубу расскажите». Генсек на минуту растерялся, а потом… посоветовал актеру внимательно прочесть свежий номер «Правды», в котором как раз и было написано о Кубе.

Через несколько минут после короткого диалога Хрущева и Рыбникова к артистам подошел один из охранников главы государства: «Вы, наверное, уже устали? Домой хотите?»

Никаких последствий «общительность» Рыбникова, к счастью, не имела. Роман с кино закончился у знаменитого актера по другим вполне прозаичным причинам. В отличие от романа с обожаемой Аллочкой, которую Рыбников, по его словам, любил больше жизни. Впрочем, она и сама это знала. Без всяких слов.

В конце жизни Рыбникова почему-то перестали приглашать в кино и все свободное время он проводил на даче, где увлеченно занимался выращиванием и консервированием овощей.

Последний раз он закатал помидоры летом 1990 г., собираясь открыть их на ноябрьские праздники. Открыть пришлось раньше, на поминках по актеру.

Николай Рыбников не дожил до своего 60-летия полтора месяца. 22 октября он сходил в баню, пришел домой и, выпив рюмку коньяка, лег спать. Говорят, смерть во сне посылается праведникам. Через десять лет, вернувшись домой с гастролей, легла спать и не проснулась Алла Ларионова. Супруги наконец встретились в том призрачном мире, путь в который столь же мучителен и прекрасен, как любовь, и столь же неизведан и короток, как сон.

Красавица и чудовища
Актриса Мария Андреева

Декабрьским вечером 1952 года по Кропоткинской улице шла старая красивая женщина. О том, что ею восхищались еще при Александре III, не смог бы догадаться никто. Шуба из черного каракуля плотно облегала тело, а под вуалью скрывалось пусть и изрезанное морщинами, но благородное, строгое лицо с правильными чертами, на котором притягивали взор бесконечно грустные глаза.

Прохожим не было никакого дела до незнакомки и ее печалей: новогодняя суета увлекла москвичей. Хотя, узнай они, кто идет рядом с ними, наверняка бы замедлили шаг и присмотрелись к медленно бредущей фигуре. Мария Федоровна Андреева — а это была она — совершала свою традиционную вечернюю прогулку.

В то время трех слов — ее имени, отчества и фамилии — было достаточно, чтобы вызвать массу эмоций: от восхищения, удивления и поклонения до неприятия и раздражения. Бывшую ведущую актрису Художественного театра, участвовавшую в создании МХТ вместе со Станиславским и Немировичем-Данченко, гражданскую жену Максима Горького, близкую подругу Саввы Морозова и Владимира Ленина, многие еще помнили.

Последние годы некогда знаменитой женщины были трагическими. Вспоминала ли она Константина Сергеевича Станиславского, написавшего в ответ на известие о ее уходе из театра: «Я заранее оплакиваю ваше будущее», — неизвестно. Но великий режиссер оказался прав, предсказав, как сложится жизнь Марии Желябужской. А именно под такой фамилией приехала в Москву очаровательная жена действительного статского советника Андрея Алексеевича Желябужского.

До этого семья жила в Тифлисе, и переезд в Москву, по официальной версии, был вызван повышением главы семейства в чине: г-н Желябужский стал главным контролером Курской и Нижегородской железных дорог. На самом же деле Андрей Алексеевич спешно покинул Тифлис из-за… чувства ревности, которое одолевало его каждый раз, когда Марии Федоровне, начинавшей свою сценическую карьеру под псевдонимом Андреева, взятого в честь имени мужа, оказывали знаки внимания многочисленные поклонники. Один из них до того разошелся в комплиментах, что, произнеся витиеватый тост в честь актрисы,

осушил до дна свой бокал и… съел его. «Ведь после этих слов никто уже не посмеет пить из него», — пояснил он, дожевывая хрусталь.

Через много лет в гостях у наркома просвещения Луначарского один из присутствующих попытался повторить легендарный поступок влюбленного грузина. Он тоже провозгласил тост, выпил вино и, видя восторженное лицо Марии Федоровны, неожиданно поставил бокал на стол: «Мне жаль разорять хозяев дома. Где они теперь достанут такую посуду?»

Но все это случится потом. А пока молодая актриса вместе со своими друзьями — Константином Алексеевым, вошедшим в историю под псевдонимом Станиславский, и Владимиром Немировичем-Данченко — решают организовать новый театр — Московский Художественный. Андреевой, как и положено основательнице, доставались главные роли. Она стала знаменита, обрела влиятельных поклонников, среди которых окажется и миллионер Савва Морозов.

Их роман происходил на виду у всей Москвы. Марию Федоровну ничуть не смущало наличие мужа и двоих детей, воспитание которых было поручено ее сестре. То, что Морозов тоже не свободен, не волновало Андрееву. «Роман с женатым не более греховен, чем замужество на родственнике», — говорила она, имея в виду жену Саввы Тимофеевича, приходившуюся ему двоюродной племянницей.

Любила ли Андреева Морозова, сказать сложно. Но увлечена была. Да и как не увлечься человеком, который готов бросить к твоим ногам весь мир. Да к тому же еще умным (его слова Горькому: «Легко в России богатеть, а жить — трудно», — вполне можно назвать афоризмом) и бесстрашным. Морозов мог на виду у всего города катать на санях разыскиваемого полицией революционера Баумана или лично привозить на собственную фабрику чемодан нелегальной литературы, при этом ставя большевикам только одно условие: не сообщать рабочим, кто доставил листовки. «Я не охоч до дешевой популярности», — говорил он.

«Отношения Саввы Тимофеевича к Вам — исключительные, — писал Андреевой Станиславский. — Это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву. Но знаете ли, до какого святотатства Вы доходите? Вы хвастаетесь публично перед посторонними тем, что мучительно ревнующая Вас Зинаида Григорьевна (супруга Морозова. — Прим. И.О.) ищет Вашего влияния над мужем. Вы ради актерского тщеславия рассказываете направо и налево о том, что Савва Тимофеевич, по Вашему настоянию, вносит целый капитал ради спасения кого-то.

Если бы Вы увидели себя со стороны в эту минуту, Вы бы согласились со мной».

Но Мария Федоровна со Станиславским не согласилась. Да и как она могла согласиться с человеком, однажды произнесшим: «Андреева — полезная актриса, а Книппер — до зарезу необходимая». Нет, Константин Сергеевич больше не был главным человеком ее жизни. Как, впрочем, и Савва Морозов, отдавший перед своим загадочным самоубийством Андреевой страховой полис на 100 тыс. руб. И она взяла эти деньги. Потому что они были нужны для реализации идей, которым служили друзья ее любимого человека — Максима Горького.

Со знаменитым писателем, чья слава вовсю гремела по России, Марию Федоровну познакомил Чехов. «Вы черт знает как великолепно играете», — сказал ей Горький после спектакля «Гедда Габлер», в котором она играла главную роль. А актриса, впервые видя его перед собой, удивлялась странной одежде гостя — высоким сапогам, черной косоворотке из тонкого сукна, подпоясанной узким кожаным ремешком, широкополой шляпе, прикрывающей длинные волосы, спадающие на плечи.

«Вдруг из-за длинных ресниц глянули голубые глаза, — будет вспоминать Андреева. — Губы сложились в обаятельную детскую улыбку, показалось мне его лицо красивее красивого, и радостно екнуло сердце».

Мария Федоровна влюбилась! А позже она скажет, что не влюбиться в Горького было нельзя и все его жалобы на то, будто женщинам он не нравится из-за утиного носа, были просто кокетством.

Горький и Андреева начинают жить вместе. «Милый мой ангел», — называет писателя Мария Федоровна. «Люблю тебя, моя благородная Маруся, прекрасный друг — женщина», — отвечает он ей.

Официально они так и не поженятся, и в Америке у Горького, который представлял всем Андрееву в качестве своей супруги, как у двоеженца (с матерью своего сына Максима Екатериной Павловной Пешковой он не был разведен) возникнут неприятности с властями. Все это, однако, не мешало Андреевой в письмах тех лет подписываться «Мария Пешкова».

Общих детей у Марии Федоровны и Алексея Максимовича не было. Современники утверждали, что Андреева была беременна, но в 1905 г. во время репетиции сорвалась в люк под сценой и потеряла ребенка. Но более чем десятилетняя совместная жизнь актрисы и писателя — и в России, и на Капри — была ровной.

Одной из немногих причин для споров была лишь личность Ленина, восторженное отношение к которому Горького,

называвшего вождя «дворянчиком», позже сменилось на довольно-таки критическое, а Андреева Ленина боготворила. Владимир Ильич тоже, судя по всему, был неравнодушен к черноглазой красавице. Называл ее «товарищ Феномен» и иногда поручал какое-то дело именно ей, а не «тяжелому на подъем Алексею Максимовичу».

Еще в 1910 году, живя на Капри, Горький увлекся женой своего друга издателя Тихонова Варварой Васильевной Шайкевич. В этом же году Шайкевич родила дочь Нину, удивительно похожую на Алексея Максимовича. Мария Федоровна очень тяжело отнеслась к этому. И как только появилась возможность уехать в Россию, в 1913 году покинула Капри. Она по-прежнему была той красавицей, напоминающей портрет, написанный с нее Репиным.

В годы революции происходит очень странное: занимаясь общественной деятельностью, Мария Федоровна по-прежнему живет в одной квартире с Горьким. Но тут она уже была свидетельницей личной жизни писателя, а он — свидетелем ее личной жизни.

Получив назначение в Берлин, Андреева вновь покидает Россию, куда вернется только в 1928 году. В стране уже властвует Сталин. Андреева была ему не нужна.

На театральные подмостки Андреева больше не выходила. Весь ее нерастраченный актерский талант выплескивался на сцену Московского Дома ученых, которым Мария Федоровна руководила с 1931 по 1948 год и где бесконечно выступала с рассказами о Максиме Горьком, уход от которого она себе так и не простила.

«Я была не права, что покинула Горького. Я поступила, как женщина, а надо было поступить иначе: это все-таки был Горький».

Одним из ее последних увлечений был молодой (младше ее на 17 лет) сотрудник НКВД Петр Петрович Крючков, ставший с подачи Марии Федоровны личным секретарем Горького. В 1938 г. Крючков был арестован и расстрелян, взяв на себя вину за убийство пролетарского писателя.

Последние годы легендарная женщина прожила в доме на улице Правды. Выживать ей помогала внучка Максима Горького Марфа Пешкова, привозившая былой возлюбленной великого деда продукты.

Марфа Максимовна рассказывала, что Андреева была неоднозначным человеком: «Она была с плохим характером.

Неискренняя. Могла потихонечку что-то делать за спиной дедушки. Ей не нравилось, что на Капри бывает масса народу, тратятся деньги. А у нее ведь было двое детей от Желябужского, которые оставались в Петербурге. И ей, конечно, хотелось эти деньги посылать им. Она это и делала.

В результате начались проблемы даже с продуктами. Кто-то сказал Горькому, что деньги ему переводят, но Мария Федоровна большую их часть своим детям посылает.

Одним словом, случилась ссора, когда дедушка поинтересовался, зачем она от него это скрывает. Потом Андреева начала ссорить между собой людей, стараясь сделать так, чтобы никто не общался, не ходил в гости. Все делалось под предлогом того, что визиты мешают Горькому работать.

В итоге дедушка оказался в какой-то изоляции. И на этой почве они уже серьезно поссорились, и Мария Федоровна уехала. Причем не в Москву, а в Киев. Только потом она оказалась в Художественном театре.

Когда дедушка вернулся в Россию, она очень хотела с ним встретиться. И маму мою уговаривала, и папу, чтобы они помогли этой встрече состояться. Но дедушка категорически сказал: «Пусть приходит кто угодно, только не она!»

Горький был не обижен, он был сердит за интриги, которых терпеть не мог».

Мария Федоровна Андреева умерла в 1953 г. в возрасте 85 лет. Похоронили ее на Новодевичьем кладбище.

Часть шестая
Эпоха комет

Гамлет в юбке
Зинаида Райх

— Лида, открой дверь. Ты разве не слышишь — стучат!

— Да нет там никого, Зинаида Николаевна. Вам показалось.

— Я что, по-твоему, сумасшедшая? Я ясно слышала — в дверь кто-то постучал. Ладно, сама открою.

Статная черноволосая женщина со следами былой красоты на бледном, сильно напудренном лице, стремительно прошла по коридору и резко открыла входную дверь: на лестничной клетке было пусто.

Это был, наверное, первый день рождения, когда Зинаиду Райх никто не спешил поздравить. Не может же быть, что многочисленные друзья дома, те, кто еще совсем недавно ночи напролет гулял в просторной четырехкомнатной квартире в Брюсовом переулке (с непременными официантами из «Метрополя» и цыганами из Арбатского подвала), забыли, что сегодня, 3 июля 1939 года, Райх исполнилось 45 лет. По этому поводу она велела домработнице испечь пирог с капустой — любимое блюдо ее мужа, Всеволода Мейерхольда.

«Сева! — воскликнула Зинаида Николаевна. — Все дело в его аресте! Поэтому к нам боятся приходить. Но это же недоразумение, чистой воды недоразумение, которое в скором времени разрешится, и Мейерхольда отпустят домой».

Она не знала, что оттуда, где в этот момент был ее муж, никто не возвращался. А у Мейерхольда, арестованного две недели назад, уже не было сил вспомнить, что сегодня — день рождения обожаемой жены. Женщины, ради которой он пожертвовал самым дорогим, что было в его жизни.

Нет, не первой женой и даже не тремя дочерьми, ставшими сиротами при живом отце. Ради Райх Всеволод Эмильевич пожертвовал Театром — заставил покинуть труппу великую Марию Ивановну Бабанову (она переигрывала Зинаиду Николаевну, и то, что все цветы после спектакля достаются ей, а не Райх, режиссера раздражало), расстался с Эрастом Гариным, Сергеем Эйзенштейном. В результате москвичи открыто стали говорить, что единственное, что осталось от знаменитого Театра имени Мейерхольда, — сам Мейерхольд, и смотреть в ТИМе можно только на него, пробираясь на репетиции Мастера.

Решив ставить «Гамлета», Мейерхольд пригласил актеров в свой кабинет и предложил им самим выбрать роли.

— Кроме, разумеется, главной, — с извиняющейся улыбкой предупредил он. — Гамлета будет играть Зинаида Николаевна.

— Тогда я, если вы не возражаете, — поднялся со своего места Охлопков, — хотел бы сыграть Офелию.

— Мне нравилось с вами работать, Николай Павлович. Но после ваших слов это не представляется для меня более возможным. Прощайте.

Тот спектакль, о котором он мечтал, Всеволод Эмильевич так и не поставил. Но Зинаида была довольна. А для него счастье жены было превыше всего.

Он и на уговоры следователей поддался и оговорил себя, признав, что состоял в правотроцкистской организации и вел враждебную театральную деятельность, только ради того, чтобы быстрее выйти из этих начинавших его душить застенков. А когда понял, что его обманули и вернуться домой, к жене и детям (Татьяна и Константин, дети Зинаиды от Сергея Есенина, называли его «папой») все равно не удастся, написал заявление на имя Молотова: «Меня здесь били — больного 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам сверху с большой силой по местам от колен до верхних частей ног. В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били жгутом».

Мейерхольд не знал, что его участь уже предрешена. 28 января 1940 г. в камеру Бутырской тюрьмы, где содержался «государственный преступник», вошел офицер НКВД.

— Арестованный Мейерхольд-Райх, приказано передать, — сказал он, протягивая с трудом вставшему с нар мужчине сложенный вдвое лист бумаги. — Можете считать это подарком на день рождения.

«Это от Зины, письмо!» — обрадовался арестант и, подойдя к маленькому окошку в тюремной стене, развернул послание. Первое, что бросилось ему в глаза, были два напечатанных большими буквами слова: «ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ»…

Состоявшийся через три дня суд приговорил Мейерхольда Всеволода Эмильевича, «кадрового троцкиста, агента английской и японской разведок», к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией имущества. Утром следующего дня приговор был приведен в исполнение…

— Лида, теперь точно кто-то стучит. Ты слышишь?

— Слышу, слышу. Сейчас отопру… Здрасьте, вы к кому? К хозяйке?.. Зинаида Николаевна, к вам пришли!

Райх поднялась из-за стола и, выйдя в прихожую, столкнулась с двумя молодыми людьми в одинаковых серых костюмах, которые, не дожидаясь приглашения, направились в большую комнату. Один из гостей, радостно улыбаясь, вручил имениннице большой букет полевых ромашек, а второй протянул конверт.

— Это вам просили передать наши общие знакомые, — юноша загадочно улыбнулся. — Можете считать это подарком на день рождения.

— Письмо? От Севы? — срывающимся голосом спросила Райх.

— Не совсем письмо. Но Всеволода Эмильевича это послание касается в первую очередь.

Райх подошла к большому окну и вскрыла конверт.

— «Речь В. Э. Мейерхольда на Всесоюзной конференции режиссеров, 15 июня 1939 г.» — прочитала она. — Это то, за что арестовали Севу?

— Вы читайте, читайте, — в один голос ответили гости, разглядывая тем временем квартиру.

— «Театр — это искусство! И без искусства нет театра! Пойдите по театрам Москвы, посмотрите на эти серые, скучные спектакли, похожие один на другой и один хуже другого. Там, где еще недавно творческая мысль била ключом, теперь, по вашей милости, унылое и добропорядочное среднеарифметическое, потрясающее и убивающее своей бездарностью. К этому ли вы стремились? Если да — о, тогда вы сделали страшное дело. Желая выплеснуть грязную воду, вы выплеснули вместе с ней и ребенка».

— Вы, Зинаида Николаевна, не девочка и должны понимать, что такая речь не останется безнаказанной. У Всеволода Эмильевича была прекрасная возможность покаяться и попросить прощения. Не случайно же его не арестовали сразу после закрытия театра. Ему давали шанс, которым он не воспользовался. Мы пришли…

— …А вы кто, собственно? Мы разве знакомы?

— Это не важно. Важно то, что мы пришли помочь вам. У вас обязательно будет обыск, поэтому соберите все бумаги, которые смогут навредить вам и вашему мужу. А через неделю мы снова зайдем и переправим их в надежное место. Всего вам доброго. Еще раз с днем рождения.

Молодые люди действительно снова пришли в квартиру Райх и Мейерхольда 14 июля 1939 г. Зинаида Николаевна, отправив сына к родственникам отца в Рязанскую область, а дочь на дачу в

Горенки, принимала гостей одна. Угостила их чаем и до поздней ночи собирала бумаги — письма, дневники, наброски воспоминаний. Что потом произошло в Брюсовом переулке, не знает никто. Утром истекающее кровью тело Зинаиды Райх (ей нанесли 17 ножевых ранений) обнаружил дворник. На попытки врача «скорой помощи» остановить кровь Райх ответила: «Оставьте меня, доктор. Я умираю».

Через неделю после ее гибели в квартиру в Брюсовом переулке пришли строители, разделили четырехкомнатные апартаменты на две отдельные квартиры, в которые въехали молодая женщина и шофер Берии с семьей.

Зинаиду Николаевну похоронили на Ваганьковском кладбище, неподалеку от могилы Сергея Есенина. Много позже на памятнике Райх сделали надпись: «Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду».

Место, где он похоронен, до сих пор неизвестно…

Последний день рождения Мэрилин Монро

…В дверь красивого небольшого особняка в Беверли-Хиллс звонили уже минут двадцать. Наконец дверь приоткрылась и чей-то голос грубо спросил:

— Какого черта вам надо?

— У меня цветы для… одну минуту… Нормы Джин Беккер. Друзья поздравляют ее с днем рождения.

Еще шире открылась дверь, и посыльный едва не упал от удивления: на пороге стояла самая знаменитая женщина мира, обожаемая Мэрилин Монро собственной персоной. Не обратив никакого внимания на реакцию юноши, Монро громко сказала:

— Никакой Нормы Джин Беккер здесь нет. И друзей у нее тоже нет. И никогда не было.

После этих слов хозяйка дома захлопнула дверь, прошла в большую комнату и, взяв очередной стакан виски, обернулась к зеркалу: «С днем рождения, Мэрилин. Будь счастлива».

Больше ее в этот день никто не поздравил. Кроме разве что каких-то непонятных друзей, решивших назвать ее настоящим именем. Неужели они думали, что воспоминания о детстве будут ей приятны? Впрочем, тому, кто не оставался сиротой при живой матери, сидящей в психушке, и не зарабатывал на жизнь мойкой тарелок в сиротском приюте, не понять, почему всю свою жизнь она будет бежать от этих воспоминаний и каждый этап своей биографии начинать словно с чистого листа. А теперь, кажется, пришло время этот самый лист перечеркнуть.

— Одна, две, три, четыре… Хватит? Хотя больше — не меньше. Пять, шесть, семь, — Мэрилин закончила отсчитывать пилюли из баночки. Теперь ее больше всего волновал только один вопрос: правда ли, что за секунду до того, как все будет кончено, перед самоубийцами проносится вся их жизнь?

Женщина отошла от столика, на котором россыпью лежали ее самые верные друзья-транквилизаторы, никогда не обманывавшие ее надежд, и откупорила очередную бутылку шампанского. Даже если на столе стоял целый ряд откупоренных бутылок, она все равно открывала новую. Потому что ей было нужно только свежее шампанское. Пожалуй, единственная радость, которую она могла себе позволить…

12 часов 40 минут.

Сегодня ей исполнилось… Хм, сколько же ей стукнуло? Боже мой, тридцать шесть лет. Впрочем, какой пустяк. У Вивьен Ли хватило наглости заявить во всеуслышание, что она вовсе не возражает против любовной сцены, в которой предстояло участвовать ее мужу Лоуренсу Оливье и Мэрилин Монро.

«После того, как Ларри сыграл эти сцены со мной, его вряд ли что-то сможет удивить», — сказала эта старая стерва. А потом, не обращая внимания на окруживших ее репортеров, попросила Монро быть доброй и не отказать Оливье, если тот попросит ее переспать с ним. А ведь Вивьен тогда было далеко за… Так что и у Мэрилин все еще впереди. Например, те семь розовых таблеточек на столике.

Какой странный день рождения. Телефон молчит, цветов и тех почти нет. За исключением посылки от каких-то странных друзей. Но удивляться, пожалуй, нечему — какая жизнь, такие и друзья.

14 часов.

Монро отставила недопитый бокал и потянулась за новой бутылкой. Вот у президента был настоящий день рождения. Мэрилин вспомнила, как блистала на этом празднике, и улыбнулась. Окружение Джона решило, что она нарочно тогда так напилась шампанским и русской водкой, что пять или шесть раз пропускала свой выход на сцену. Она-то знает, что именно ТАК все и было задумано.

Мэрилин действительно вышла на сцену с опозданием. Но зато как ее встретил зал! И дело было не только в потрясающем просвечивающемся платье от Жан-Луи. И уж конечно, не в интонации, с которой она исполнила песенку «Happy birthday, Mr. President». Дело было в реакции Кеннеди. Президент покраснел, замешкался, а потом, не дав ей закончить свое выступление, взял микрофон: «Теперь я могу уйти из политики, после того как меня поздравили с такой лаской в голосе». Неужели Джон и вправду боялся, что она может ляпнуть что-нибудь лишнее?

Нет, о своем отношении к Кеннеди Монро уже один раз сказала. На пресс-конференции по случаю инсульта отца президента Мэрилин без обиняков заявила, что сочувствует горю семьи Кеннеди, членом которой она давно себя считает. Джон сделал из этого вывод. Но вовсе не тот, которого она ждала: президент прислал разобраться с Монро своего брата Роберта. И она, поняв, что с Джоном все кончено, тут же закрутила роман с Робертом.

Младший Кеннеди оказался неплохим любовником. Но

становиться отцом ее ребенка не захотел и он. Мэрилин пришлось сделать очередной, тринадцатый по счету, аборт. Оказавшийся в ее жизни последним.

Впрочем, все, что происходило теперь в ее жизни, было последним.

15 часов 30 минут.

Вот интересно, как будут вспоминать о ней после смерти? В том, что ее не забудут, Мэрилин не сомневалась. Но говорить, скорее всего, будут не о ее карьере в кино (где она, увы, так ничего толком и не успела сделать), а о знаменитых мужчинах. Что ж, на любовном фронте Монро кое-каких успехов действительно добилась.

Первым мужем красотки стал бейсболист Джо Ди Маджио, чьи ухаживания она приняла после того, как у него утонул в море родной брат. Пресса писала, что у Монро наконец-то появилась семья: у Джо было еще семеро братьев и сестер. Мэрилин действительно любила мужа. Но не так, как своего первого мужчину — актера Джона Кэрола. Вот в него она была влюблена по уши. Но Джон, как и его более великий тезка, был женат. И уходить из семьи, несмотря на уговоры Мэрилин, не собирался. Тогда она попросила о встрече его жену. И расписав, как Джон любит ее, попросила женщину отпустить Кэрола. Мужчина, подслушавший странный разговор, ворвался в комнату, где сидели соперницы, и выставил Монро за дверь.

Ну а потом в ее жизни возник Ди Маджио. Бейсболист безумно ревновал Мэрилин к кино и настаивал, чтобы она ушла из профессии и стала домохозяйкой. Разумеется, ни о чем таком Монро и слышать не хотела. И решила убедить супруга, как для нее важна работа. Для чего пригласила Ди Маджио на съемочную площадку фильма «Зуд седьмого года», где играла главную роль.

В тот день как раз снимали сцену, когда ее героиня оказывается над вентиляционной решеткой, под которой идет линия метро. Воздушная волна эффектно поднимала юбку актрисы и взорам окружающих представала пара стройных ножек кинозвезды. Такого позора спортсмен пережить не мог и первым попросил Мэрилин о разводе. Четырехлетнее супружество приказало долго жить.

Монро развод волновал меньше всего. Главным человеком ее жизни уже стал будущий президент Соединенных Штатов. «Пост президента — единственная должность, которую я хотел бы занимать», — признавался Джон Мэрилин. Он вообще обсуждал с ней все, кроме совместного будущего и семейной жизни с Жаклин.

Но Монро знала, что Джон относится к жене, мягко говоря, с прохладцей. А после того как Жаклин родила мертвого ребенка и Джон отказался навестить ее в госпитале («Раз ребенок мертв, то чего мне спешить», — сказал Кеннеди и продолжил развлекаться на яхте), бесперспективность их союза стала очевидна не только Мэрилин.

16 часов 55 минут.

«Ты ошибаешься, дорогая, — президент нежно взял ее за руку и улыбнулся. — Брак — это всегда ошибка».

И хотя эти слова относились к конкретному вопросу Мэрилин — выходить ли ей замуж за молодого драматурга Артура Миллера, — Монро сделала правильный вывод. И согласилась стать миссис Миллер. К тому времени у Джона родилась дочь Кэролин, и Мэрилин больше всего мечтала, как она родит от Артура сына и тот возьмет в жены дочь президента. И они наконец породнятся с Кеннеди. Помыслы же о том, чтобы самой стать Первой Леди, Монро выбросила из головы. Хотя, кажется, никто этого так и не понял…

Свадьба с Артуром закончилась трагедией. Миллер мечтал о частной свадьбе, на которой были бы только свои. Но репортеры не могли упустить такого случая, и перед домом новобрачных собралась тысяча журналистов. Одной из последних на торжество примчалась журналистка из «Пари-Матч» Мария Щербатова. Автомобиль, на всей скорости подъехав к церкви, неудачно затормозил, и молодая женщина вылетела из него через ветровое стекло. Умерла она прямо на руках невесты, окропив свадебное платье Монро кровью.

Предзнаменование сбылось — совместная жизнь Монро и Миллера, начавшись с крови, ею же едва не завершилась. Однажды Миллер возвращался из Европы в Америку и в руках каждого второго пассажира заметил журнал, на обложке которого была помещена фотография целующихся Монро и французского актера Ива Монтана.

Мэрилин тогда как раз завершала съемки в фильме «Давай займемся любовью», название которого она Ёи ее партнер восприняли, судя по всему, как руководство к действию. Только неимоверная выдержка удержала обманутого мужа от того, чтобы по дороге из аэропорта не свернуть на полной скорости в кювет.

Очередной брак кинозвезды, протянув привычные четыре года, завершился вполне традиционно — разводом. Миллер вернулся к своим книгам, Ив Монтан — к законной супруге Симоне Синьоре (с которой он, как и все мужчины Мэрилин, несмотря ни на что, не собирался расставаться), а Мэрилин вновь

осталась одна.

В свои тридцать шесть она действительно осталась совсем одна. У Джона была страна, у Ди Маджио — другая женщина, пьесы Миллера ставились по всему миру. Может быть, тогда попытать счастья с Робертом? Хотя нет, терять время с кланом Кеннеди больше не входило в ее планы.

О стальном характере всех представителей мужской части этой знаменитой фамилии кто-кто, а она знала на собственном опыте. И вовсе не после неудач с Джоном и Бобби.

О том, что Кеннеди всегда играли, играют и будут играть по собственным правилам, Мэрилин поняла после одного из дней рождения Кеннеди-старшего. Тот каждый год отмечал праздники в одном и том же ресторане. А после того как хозяин заведения забыл поздравить его и прислать в подарок фирменный шоколадный торт, немедленно вызвал шеф-повара и дал ему денег на открытие ресторана-конкурента, через какое-то время и вправду разорившего некогда столь любимый семейством ресторан.

Мэрилин вообще воспринимала Кеннеди-старшего как отца. Как он скажет, так оно и будет. Родного отца Монро никогда не видела. Когда она, еще молоденькая и никому не известная актриса, захотела встретиться со Стенли Гриффордом, тот передал ей через секретаршу: «Пусть эта дамочка обращается к моему адвокату». Когда же Мэрилин стала суперзвездой и Гриффорд, тяжело больной и одной ногой находившийся в могиле, сам захотел повидать дочь, Монро отплатила ему его же оружием. «Пусть он обращается к моему адвокату», — ответила она медсестре, пытавшейся убедить ее навестить умирающего.

17 часов 27 минут.

Правда, последнее время Кеннеди-старший делал вид, что не знает Мэрилин. Актрисы по имени Монро для него больше не существовало. А может, ее и вправду больше не было? Студия «Фокс», с которой она работала над своей очередной, оказавшейся опять-таки последней, картиной, отказалась от ее услуг. Вердикт руководства был жесток: «Сумасшедшей не место на площадке».

Для Мэрилин эта фраза была жестока вдвойне, так как преследовала ее всю жизнь. Детский дом, в котором она воспитывалась, находился рядом с лечебницей для умалишенных. И когда больные забредали на детскую площадку, изо всех окон слышалось грозное: «Прочь отсюда. Сумасшедшим не место на площадке». Маленькая Норма Джин Мертенсон (именно так звали в приюте будущую кинозвезду) от боли и страха буквально

вжималась в стену — более страшных слов она тогда не знала. Теперь она услышала их и в свой адрес.

Ее, похоже, и вправду стали считать сумасшедшей. Даже продавщица не позволила ей — ей, Мэрилин Монро, — примерить понравившуюся кофточку из-за того, что на ней не было нижнего белья и она могла испачкать дорогую тряпку. Но продавщица ладно. Мэрилин несколько раз ударила ее и забыла.

А вот как быть с остальными? Может, она и впрямь сумасшедшая? Говорят же, что эта болезнь передается по наследству…

Нет, об этом она лучше подумает завтра. Кажется, так говорила героиня из ее любимых «Унесенных ветром». А сегодня у Мэрилин — день рождения. И она будет его праздновать. Сколько там у нее сегодня гостей? Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь…

Ответ на вопрос о прокручивающейся перед самоубийцами жизнью Монро получит два месяца спустя — 4 августа. Розовые «друзья» ее не подведут. Морг, в который доставят тело Мэрилин, находился неподалеку от ее детского дома и больницы для умалишенных.

Стальная орхидея
Марлен Дитрих

В 1991 году в парижской квартире Марлен Дитрих на авеню Монтень раздался звонок консьержа: «К вам приехал Майкл Джексон».

Марлен недоуменно спросила: «Майкл какой? Кто это?»

Служитель принялся объяснять, что Джексон — самый популярный в мире певец и он приехал к актрисе, чтобы взять у нее интервью. «Он на белом лимузине и у него с собой обезьянка», — закончил описание гостя консьерж. «Передайте, что я не даю интервью обезьянкам», — сказала Дитрих и повесила трубку…

Официально будущая кинодива появилась на свет в 1901 году, хотя накануне своего девяностолетия она попытается доказать, что на самом деле родилась на четыре года позже. Школа ее никогда не интересовала, и она забросила учебу задолго до получения аттестата зрелости. Впрочем, и пустышкой она никогда не была. Еще будучи школьницей, Марлен написала в альбоме подруги: «Счастье в конце концов приходит к усердным».

С ранних лет девушка обожала две вещи — музыку и кино. Разузнав адрес кинозвезды начала века Хенни Портен, она каждый день приходила под ее окна и играла для нее серенады на скрипке. А потом устроилась в оркестр местного кинотеатра, из которого была вскоре уволена, так как, по мнению дирижера, девушка отвлекала музыкантов своими потрясающими ногами.

Ноги Марлен покоряли не только оркестрантов. Вскоре им станет поклоняться весь мир. А пока, устроившись в один из театров, Дитрих выходит на сцену, ложится и делает «велосипед». В свободное от спектаклей время снимается в рекламе колготок. Вокруг Дитрих рождается первый слух — ее ноги застрахованы на 1 миллион марок.

Дебют в кино в 1922 году в фильме «Маленький Наполеон» не стал для актрисы судьбоносным. Позже Марлен напишет, что, увидев себя на экране, воскликнула: «Боже, я выгляжу как волосатая картофелина». Выйдя за год до этого замуж за Рудольфа Зибера и родив дочь, Дитрих не думала связать с кино свою жизнь. Она знакомится со звездой кабаре Клер Вальдофф, которая берет ее под свое крыло. Именно Клер научила Марлен очаровывать публику песней, не обладая при этом значительным

голосом. Из-за отношений с Клер, не делавшей секрета из своей любви к женщинам, о Дитрих начинают говорить еще больше. Она открыто вращается в бисексуальных кругах Берлина, на публике появляется во фраке и с моноклем. Но пока Марлен лишь «одна из».

Судьбоносным стала встреча с известным режиссером фон Штернбергом в одном из кафе, в котором Дитрих сидела в перерыве между съемками очередного пустячкового фильма. Штернберг потом напишет, что сразу увидел, как она умна. Редкое качество для актрисы, тем более такой красивой.

Они обменялись взглядами, и фон Штернберг пригласил ее поужинать. Дитрих не пришла. Режиссер повторил приглашение. Марлен не появилась в ресторане и на этот раз. Заинтригованный Штернберг, которому до этого никто не смел отказать, лично приехал к актрисе и спросил, в чем дело. «А на предмет чего вы хотите со мной встретиться?» — несколько надменно поинтересовалась она. Это решило все.

Режиссер как раз искал исполнительницу на роль в своем новом фильме «Голубой ангел» и решил попробовать Марлен. Такого сногсшибательного успеха, который будет иметь картина во всем мире, не ожидал никто!

Штернберг вместе с двадцативосьмилетней Дитрих уезжают в Голливуд, где с нетерпением ожидали появления заморской знаменитости.

По сценарию фильма она должна была появиться на съемочной площадке в мужском костюме — для Америки это было шоком. Впрочем, не только для неё.

В Монте-Карло Дитрих был запрещен вход в казино, в Лондоне приходилось переезжать из отеля в отель, администрация которых не решалась поселить у себя актрису, открыто рассказывающую о своих лесбийских увлечениях. В Париже Марлен, расхаживающую в брюках, в любую минуту могла арестовать полиция.

Дитрих делает вид, что ей нет никакого дела до реакции публики. На самом же деле это была игра. Марлен не могла без зрителей и была настолько актрисой, что начинала играть, даже если в комнату заходила кошка.

Ее первый американский фильм «Марокко» имеет огромную кассу, пластинки с хрипловатым голосом расходятся бешеными тиражами. Марлен покупает себе дом в Голливуде: роскошную виллу, обитую изнутри белым — ее любимым цветом — мехом. Режиссеров и продюсеров она обычно принимает в пеньюаре, «который просвечивал все, кроме амбиций».

Во время одной из поездок в Европу Марлен знакомится с Ремарком. Поначалу писатель отнесся к ней как к легкомысленной певичке и был удивлен, заметив в руках актрисы томик стихотворений Рильке. А Дитрих, поймав удивленный взгляд писателя, протянула ему книгу и предложила выбрать любое произведение поэта, которое вызвалась тут же прочесть наизусть. Разумеется, Ремарк не мог не влюбиться в «стальную орхидею», как он потом назовет Марлен.

Отношения актрисы со своим законным мужем были более чем странными. Рудольф жил с русской эмигранткой Тамарой Красиной в доме, который для них снимала Марлен. Но зато Рудольф взял на себя воспитание дочери.

Отвлечься от романа с Ремарком Дитрих заставила публикация списка самых популярных и кассовых актрис Голливуда, в котором ей отводилось… 137-е место.

Утешение Дитрих ищет в объятиях балерины Веры Зориной, к которой периодически наезжает в гости в Санта-Барбару на своем роскошном «роллс-ройсе». Общение с балериной не прошло для нее даром — поклонявшаяся в детстве Айседоре Дункан, Дитрих однажды танцует в балете партию… железной дороги.

На голливудский олимп актрису вернула главная роль в фильме Джо Пастернака «Дестри садится в седло». Гитлер, пришедший к власти в Германии, мечтает видеть всемирно известную Дитрих среди своих верноподданных. Он посылает за ней Геббельса, приказав любой ценой вернуть актрису на родину.

Но Марлен остается в Америке и принимает американское гражданство. Теперь она выводит новую формулу счастья: «Оно приходит только к тем, кто свободен духом». Она отказывается даже от родной сестры за то, что та активно поддерживает нацистов. До последних дней актриса будет утверждать, что была единственным ребенком в семье.

Незадолго до начала войны в Париже Дитрих влюбляется в Габена и уговаривает его переехать в Америку. Специально для него каждый день готовит обеды и до блеска чистит дом. Идиллию разрушит война.

При первой же возможности Габен отправится на фронт, а чуть позже за ним последует и Марлен. Они встретятся прямо на поле боя. Габен встретил сияющую от счастья возлюбленную грозным окликом: «Какого черта ты здесь делаешь?»

Он безумно любил Дитрих, предлагал выйти за него замуж и очень хотел детей. Но Марлен по-прежнему оставалась женой Зибера, и гражданский брак с Габеном ее вполне устраивал.

Получив приглашение на съемки в Нью-Йорк (у них не было денег, и гонорар в 100 ООО долларов был весьма кстати), она, не

раздумывая, принимает его, оставив Габена. То, что ее любимый Жан сможет уйти, казалось ей дикостью.

Да, Габен был ревнив. Во время приступов ревности — далеко не всегда беспочвенных — он мог и ударить Марлен. Впрочем, она тоже не оставалась внакладе. Обучившись у Хемингуэя нескольким боксерским приемам, Марлен легко нокаутировала любимого.

Но отъезда в Нью-Йорк он ей не простил. В считаные дни Габен женился на 18-летней манекенщице, которая родила ему троих детей. Марлен не верила, что все кончено. Тщетно искала встреч, вместе с Жаном Маре ходила на бесконечные просмотры фильмов с Габеном, а узнав, что тот купил место под могилу в Нормандии, приобрела для себя соседний участок.

Киношникам Дитрих вскоре стала неинтересна. «Какая Дитрих? Это уже история», — рассуждали продюсеры. И Марлен начинает свое турне по Европе.

В 1963 году она посетила Советский Союз и дала по концерту в Москве и Ленинграде. В Москве она выступала в Театре эстрады, попасть в который можно было с большим трудом. Ведущий сказал всего два слова: «Марлен Дитрих», и появилась сказочная женщина. С идеальной фигурой, у которой не было ничего лишнего, словно Микеланджело отсек все ненужное. Она носила корсет с каучуковыми прокладками, создававшими иллюзию божественной фигуры, который для нее сделала грузинская балерина Тамара Гамсахурдия. На ней было ее знаменитое платье, расшитое блестками, и лебяжье манто с царским шлейфом. Когда она подошла к микрофону, конец шлейфа был еще за кулисами. Марлен пела хрипловатым голосом по-немецки, по-английски, по-французски. Но публике было все равно, как она поет.

На концерте в Ленинграде певица опустилась на колени перед Константином Паустовским. Растерявшийся писатель не знал, как реагировать. А 62-летняя красавица призналась, что у нее русская душа и она преклоняется перед всем русским.

Потом вдова Паустовского рассказывала, что стоило Дитрих преклонить колени, как расшитое стразами платье затрещало по швам и камни рассыпались по сцене. Их тут же принялась подбирать сидящая в первых рядах публика, уверенная, что перед нею бриллианты. На несколько минут концерт был остановлен.

Дитрих не любила рассказывать о себе и почти не давала интервью. Исключением стали лишь последние годы жизни, когда актрисе было нечем платить за квартиру и, будучи под угрозой выселения на улицу, она за 20 тысяч долларов согласилась ответить на вопросы журнала «Штерн».

Когда ей указывали на несовпадения некоторых дат, Дитрих отвечала, что писала мемуары, а не дневник. Пресса отвечала актрисе тем же. В семидесятых годах перед концертами Дитрих одна из газет написала, что посещать выступления Дитрих могут только некрофилы.

Ее называли «аномальной бабушкой», впервые в истории не побоявшейся выйти на сцену в просвечивающем платье «без верха». А когда прошел слух о ее смерти и Марлен позвонила журналистам и сказала, что она жива, один из журналов напечатал на обложке: «Дитрих звонит и предупреждает, что она еще жива».

Единственный, кто получил «доступ к телу» легенды, был режиссер Максимилиан Шелл, познакомившийся с Марлен в начале шестидесятых на съемках фильма «Нюрнбергский процесс». Актриса категорически отказалась сниматься, позволив Шеллу записать их беседу на магнитофонную пленку.

Жена Шелла, русская актриса Наталья Андрейченко, из первых уст узнала подробности той съемки. С ее слов о деталях закулисья поведаю и я.

Любимыми словами Марлен Дитрих были «вздор» и «об этом уже написано в моей книге». Минуты откровения наступали только после того, как домработница приносила ей лимон и «фирменный» чай в подстаканнике. Как потом оказалось, вместо чая в стакане был коньяк. Дневную норму Дитрих составляло три стакана.

Выпить она любила всегда. В перерывах между песнями заходила за кулисы и делала по глотку шотландского виски или шампанского. Однажды она не рассчитала свои силы, и, излишне приложившись к виски, споткнулась и упала в оркестровую яму. Но переломы были для нее делом привычным. Поднявшись на сцену, Дитрих со сломанным плечом допела концерт. Врачам она неизменно отвечала: «Я пережила две мировые войны. Неужели меня остановит какой-то перелом?»

Свои последние годы Марлен доживала в Париже в полном одиночестве. В ее квартире было две «специальные» стены — стена мертвых с фотографиями мужа, друзей, любовников и любовниц. И стена наград, на которой Марлен повесила французский орден Почетного легиона и американскую медаль Свободы. Из кинематографических премий она была только лауреатом «Тони».

Единственный, с кем Марлен общалась, был писатель Ален Боске. «Я так боюсь одиночества, — говорила она ему. — Но это единственное доказательство моей независимости».

О том, что Дитрих прикована к постели, стало известно

только после безуспешных попыток домовладельцев выселить актрису из квартиры, а один из ее друзей был вынужден обратиться к властям. До этого Марлен, всегда сама отвечавшая на телефонные звонки, выдавала себя за собственную домработницу и сочиняла, что хозяйка за рулем собственного авто уехала в аэропорт.

Она получала много писем, в том числе и из России, на некоторые из которых отвечала: «dla vas s liouboviou». Любила смотреть по телевизору выступления теннисистов — ей нравилось мелькание молодых крепких ног. Переживала, что у Бориса Беккера испортился характер, и радовалась за будущего президента Франции, а тогда мэра Парижа Жака Ширака, который встречался с Мадонной. В своих старых фильмах смотрела только титры и вспоминала имена мужчин, которые ее обнимали.

В мемуарах она пишет, что «в мужчине ей нравится только две вещи — руки и губы. Все остальное — приложение». Жан Кокто называл ее «самой восхитительной и самой ужасной женщиной, которую он когда-либо знал». Сама Марлен была человеком без пола — и мужчиной, и женщиной одновременно. Она одинаково любила Ремарка и Пиаф, Габена и Зорину.

Марлен Дитрих была и остается одной из самых ярких звезд XX века. У мужчин она вызывала желание обладать ею, а у женщин — подражать. При этом никогда не была большой актрисой и отдавала себе в в этом отчет. Она знала цену своей красоте. И заплатила за нее дорогую цену. Перед тем как покорить Голливуд, ей пришлось удалить несколько коренных зубов и превратиться из полненькой и озорной девушки в стройную и загадочную женщину.

Созданием мифа она занялась в 22 года, объединив свое имя Мария Магдалина в короткое Марлен, ставшее через несколько лет именем нарицательным для всего сексуального и красивого.

Из-за чрезмерного курения у нее было нарушено кровообращение, сильно опухали ноги. Но Дитрих, отработав двухчасовой концерт (овации иногда продолжались 62 минуты), парила распухшие ноги в соленой воде, вновь надевала туфли на высоком каблуке, взбиралась на крышу машины и раздавала автографы.

Больше всего в жизни она боялась, что кто-нибудь из зрителей кинет яйцо в ее лебяжье манто. И никогда не чувствовала страха перед выходом на сцену. «Они же заплатили деньги, чтобы посмотреть на королеву мира. А я она и есть», — говорила она.

Дитрих думала о смерти без страха. «Надо бояться жизни, а

не смерти». Когда Стивен Спилберг прислал ей в подарок свою афишу с признанием в любви, она отослала ее дочери: «После моей смерти продашь на аукционе. Мертвая я буду стоить дороже. И ни в коем случае не плачьте, когда я умру. Оплакивайте меня сейчас».

Умерла актриса внезапно, сразу после ухода врача, подтвердившего, что она здорова. Во Франции в этот день — 6 мая 1992 года — открывался Каннский кинофестиваль, символом которого была провозглашена Марлен. Говорили, что Дитрих сама срежиссировала свою смерть, отказавшись от еды. «Весь Париж увешан афишами с моим лицом. Пришло самое время вновь выйти на сцену». Последняя формулировка счастья звучала теперь так: «Счастлив тот, о ком помнят».

Скандинавский сфинкс
Грета Гарбо

1970 г. Стокгольм, Швеция. Терраса «Гранд-Отеля». Столик в углу занимает дама в черной меховой накидке и широкополой шляпе. Молодой официант, на ходу поправляя пиджак, который явно ему велик, подходит к столику:

— Миссис уже сделала свой выбор?

— Мисс, мальчик.

— Прошу прощения, мисс.

— А потом, вы что, только что из постели? Одеваться следует дома, молодой человек. И желательно в свои вещи. Вы давно здесь служите?

— Семь лет, мисс.

— А почему не видно мистера Лергмана? Обычно он обслуживал меня. Пригласите его.

— Увы, это невозможно, мисс. Он умер шесть лет назад.

— Какая неожиданность!

— Ему было…

— Вас никто не спрашивал о том, сколько ему было лет. Пожалуйста, кофе.

Проводив взглядом смущенного официанта, женщина наконец позволила себе снять черные очки и достала из сумочки пачку сигарет. Мужчина, сидящий за соседним столиком, немедленно протянул ей зажженную спичку: «Пожалуйста, мисс Гарбо. Видеть вас на родине для меня огромное счастье и честь. Не могли бы вы подписать открытку? Иначе никто не поверит, что я видел саму Грету Гарбо».

Однако его слова вызвали у дамы неожиданную реакцию. Резко поднявшись со своего места, она направилась к выходу, обронив на ходу: «Вы меня, должно быть, с кем-то путаете».

В своем номере — странная посетительница остановилась в том же «Гранд-Отеле» — она долго молча стояла около окна, выходящего на королевский дворец. Надо же, ее все еще узнают. Вот уже почти три десятка лет она не снимается в кино, не дает интервью, не появляется на публике, а всегда найдется кто-то, кто узнает в ней знаменитую Гарбо и обязательно потянется за автографом.

Гарбо наконец отошла от окна и устроилась в кресле. Чего ради она прилетела в Стокгольм? Побродить неузнанной по знакомым с детства улочкам шведской столицы ей, как видно, не удастся до конца жизни. А ведь кажется, еще совсем недавно

продавщица модного стокгольмского магазина «Паб» Грета Луиза Густафсон и мечтать не могла о всемирной славе. После смерти отца Грета стала единственным добытчиком в семье, и главное, что тогда волновало девушку, — было наличие еды в их скромной однокомнатной квартирке.

Однажды зимним вечером, возвратившись с работы, Грета собралась было пораньше лечь спать. Только задремала, как в дверь кто-то позвонил. Это была лучшая подруга девушки Марта, которая пришла пригласить ее на вечеринку, где будет много людей из мира моды. Разве Грета забыла о своей мечте стать манекенщицей? Марта так настойчиво уговаривала подругу пойти на эту вечеринку, что девушке ничего не оставалось, как вылезти из теплой постели, надеть единственное платье и отправиться «в свет». Народу действительно собралось довольно много. Было шумно, весело, и Грета, поддерживаемая одобрительными возгласами друзей, согласилась исполнить несколько песен. По завершении импровизированного мини-концерта к девушке подошел невысокий хорошо одетый человек и спросил ее имя. «Грета. А вы модельер?» — с надеждой она заговорила с ним. «Нет, я Мориц Стиллер, режиссер. Вы не хотели бы попробовать себя в кино?»

Вот так все и началось. Фильмы с участием Гарбо (именно Стиллер придумал Грете Луизе Густафсон этот псевдоним, оттолкнувшись от фамилии известной норвежской актрисы Эрики Дорбо, чье имя гремело в Швеции в 20-х годах) становились все более и более популярны, а гонорары актрисы росли вместе с ее славой, давно перешагнувшей границы Швеции.

В 1925 году двадцатилетняя Гарбо вместе со Стиллером получили приглашение в Голливуд. Грета не думала перебираться в Штаты. Но не потому, что не хотела работать в Америке. Актриса вообще ни о чем не думала, делая лишь то, что ей говорил Стиллер. Он-то и сказал Гарбо подписать контракт, что она, разумеется, и сделала.

«Ты, главное, ничего не бойся, — успокаивал ее режиссер, сходя с борта теплохода, доставившего их в Штаты. — Учи язык, ни о чем не думай, а я о тебе позабочусь».

Однако все получилось совсем иначе. Снимать Гарбо в Голливуде предстояло другим режиссерам, а Стиллеру предложили поработать над историческими фильмами. Картины Морица успеха, увы, не имели. Непривычные условия работы и абсолютное незнание английского (услугами переводчика Мориц не пользовался принципиально) сделали свое дело: Стиллер был вынужден вернуться в Швецию. В ночь перед его отъездом Гарбо, чья карьера в Голливуде, напротив, складывалась как нельзя

лучше, обратилась к Морицу с просьбой стать отцом ее ребенка.

«Ты знаешь, как я к тебе отношусь, — ответил режиссер. — Но представить себя в постели с женщиной… Давай поговорим об этом как-нибудь в другой раз».

Больше они не виделись. Через два года Гарбо узнала, что Стиллер, вернувшись в Швецию, тяжело заболел и умер.

На его похороны актрису не отпустили. Скандинавский сфинкс, как называли Грету за ее молчание журналисты (английский все еще оставался для Гарбо проблемой), был необходим Голливуду как воздух. Фильмы с ее участием пользовались сумасшедшей популярностью, и одна картина сменяла другую.

Поняв, как в ней заинтересованы киношники, Грета то и дело бросала фразу: «Нет, мне это не подходит. Наверное, я возвращаюсь домой». Стоит ли говорить, что ее условия тут же принимались, а к сумме гонорара добавлялся еще один ноль. Гарбо стала самой знаменитой актрисой мира. Ее внешность была для зрителей иконой, на которую они не уставали молиться.

«Когда Гарбо смеживала веки, ее длинные ресницы цеплялись друг за дружку, и, перед тем как она снова открывала глаза, слышался явственный шорох, наподобие трепета крыльев мотылька», — писала о ней поэтесса Айрис Гри. Другой очевидец говорил, что «то, что вы видите в других женщинах, будучи пьяным, в Гарбо вы видите трезвым. Она может откидывать назад голову едва ли не под прямым углом к позвоночнику и жадно целовать мужчину, взяв его лицо в ладони так, что казалось, она пьет с его губ некий напиток».

Личная жизнь актрисы для окружающих была покрыта завесой тайны с первых лет ее появления в Штатах. «Когда я приехала в Америку, — сказала Гарбо в одном из своих интервью, — то была похожа на корабль без руля и ветрил — испуганная, потерянная и одинокая. Я была неуклюжа, боязлива, вся издергана, мне было стыдно за мой английский. Именно поэтому я возвела вокруг себя непробиваемую стену и живу за ней, отгородившись ото всего мира. Быть звездой — нелегкое дело, требующее уйму времени, и я говорю это со всей серьезностью».

В киношных кругах судачили о ее романах с актером Джоном Гилбертом (отношения с ним вообще дошли чуть ли не до свадьбы), дирижером Леопольдом Стоковским, миллионером Джорджем Шли. Одним из поклонников Гарбо был и Адольф Гитлер, приглашавший Грету в Германию. «Наверное, мне следовало отправиться в Берлин, захватив с собой пистолет, спрятанный в сумочке, — напишет потом актриса. — Я могла

убить его очень легко. Это разрешило бы все проблемы, и, может быть, не было бы войны, а я стала бы героиней масштаба Жанны д'Арк».

Особые отношения связывали Гарбо со сценаристкой Мерседес де Акосте, которая была старше ее на 12 лет. Мерседес не делала секрета из своей нестандартной сексуальной ориентации, что породило массу слухов и сплетен и в отношении самой Гарбо. Поссорились подруги, жившие какое-то время одним домом, после выхода в свет мемуаров Мерседес, в которых она довольно откровенно описала свои взаимоотношения не только с Гарбо, но и с Марлен Дитрих, и с Айседорой Дункан.

Робкий стук в дверь ее номера заставил Гарбо очнуться от воспоминаний. Служащий отеля принес букет цветов от господина, который в ресторане посмел так расстроить очаровательную мисс.

«Надо же, белые лилии, — усмехнулась про себя Гарбо. — Откуда этот мужчина мог знать, что это мои любимые цветы?» Первый раз она получила в подарок букет белых лилий от Морица Стиллера, впервые оказавшись на съемочной площадке. Потом такие же букеты ей дарила Мерседес, неизменно сопровождая свой подарок каким-нибудь изречением. Грета навсегда запомнила слова подруги о том, как схожи между собой любовь и цветы — и то и другое поначалу радует, но со временем увядает и начинает доставлять неудобства.

«В жизни нет ничего постоянного. Никогда не следует произносить само слово «вечно», особенно применительно к любви, ибо это всегда подобно святотатству. Никто не способен понять, действительно ли он с этого момента проникся истинной любовью или же, попросту дав клятву, тотчас забудет о ней».

Гарбо никогда не забывала этих слов Мерседес. Узнав о публикации ее мемуаров, актриса мысленно прокляла ее. Но когда в 1968 году Мерседес не стало, Гарбо попросила положить в гроб подруги букетик белых лилий. Но излишнюю откровенность она ей так и не простила.

Как не простила и фотографа Сесила Битона, с которым ее связывала нежнейшая дружба, за его книгу «Беглые заметки». Впрочем, в своих «заметках» Сесил действительно сказал немало обидного: «Она не любит вмешательства в ее жизнь. Бывает, доведенная до предела, она бросается в слезы и запирается у себя в комнате на несколько дней, отказываясь впускать даже горничную. Она даже не в состоянии читать. По этим причинам она неспособна развиваться как личность. Прекрасно, что она оберегает себя от тлетворного влияния Голливуда, но Гарбо теперь настолько замкнулась в самой себе, что даже когда время

от времени позволяет себе отдых, он не становится для нее событием.

Ее ничто и никто в особенности не интересует, она несносна, как инвалид, и столь же эгоистична и совершенно не готова раскрыть себя кому-либо; из нее получилась бы занудливая собеседница, постоянно вздыхающая и полная раскаяния. Она суеверна, подозрительна, ей неизвестно значение слова «дружба». Любить она тоже не способна».

И каково было читать все это ей, действительно не впускавшей в свою жизнь даже друзей?

— Может, выпьем вечером чаю? — спрашивали ее приятели.

— Нет, я не люблю чай.

— А не съездить ли нам на выходные к морю?

— Я не люблю ездить к морю.

— Так что же ты тогда любишь?

— Я люблю спать.

Подобные диалоги, оскорблявшие окружающих, были для Греты нормой.

Битону подобные взаимоотношения, судя по всему, основательно осточертели. Они познакомились уже в пятидесятых, когда Гарбо покинула мир кино. Для знаменитого фотографа сделать снимки великой актрисы было делом чести, и он попросил Мерседес (тогда женщины еще были близки) познакомить его с Гретой. Встреча состоялась, и Сесил уговорил Гарбо попозировать ему. Фотографии получились великолепными: Гарбо, которой к тому времени было за пятьдесят, выглядела на них совсем юной. Портреты актрисы, выполненные Битоном, разошлись по миру, а между фотографом и Гарбо завязались довольно близкие взаимоотношения.

Они часто встречались, вместе обедали, обсуждали последние новости. Во время одной из таких встреч Грета рассказала Битону о предложении, которое ей сделали американские продюсеры, — сыграть на Бродвее. Правда, в последний момент те отказались подписать с актрисой контракт.

— Ну почему? — спросил Битон.

— Кто знает? — пожала плечами Гарбо. — Я согласилась на все их условия. Только потребовала, чтобы из зрительного зала убрали первые шестнадцать рядов. Для зрителей я должна оставаться такой же, какой запомнилась по своим фильмам.

Внешность была для Гарбо больной темой. Она прекрасно знала цену своей красоте и хотела, чтобы та оставалась неизменной. Фраза Мерседес о вечности в данном случае не имела для нее никакого значения. Для того чтобы остаться для всех такой Гарбо, которой привыкли восхищаться, в 1942 году она

перестала сниматься в кино и запретила фотографировать себя. Поэтому ее и привлек Сесил Битон, сумевший на своих карточках сделать ее молодой.

— Грета, ты можешь со мной встретиться? Прямо сейчас, — голос Битона в телефонной трубке заметно дрожал.

— Боже мой, что случилось? Я еду.

Через несколько минут Гарбо была в квартире Битона.

— Я должен с тобой серьезно поговорить. Наши отношения давно ни для кого не секрет…

— Ты имеешь в виду нашу дружбу?

— Да. И я считаю, что пришло время, чтобы ты стала моей женой. Ты должна согласиться.

— Милый мальчик, ты, наверное, забыл, что я уже очень давно никому и ничего не должна. А насчет твоих слов… Давай будем считать их не очень удачной шуткой. Но это простительно — ты же фотограф, а не юморист.

— Вот именно, Грета, фотограф! Смотри, что появится в завтрашних газетах.

Сесил достал пачку фотографий и бросил их на журнальный столик. Взяв одну из карточек, Гарбо вздрогнула: на нее смотрела постаревшая женщина с усталыми глазами, которые окружала довольно заметная сеточка морщин. На фотографиях была неизвестная Гарбо, проигравшая свою борьбу с возрастом.

— Если ты не хочешь выйти за меня замуж и сделать официальным наследником, тебе все равно придется расстаться с деньгами. Эти негативы дорого стоят. А еще…

Но Гарбо уже ничего не слышала. Она медленно повернулась и направилась к выходу. Придя домой, она распорядилась, чтобы ее адвокаты оформили сделку с фотографом, а сама, как это всегда бывало в дни депрессий, отправилась в Стокгольм…

Ее нынешний приезд в родной город тоже был вызван очередным приступом отчаяния. В 65 лет Гарбо осталась совсем одна — без друзей, без подруг и самое страшное — без прошлого, с которым она отчаянно боролась всю свою жизнь. Может, поэтому она так любила музеи? Бывая в них, Гарбо физически чувствовала, что время можно остановить. Работы Ренуара, Модильяни, Пикассо, которые Грета скупала на аукционах, делали и ее нью-йоркскую квартиру похожей на музей, где время — она была в этом уверена — тоже остановилось.

Женщина поднялась с кресла и, подойдя к зеркалу, надела шляпу. До отъезда в аэропорт оставалось три часа. Она вполне успевала зайти в ресторан. «Нет-нет, я не буду ничего заказывать, — сказала Гарбо встретившему ее на входе метрдотелю. — Пожалуйста, передайте эту записку тому

господину, который сидел утром вот за тем столиком. Хорошо?»

Достав из сумочки перьевую ручку, она написала на листе бумаги: «Грета Луиза Густафсон», сложила его пополам, передала метрдотелю и вышла.

Грета Луиза Густафсон прожила 85 лет и умерла в Нью-Йорке в 1990 году, оставив все свое многомиллионное состояние племяннице.

Шоколадная любовь Одри Хепберн

Ее называли иконой стиля и мечтали носить на руках. А она, набросив простенькое пальто и не решаясь беспокоить помощницу по хозяйству, сама отправлялась на рынок и тащила домой сумки с продуктами.

«Я — просто женщина, которой повезло» — эти слова Одри Хепберн вызывали восторг.

Но среди многомиллионной армии поклонников, готовых ради Одри на любую жертву, был один человек, который знал истинную цену, заплаченную женщиной-идолом за свой успех. Десятилетняя дружба с актрисой не позволяла ему верить в красивости, которые Одри говорила в интервью. Потому что из ее уст он слышал истинную правду…

Джонатан Смит вот уже тридцать лет живет в Монтрё — знаменитом швейцарском городке, который прославил великий Владимир Набоков, проживший там свои последние годы.

«Может быть, пройдет время и я тоже напишу книгу, которую оценят потомки, — смеется Джонатан. — Правда, я пока еще за нее и не брался. Но какие мои годы? 87 лет — не такой уж возраст. Хотя Одри не стало, когда ей было всего 63. Но я с судьбой силой мериться не стану. Все равно будет так, как суждено».

Смит родился в Брюсселе, жил в Амстердаме, женился в Лос-Анджелесе. «Почти калька с жизни Одри, которая тоже родилась в Бельгии, потом перебралась в Голландию, а став актрисой, переехала в Штаты, — говорит он. — Когда мы познакомились, то первое время болтали только об этом. «А ты помнишь Брюссель?» — «Конечно, мне так его не хватает». — «А каналы Амстердама?» — «Они снятся мне каждый день». Согласитесь, такое редко бывает — встречаются два человека и понимают, что у них была одна жизнь. Ну, не считая мужей Одри, разумеется. Я-то, в отличие от нее, был женат всего один раз.

Моя Ева умерла за месяц до моего знакомства с Эддой. Кто такая Эдда? Ха! Сегодня ведь никто и не знает, что настоящее имя великой Хепберн было Эдда Кэтлин ван Хеемстра Хепберн-Растон. Что вы хотите, аристократический род. Ее мать ведь была баронессой. Правда, кроме титула и монотонных нравоучений от матери, Эдди не досталось ничего. Конечно, ее этим именем никто не называл. Но она улыбалась, когда я обращался к ней как к Эдди. Хотя вряд ли воспоминания о детстве поднимали ей

настроение. Уход из семьи отца, расстрел фашистами прямо на ее глазах родного дяди, голод и нищета…»

Мистер Смит категорически отказывался от интервью. «Все, что знаю и помню, я напишу в своих мемуарах. Тем более что вам интересен не я, а Хепберн. А о ней вы можете прочитать в книгах», — справедливо заявляет он. Но неожиданную просьбу поведать о романтической истории знакомства со своей супругой встречает немного растерянной улыбкой и… соглашается. «Только сегодня я не могу, мне нужно рассадить розовые кусты. Давайте завтра у Тургенева в 8 утра. Для вас это не очень рано?» — предлагает он.

Несмотря на то что предложение Джона звучит довольно странно, «встретиться у Тургенева» в Монтрё очень даже возможно. Это означает сойтись возле скамейки, стоящей на берегу Женевского озера. Вдоль всего берега проложена писательская тропа, на протяжении которой заботливыми горожанами расставлены скамейки, носящие имена великих писателей. Одна из них и посвящена автору «Записок охотника».

На следующее утро, решив прийти на встречу заранее, без четверти восемь я уже ежусь от холода в назначенном месте. Через минуту появляется и мистер Джонатан. «Как вы пунктуальны, — улыбается он. — Что ж, это похвально. Так вы хотите поговорить о моей жене? — тут Смит лукаво улыбается. — Или все-таки о миссис Уолдерс? Как, вы не знаете, кто эта дама? Да это же Одри! Женщина с одним лицом и тысячей имен! Хорошее название для рассказа, не правда ли?

Ее последней любовью был милый датский парень Роберт Уолдерс, встречу с которым она считала самым счастливым мгновением своей жизни. Вот я в шутку и называл ее «миссис Уолдерс». А что, ей было приятно. «Мы не расписаны с Бобби, но женаты», — говорила она… Ладно, поболтаем и об этом, если вам вдруг будет интересно.

Вы ведь не очень в возрасте, поэтому я и удивляюсь вашему интересу к Одри Хепберн. Нынешняя молодежь ее вряд ли знает. Что вы хотите, если мой собственный внук на вопрос о том, нравятся ли ему фильмы Хепберн, ответил, что Кэтрин была его любимой актрисой. Хотя на самом деле, наверное, не видел ни одного фильма ни той, ни другой. Так что я уже ничему не удивляюсь. Итак, Ева. Мы ведь поговорим и о ней?»

Встреча Джонатана с матерью своих будущих детей действительно была довольно романтичной. Ее отец владел небольшой шоколадной фабрикой под Брюсселем. Для того чтобы воспитать в дочери уважение к деньгам, он раз в неделю отправлял ее за прилавок. Однажды в магазинчик нанес визит,

выпавший аккурат на смену «трудового воспитания», молодой Джо.

«Ева призналась мне потом, что все решил мой заказ. Я был единственным человеком, который попросил килограмм малиновых трюфелей. В тот день она убеждала отца, что не стоит снимать с производства эти конфеты, которые она обожала больше всего и которые, как назло, не пользовались никаким спросом. Их спор должен был разрешить первый покупатель, которым я и оказался. Всего за десять крон мне удалось купить полкило сладостей и двадцать лет счастливой жизни.

Когда Евы не стало, я поначалу пытался продолжать перешедшее к ней по наследству семейное дело. Но в конце концов понял, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на разрешение пусть и таких сладких, как шоколад, проблем. Продал фабрику, магазинчики и перебрался в Швейцарию. Поначалу я жил в нескольких километрах от Монтрё, где у меня была небольшая лавочка. Какая? Конечно же, я торговал шоколадом.

Однажды — я навсегда запомнил этот день: 22 августа 1985 года — в нее зашла невысокая стройная женщина в огромных черных очках. Спросила, на каком языке я говорю — английском, французском или итальянском. Я ответил, что на любом, который будет угоден мадам. «Значит, французский», — улыбнулась она. И заказала двести граммов малиновых трюфелей. Вы же понимаете, что я не мог не предложить такой покупательнице чашечку чая.

Она согласилась. Прошла в заднюю комнатку и, расположившись за столом и сняв очки, внимательно на меня посмотрела. Только потом я понял, что она ждала моей реакции. А я, к своему стыду, не узнал знаменитой Одри Хепберн. Это все и решило — мы стали друзьями. Хотя я по сей день не устаю удивляться — как я мог не узнать самую знаменитую актрису моей молодости? Тем более что, несмотря на четверть века, прошедшие после выхода «Завтрака у Тиффани», она по-прежнему выглядела превосходно.

Одри заходила в мою лавочку каждую среду. Я уже знал ее вкусы, так что к ее приходу всегда был готов сверток со сладостями. Первое время она смущалась, что наши разговоры отрывают меня от работы. Но потом чашечка чая стала уже нашим ритуалом. О чем мы говорили? Обо всем. Во время первой встречи я не нашел ничего лучшего, как спросить, почему она любит шоколад. Глупый вопрос. А лицо Хепберн вдруг стало грустным: «Потому что сладости заменяли мне родителей. Мама с папой постоянно ссорились, и только шоколад никогда не предавал меня».

Потом, когда Одри решила стать балериной, мать убедила ее внимательнее относиться к своей фигуре. За месяц перед походом в хореографическое училище девочка перестала есть не только сладкое, она вообще чуть ли не объявила голодовку. Правда, в училище ее все равно не взяли. Сказали, что 170 см — слишком высокий рост для балерины. И тогда Одри решила заниматься сама. Поначалу изображала упражнения у станка дома. А когда с началом Второй мировой семья перебралась из Бельгии в Нидерланды и стало не до балета, танцевала на улице. Брала скакалку и прыгала, пока от усталости не хотелось лечь прямо на мостовую. До последнего дня Одри весила 46 кг. Для кого же был шоколад? — спросите вы. Все, что покупалось в шоколадных лавках, предназначалось гостям.

Кстати, вы в курсе, что Тургенев был любимым писателем Хепберн? Она даже подумывала о том, чтобы выучить русский. Когда проект «Война и мир», в котором она сыграла Наташу Ростову, только-только запускался, Одри брала уроки русского. Ей вообще довольно легко давались языки — кроме английского, французского и голландского она свободно говорила на испанском и итальянском. Когда она закончила свою актерскую карьеру и стала послом Детского фонда ООН, ей это пригодилось. В конце жизни Хепберн шутила, что для полного счастья ей не хватает знания языков, на которых говорят народы Африки, — она же бывала и в Эфиопии, Сомали, Судане.

А вот Толстого она любила не очень. Хотя принято считать, что после «Войны и мира» она стала чуть ли не исповедовать толстовство. Вы понимаете, о чем я говорю? Одри вообще довольно спокойно относилась к этой работе. Роль Наташи не принесла ей никаких дивидендов — критики фильм разругали.

Да и с Мелом — то, что исполнитель роли Андрея Болконского был ее первым мужем, вы же знаете? — у них как раз начинались проблемы. Несколько раз беременность Одри заканчивалась выкидышами, и ее состояние можно легко себе представить. Каждый раз, когда она говорила об этом, ее голос начинал дрожать. Но я ни разу не видел на ее глазах ни слезинки.

Даже когда Одри вспоминала о страшной трагедии, произошедшей с ней на съемках «Непрощенной». Она в очередной раз ждала ребенка, но решила отказаться от услуг дублерши и сама скакала на коне. Во время одного из дублей лошадь понесла и Одри не удержалась в седле. Падение было довольно неудачным, и врачи сказали, что ребенка не будет…

Она не раз говорила, какой непростой характер был у Мела. Он требовал полного подчинения. А с Одри такие штуки не проходили. Хотя, наверное, все дело было в Феррере. Со вторым-

то своим мужем она после развода общалась, а про Мела даже не хотела слышать. Несмотря на то что у них был общий ребенок — Шон.

Кстати, со вторым мужем — Андреа Дотти — Одри познакомилась, как ни забавно, именно благодаря Мелу. Тот так довел ее своими выходками, что она была вынуждена обратиться к психотерапевту. Им и оказался Андреа. Они поженились, у них родился сын Лука. На какое-то время Хепберн перебралась к мужу в Рим, сама вела дом, готовила и ходила за покупками. Но… Дотти был на девять лет моложе ее. Одри постоянно помнила об этом. А однажды увидела в газете его фотографию с какой-то молоденькой девушкой. Унижения ей хватало и в первом браке. Они расстались. Это произошло в 82-м году, за несколько лет до нашего знакомства.

Увы, когда Хепберн зашла в мою лавочку, у меня уже не было никаких шансов — ее спутником был актер Робби Уолдерс, я уже рассказывал про него. Пара много времени проводила в Швейцарии. А когда Одри решила, что ее актерская карьера завершена, она перебралась сюда окончательно. Вместе с Бобби они летали по миру — она старалась помочь всем, кому могла. Но об этом мы с ней почти не говорили. Мне хватало газет и журналов, которые описывали ее поездки. Так что я был в курсе. Вместе со всем миром.

Какие темы обсуждали мы? Даже не надейтесь, не расскажу. Но, поверьте, нам было интересно. Мы так и не успели наскучить друг другу. Потому что все, как это, наверное, всегда и бывает, кончилось неожиданно. В 92-м году Одри вернулась из Сомали и вдруг почувствовала боли в желудке. Ее немедленно отправили в Штаты. Лучшие врачи осмотрели ее и поставили страшный диагноз — рак. Уже ничего нельзя было сделать. На личном самолете одного из друзей Одри доставили обратно в Швейцарию. Салон лайнера был украшен живыми цветами, а я послал ей коробочку малиновых трюфелей…

Хепберн не стало в январе 93-го года. Мы похоронили ее здесь же, в Швейцарии. Никогда не забуду, как на ее похоронах Элизабет Тейлор произнесла: «Ангел взлетел на небо». Я думаю, что она была права…

Да, какой-то невеселый у нас получился разговор. Но я ничего не соврал. Что знал, то и говорил. И потом, мы же не документальную историю пишем, правда? Знаете, мне надо идти. Проводите? Чудесно. Только предупреждаю заранее — фотографироваться не стану. Терпеть этого не могу. Одри говорила: «Кто любит, тот запомнит и так. А остальные пусть и не вспоминают».